

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА «ОБЩЕНИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЯ»

ПРИСУТВИЕ ВО ВЗГЛЯДЕ

РИМИНИ 2015

ПРИСУТСТВИЕ ВО ВЗГЛЯДЕ

Упражнения Братства
«Общениа и освобождения»

РИМИНИ 2015

«По случаю ежегодных духовных упражнений для членов Братства “Общения и освобождения”, проходящих в Римини, Его Святейшество папа Франциск, духовно соучаствуя в вашем собрании, обращает к вам сердечные и приветственные мысли и пожелание для всех присутствующих и тех, кто присоединился к ним по спутниковой связи, непрерывного внутреннего открытия плодотворности христианской веры, подкрепляемой уверенностью в присутствии Христа воскресшего. Святейший Отец призывает дары Божественного Духа ради щедрого свидетельства о вечной новизне Евангелия на пути, проложенном досточтимым священником монсьёром Луиджи Джуссани. Прося поддерживать неустанной молитвой его вселенское служение, он испрашивает небесного заступничества Пресвятой Девы и от всего сердца преподает вам и всем собравшимся испрошенное у него апостольское благословение, с радостью распространяя его на все Братство и на дорогих вам людей.»

Кардинал Пьетро Паролин,
государственный секретарь Его Святейшества
15 апреля 2015 г.

Пятница, 24 апреля, вечер

На входе и выходе:

Людвиг ван Бетховен. Симфония № 6 фа мажор, ор. 68 («Пасторальная»)

Риккардо Мути – Филармонический оркестр «Ла Скала»

«Spirto Gentil» п. 11, Philips

■ ВВЕДЕНИЕ

Хулиан Каррон

Больше всего в начале этих упражнений мы нуждаемся в том, чтобы звать к Духу, молить Его привести в движение все, что в нас неподвижно, что не открыто, избавить нас от рассеянности и распахнуть ожидание, о котором пишет одна из вас: «Сегодня такое утро, когда, встав с постели, не можешь не искать Его. Ты идешь на мессу, прося Господа встретить Его там, а потом и дома, где каждый день перед тобой вновь возникают вызовы жизни. Ты еще не знаешь, как вести себя с твоим ребенком, который во всем видит несправедливость и на все злится, для которого всё под вопросом; ты не знаешь, но в сердце и сегодня горит просьба о любви. В ожидании этих трех дней, упражнений Братства, столь драгоценных и незаменимых, все исполнено просьбы: просьбы о лицах людей, которые, как и ты, находятся в пути и которых ты по-прежнему ищешь; просьбы о вечном объятии, которое ты по-прежнему ищешь для тех, кого любишь и для всего мира; все исполнено жажды слушать, жить памятью, помнить – ведь этого никогда не бывает слишком много. Во мне продолжает гореть любовь ко Христу, к Его компании, которую я по-прежнему ищу, хоть мне уже пятьдесят, потому что ею никогда нельзя наполниться ей до краев».

С такой просьбой, с таким ожиданием, превращающимся в просьбу, обратимся к Духу Святому, да приведет Он к свершению нашу хрупкую попытку принять то, что Господь дарует нам в эти дни.

Снизойди, Дух Святой

«По случаю ежегодных духовных упражнений для членов Братства “Общения и освобождения”, проходящих в Римини, Его Святейшество папа Франциск, духовно соучаствуя в вашем собрании, обращает к вам сердечные и приветственные мысли и пожелание для всех присутствующих и тех, кто присоединился к ним по спутниковой связи,

непрестанного внутреннего открытия плодотворности христианской веры, подкрепляемого уверенностью в присутствии Христа воскресшего. Святейший Отец призывает дары Божественного Духа ради щедрого свидетельства о вечной новизне Евангелия на пути, проложенном досточтимым священником монсеньором Луиджи Джуссани. Прося поддерживать неустанной молитвой его вселенское служение, он испрашивает небесного заступничества Пресвятой Девы и от всего сердца преподает вам и всем собравшимся апостольское благословение, с радостью распространяя его на все Братство и на дороги вам людей. Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь Его Святейшества».

Как отмечается в телеграмме Святейшего Отца, в начале наших упражнений мы еще объаты светом пасхальной ночи. Вся пасхальная ночь была озарена светом пасхала, тем светом, что Иисус воскресший навечно принес в историю. Именно в этом свете Церковь смотрит на все, может смотреть на все. Лишь после того, как окончательно воссиял свет Воскресения Христова, мы стали способны понять то, что нельзя понять без него: конечный смысл вещей. Поэтому в ту ночь, исходя из настоящего, из момента, когда Церковь охвачена светом Воскресения, диктующим метод взгляда на все, она призывает нас обратиться к истории от самого сотворения мира, обретающей, наконец, полную ясность: в ней нашему взору открывается конечная положительность реальности.

В свете Воскресения мы в состоянии смотреть в лицо самому насущному человеческому вопросу, звучащему в пасхальном гимне: действительно ли стоит появляться на свет? Он возникает, когда жизнь, пусть прекрасная и полная обещания, загоняет нас в угол. Всеохватный ответ на этот вопрос человека о собственной жизни можно найти лишь в свете пасхальной ночи. Без надежды на свершение жизни для вечности нет смысла и рождаться. Как напоминает *Послание к евреям*, жизнь превратилась бы в проклятие, ведь мы пребывали бы в страхе смерти, который подобно дамоклову мечу нависает над всеми нами. В свете же Христовой победы можно признать конечную положительность творения, человеческой жизни, жизни каждого из нас, поскольку в ней великий вопрос о смысле находит ответ. В пасхальном гимне говорится: «Тщетным было бы наше рождение, если бы Он не искупил нас!»¹ Что представляла бы собой жизнь без Воскресения Христова, в чем состоял бы ее смысл?

¹ Гимн провозглашения Пасхи *Exultet*.

Свет, озаряющий пасхальную ночь, позволяет нам понять всю историю спасения, начиная с избавления от египетского рабства и вплоть до пророков, историю, единственная цель которой в том, чтобы мы смогли уловить логику замысла Божия, постепенно открывавшегося во времени.

Библейские чтения навечерия Пасхи рассказывают, что Бог пламенно любит человека и интересуется судьбой даже такого незначительного народа, как Израиль, показывая на его примере, насколько Ему безразличны людские страдания. Бог начинает отвечать на эти страдания конкретным, особенным образом и уже не оставляет Своих детей. И хотя часто они могли ощущать себя покинутыми, как брошенная женщина с разбитым сердцем, Бог настигает их через пророков, в числе которых Исаия: «Как жену, оставленную и скорбящую духом, призывает тебя Господь, и как жену юности, которая была отвержена. <...> На малое время Я оставил тебя, / но с великою милостью восприму тебя. <...> Я сокрыл от тебя / лице Мое на время, / но вечною милостью помилюю тебя, / говорит Искупитель твой». Бог уверяет Свой народ: «Горы сдвинутся / и холмы поколеблются – / а милость Моя не отступит от тебя, / и завет мира Моего не поколеблется, / говорит милующий тебя Господь»².

Где еще эти слова обретают свой подлинный смысл, как не в свете того факта – яркого факта Воскресения Христова? В любом другом случае они остаются лишь красивыми словами, годными для сентиментального утешения, но в глубине не способными осуществить решающий, ключевой переворот и привнести в жизнь что-то действительно новое. Лишь факт Воскресения в достаточной мере озаряет их и наполняет смыслом. И мы можем понять, почему Иисус сказал Своим ученикам: «Блаженны очи, видящие то, что вы видите! ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали»³. Пророки принадлежали этой истории, они прожили часть этой истории, желали увидеть ее свершение, но не увидели. Поэтому Иисус и говорит нам: «Блаженны вы, увидевшие!» Он обращается к нам, потому что мы увидели свершение Его замысла!

В пасхальную ночь Церкви хватает света, чтобы смотреть на все, на всю тьму, на то, что мы, люди, отказываемся замечать, начиная с собственных грехов, поскольку у нас нет на них ответов. «Это ночь, когда тьму греховную рассеял столп света. Это ночь, которая ныне во всем мире верующих во Христа, освобожденных от мирских пороков и тьмы греховной, возвращает к благодати и собирает в общение святых. Это

---

² Ис. 54, 6–8, 10.

³ Лк. 10, 23–24.

ночь, когда, разрушив узы смерти, Христос от ада взошел победителем». Перед этим светом народ в радости восклицает: «Тщетным было бы наше рождение, если бы Он не искупил нас!» В свете пасхального события Церковь и все мы вслед за ней можем сказать, если Господь дарует нам благодать малейшей сознательности: «О, сколь чудесно Твоей милости о нас благоволение! О, сколь неизреченно богатство любви: ради искупления раба Ты предал Сына!»⁴

Со Христом воскресшим во взгляде Церковь настолько способна смотреть на все, что осмеливается говорить о нашем грехе слова, кажущиеся разуму парадоксальными: «О счастливая вина!» Рождается новый взгляд на зло, которое внезапно воспринимается как благо: «О счастливая вина, заслужившая столь славного Искупителя!» И пасхальный гимн продолжается: «О воистину блаженная ночь – та единственная, что удостоилась знать время и час, когда Христос воскрес от ада!» Вот тайна пасхальной ночи: «Освящение этой ночи изгоняет зло [мы можем не просто смотреть на него, а видеть его поражение], смывает вину, возвращает падшим невинность и унывающим радость»⁵.

Позволяя осветить себя свету, навсегда принесенному в жизнь и историю событием Воскресения, которое мы праздновали в пасхальную ночь, мы не можем не испытывать благодарность. И не нужно вычеркивать никакое обстоятельство, встающее перед нами, никакие трудности, никакое зло, лежащее на наших плечах, – ничто из перечисленного не может быть настолько грандиозным, чтобы на это нельзя было смотреть, чтобы этому нельзя было бросить вызов в свете победы Христа воскресшего. В свете Воскресения мы можем смотреть на все, друзья мои, ничто не исключено из Его победы. Попросим Господа о том, чтобы мы в простоте приняли этот свет, чтобы он проник в самые сокровенные, в самые потаенные уголки нашего бытия!

Но что мы праздновали в пасхальную ночь? Лишь факт из прошлого, благочестивое воспоминание, ритуальный жест, повторяемый из года в год? На этот вопрос не ответишь с помощью одних только отвлеченных рассуждений. Никакая мысль не в состоянии утолить острую неотложность этого вопроса, никакое размышление не в силах утомить его. О чем свидетельствует нам истина, то есть реальность события, которое мы праздновали в пасхальную ночь? О единственном факте: о событии народа, подобном тому, что мы наблюдали на площади Святого Петра, народа, утверждающего реальность Воскресения, кричащего о нем.

⁴ Гимн провозглашения Пасхи *Exultet*.

⁵ Там же.

Чтобы рассмотреть во всем его значении произошедшее на площади Святого Петра, мы должны взглядеться в другой факт, в другое событие народа, имевшее место две тысячи лет назад и свидетельствующее о Воскресении Христовом, подтверждающее его. Я говорю о Пятидесятнице. «При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать. В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Когда сделался тот шум, собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне? Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились. Парфяне, и Мидяне, и Еламнты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих? И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит? А иные, насмехаясь, говорили: они напильсь сладкого вина»⁶.

Как мы видим, с самого начала, с первого мгновения недостаточно находиться перед фактом, пусть даже столь внушительным. Чтобы признать смысл, провозглашаемый фактом, требуется наша свобода. Понять его может тот, кто действительно стремится охватить все факторы, характеризующие событие, тот, кто подходит к нему с «положительно настроенным умом, с нищим умом, готовым с любовью утверждать реальность, составляющую почву, на которой возрастает вера»⁷. Лишь так можно было найти ответ на вопрос, порожденный фактом Пятидесятницы: «Что означает это собрание людей?» – и проверить разумность возможных его истолкований, включая предположение об опьянении учеников.

Именно на этот вопрос, на этот насущный вопрос, на вопрос, порожденный очевидностью Пятидесятницы, отвечает Петр в своей речи, которую донесли до нас *Деяния апостолов*: «Мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! Сие да будет вам известно, и внимайте сло-

⁶ Деян. 2, 1–13.

⁷ L. Giussani. *La familiarità con Cristo. Meditazioni sull'anno liturgico*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2008. P. 105.

вам моим: они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь девять часов утра [рановато для пьянства!]; но это есть предреченное пророком Иоилем: *“И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать. И покажу чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу, кровь и огонь и курение дыма. Солнце превратится во тьму, и луна – в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и славный. И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется”*. Мужи Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете, Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками незаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его. Ибо Давид говорит о Нем: *“видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался. Оттого возрадовалось сердце мое и возвеселился язык мой; даже и плоть моя упокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления. Ты дал мне познать путь жизни, Ты исполнишь меня радостью пред лицем Твоим”*. Мужи братья! да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен, и гроб его у нас до сего дня. Будучи же пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его, Он прежде сказал о воскресении Христа, что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления. Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. Итак Он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святаго Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите. Ибо Давид не восшел на небеса; но сам говорит: *“сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих”*. Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли. Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братья? Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа»⁸.

Только Воскресение Христово должным образом объясняет факт Пятидесятницы. Перед его очевидностью Петр не может остановиться

⁸ Ср. Деян. 2, 14–38.

на истолкованиях феноменального или социологического характера. Он охвачен непреодолимым стремлением произнести Его имя: лишь Христос воскресший и сила Его Духа способны дать исчерпывающее объяснение народу, рожденному от Пасхи. Петр весь во власти присутствия Христа воскресшего и потому способен смотреть на реальность, не останавливаясь на поверхностном, преодолевая любой тип неполноценных истолкований. Он смотрит на все исключительно со Христом воскресшим во взгляде.

Только такой взгляд, друзья мои, позволяет нам соответствующим образом, ничего не умаляя, понять, что произошло на площади Святого Петра. Мы принадлежим к народу, рожденному от Пасхи Христовой. Каждый может сравнить свое переживание события народа в Риме с сознанием Петра перед событием народа в Пятидесятницу.

Вот почему пасхальное время, друзья, представляет собой парадигму христианской жизни. Попробуем представить себе, как день за днем явления Иисуса воскресшего, о которых напоминает нам литургия, должны были наполнять жизнь апостолов! Чем была их жизнь, как не утверждением Его живого присутствия, как не существованием с Его присутствием во взгляде! Они уже не могли устранить Его из поля зрения.

«Тайна не неведома; она неведома, поскольку становится содержанием чувственного опыта. Это крайне важная мысль: вот почему говорят о тайне Воплощения, о тайне Вознесения, о тайне Воскресения. Бог как Тайна был бы лишь образом интеллектуального порядка, если бы мы остановились на фразе, сказанной так: «Бог есть Тайна»»⁹.

Отец Джуссани настойчиво подчеркивает: «Бог живой есть Бог, открывший себя в Воплощении через смерть и воскресение Христовы. Истинный Бог есть Тот, Кто пришел к нам, стал ощутимым, осязаемым, доступным зрению и слуху. Тайна <...> сделалась познаваемой на опыте, сделалась присутствием в человеческой истории. <...> Воскресение – высшая точка христианской тайны. Все было создано ради него, ведь в нем – начало вечной славы Христовой: “Отче, пришел час, прославь Сына Твоего”. Все вещи и все люди обретают смысл в этом событии – во Христе воскресшем. Слава Христа воскресшего есть свет, колорит, энергия, форма нашего существования, существования всех вещей»¹⁰.

Посмотрим, как каждый из нас переживал пасхальные дни. Взгляд учеников, их сознание наполняло присутствие Христа воскресшего. А как насчет нас? Что произошло с нами? Мы с легкостью бросаемся в бегство,

⁹ L. Giussani. *La familiarità con Cristo*. Op. cit. P. 69.

¹⁰ *Ibidem*. P. 69, 71.

в нашу жизнь входят беспамятство и отстраненность, как говорит отец Джуссани в том же тексте чуть позже: «Центральность Воскресения Христа прямо пропорциональна нашему бегству, словно от чего-то неизвестного». Часто нам как будто недостает Христа, Он кажется незнакомцем, а не присутствием – близким и потому привлекающим нас к Себе и наполняющим Собой. «Отсутствию в нас памяти о Воскресении, робости при мысли об этом слове, от которого мы словно отскакиваем, прямо пропорциональна решительность Воскресения как предложения факта Христа, как высшего содержания христианской вести; в нем осуществляется то спасение, то очищение от зла, то новое рождение человека, ради которых Он пришел»¹¹.

Отец Джуссани продолжает: «Именно в тайне Воскресения достигает своей высшей точки и полноты интенсивность нашего христианского самосознания, а значит, моего нового осознания самого себя, способа смотреть на людей и на вещи», начиная с себя самого! Нет другого взгляда, друзья мои! После Воскресения Христова как исторического события есть только один истинный взгляд на нас, на реальность, на вещи, на людей, на историю, – тот, что в Его присутствии находит свет, позволяющий смотреть на все. «Именно в Воскресении, – подчеркивает отец Джуссани, – основание новизны моих отношений с самим собой, моих отношений с другими людьми, моих отношений с вещами. Но именно от этого мы больше всего и бежим. Именно это, если угодно, мы больше всего, пусть и уважительно, оставляем в стороне, уважительно оставляем на уровне сухого слова, воспринимаемого с чисто интеллектуальной точки зрения, воспринимаемого как идея, оставляем потому, что именно так Тайна бросает самый серьезный вызов нашей мере. <...> Христианство есть превознесение конкретной реальности, утверждение чувственного. Романо Гвардини говорит, что нет более материалистической религии [то есть более связанной с конкретной реальностью, с плотью], чем христианство. Оно утверждает конкретные, доступные чувственному опыту обстоятельства, и поэтому человек не испытывает ностальгию по величию, когда его ограничивает то, что должен делать: дела, которые он должен делать, пусть даже незначительные, велики, ведь в них бьется Воскресение Христово. “Погрузившись в великую Тайну...” [Ит. *«Immersi nel grande Mistero»* – первая строка гимна утренней молитвы рядового времени (траппистский монастырь Витторкьяно). – Примеч. ред.] Мы разбазариваем Бытие, расточаем величие Бытия, его мощь и его власть, мы постепенно выхолащиваем его содержимое, иссушиваем Бытие, Бога,

¹¹ *Ibidem*. P. 71.

Тайну, Начало и Судьбу, если не ощущаем, что погружены в эту Тайну, в великую Тайну – в Воскресение Христово. *Погружены*, как “я” погружено в “ты”, произнесенное от всего сердца, как ребенок, когда он смотрит на мать, как ребенок, ощущающий мать»¹².

Нам нужно «восстановить в себе разумность ребенка», чтобы мы смогли смотреть на реальность истинным образом. «Вера – вот как зовется человеческая разумность, которая, оставаясь в нищете, свойственной ее изначальной природе [как пустая амфора утром у источника], переполнена чем-то иным, поскольку сама по себе пуста, словно раскинутые руки, которым еще предстоит обнять долгожданного человека. Я не могу воспринимать самого себя вне Твоей великой Тайны: камень, отверженный строителями мира сего или всяким человеком, воображающим и планирующим свою жизнь, стал краеугольным камнем, и лишь на нем одном можно строить. Эта Тайна – Христос воскресший – есть судья нашей жизни; Тот, Кто будет судить ее всю целиком в конце времен, судит ее изо дня в день, из часа в час, из мгновения в мгновение, непрестанно. Хочу подчеркнуть: видеть Его воскресшим <...> значит выносить суждение: Ты воскрес, о Христе». «Это признание того, что с Ним произошло, Его смерти, есть суждение <...>, [иными словами] акт разума, преодолевающего обычный горизонт рациональности и улавливающего Присутствие, свидетельствующего о Присутствии, которое во всех смыслах превосходит границы человеческого действия, человеческого существования и истории. <...> Мы способны признать Его воскресшим и погрузиться в Его великую Тайну по благодати; по благодати мы можем признать, что, если бы Христос не воскрес, все было бы тщетным, тщетной была бы наша вера, а значит, как говорил святой Павел, тщетно то положительное, уверенное, радостное, что мы утверждаем, тщетна наша весть о счастье и спасении, и “вы еще во грехах ваших”, во лжи, в небытии, в неспособности быть»¹³.

Отец Джуссани не признает полумер: «Без воскресения Христова есть лишь одна альтернатива: ничто. Мы об этом никогда не думаем и потому проводим наши дни в низости, в убогости, в оупении, в тупой инстинктивности, в той отвратительной рассеянности, в которой “я” теряет себя. И тогда, говоря “я”, мы утверждаем наши мысли, нашу меру (называемую также “совестью”) или же наш инстинкт, наше стремление иметь что-то, наше мнимое, иллюзорное обладание. Вне Христова воскресения все обращается в иллюзию, и она играет нами.

¹² *Ibidem*. P. 71–72, 76.

¹³ *Ibidem*. P. 76, 78.

Иллюзия – латинское слово, корнями уходящее к слову «игра»: нами играют, мы внутренне обыграны, обмануты. Нам несложно взглянуть на бесконечное человеческое стадо нашего общества, на грандиозное, бескрайнее присутствие людей, живущих в наших городах, людей, живущих по соседству <...>, людей, особенно близких нам дома. И мы не можем отрицать, что переживаем на опыте эту ничтожность, эту убогость, это оупение, эту рассеянность, эту полную растерянность нашего “я”, такое состояние “я”, когда оно яростно и высокомерно утверждает либо собственные мысли <...>, либо инстинкты, цель которых – захватывать то, что человек выбирает угодным, удовлетворительным и полезным для себя, и обладать этим <...> Перед тайной Христа воскресшего слова “просить”, “молить”, “вопросать” становятся как никогда важными»¹⁴.

Поэтому, продолжает отец Джуссани, «чтобы погрузиться в великую Тайну, мы должны умолять, должны просить: просить – вот самое великое богатство. <...> Самый живой и драматичный реализм – просьба, обращенная к Нему»¹⁵. Святой Августин писал: «Если твое желание пребывает пред Ним [перед Тайной], Он, видящий тайное, исполнит его. <...> Твое желание есть твоя молитва [твоя просьба]; если не престанет желание твое, не престанет и твоя молитва. <...> Если не хочешь прервать молитву, не переставай желать»¹⁶.

Какая безмерная, безграничная благодарность рождается, когда вновь слышишь подобные вещи, когда замечаешь, что Христос еще раз столь ясным образом являет Свое присутствие! Никакая весть не сравнится с этой: Христос присутствующий все еще милостив к нам. Так Он продолжает быть первым, *primerea* – предворяет нас. С таким присутствием во взгляде мы можем смотреть на все и обо всем выносить суждение, обращать на наши времена, на пустоту, на насилие, на муки, на нетерпимость взгляд, полный света.

Этот взгляд помогает нам в полной мере понять пережитое на площади Святого Петра. В Риме для нас произошло событие – об этом говорится в ваших письмах. «Мы с друзьями возвращались домой на машине, – вкратце рассказывает один человек, – и атмосфера была другой. Все ясно осознавали: для нас в тот день что-то произошло». По многим признакам седьмое марта не осталось лишь на уровне сиюминутного сентиментального порыва, оно определило новый взгляд на жизнь.

¹⁴ *Ibidem*. P. 78–79, 81.

¹⁵ *Ibidem*. P. 81.

¹⁶ Sant'Agostino. *Esposizione sui Salmi*. Salmo 37, 14.

Что же случилось на площади Святого Петра? Папа не просто говорил с нами. Вместе с ним мы пережили событие, которое, если выразаться его собственными словами, «децентрализовало» нас, в очередной раз привело нас к истинному центру и позволило испытать на опыте действие Христово. Смотреть на все, что с нами произошло, можно, лишь отталкиваясь от этого опыта. Благодаря папе Франциску случилось то, о чем он нам говорил: встреча, встреча, полная сострадания, милосердия. Таков и метод пасхальной ночи. Поэтому именно в свете приобретенного опыта мы в состоянии понять слова папы, сказанные нам, включая и его призыв к обращению. Они не позволят нам потерять из виду центр – Христа, чем бы мы ни занимались.

Я заметил, что некоторых в определенном смысле удивил призыв к обращению. Друзья мои, было бы заносчивым думать, что у нас нет нужды в обращении, что нам нечего менять в самих себе. Кому из нас не требуется обращение? Разные реакции на этот призыв напомнили мне об отрывке из *Послания к евреям*, в котором цитируются стихи из *Книги Притчей*. Думаю, они помогут нам читать речь папы в правильном ключе: «Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими. Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: *сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* [Притч. 3,11–12]. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны. <...> [Бог наказывает] для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности»¹⁷.

Обратим внимание на разницу между разными реакциями на речь папы и тем, как отреагировал отец Джуссани на признание Братства «Общения и освобождения» 11 февраля 1982 года. Так у каждого будет

---

¹⁷ Евр. 12, 1–11.

возможность произвести сравнение. «Актом Святейшего Престола “учреждается и в глазах вселенской Церкви утверждается в качестве юридического лица ассоциация мирян, называемая Братством “Общения и освобождения”, которая объявляется полноправной Ассоциацией понтификального права и должна всеми признаваться таковой”. Текст декрета сопровождался письмом, адресованным отцу Джуссани кардиналом России». В нем приводился список «указаний», среди которых значилось следующее: «Последовательно утверждая собственную харизму, избегайте “искушения самодостаточностью”; признание церковной природы Братства подразумевает “его полную расположенность и общение с епископами, начиная с верховного пастыря Церкви”; <...> [священникам надлежит] “служить Единству”; <...> [никто же] из членов не должен препятствовать, “чтобы вера сохраняла силу освещения жизни”» и так далее. «Джуссани впоследствии вспомнит, как сказал кардиналу Росси, который зачитывал ему письмо, о желание его опубликовать, и как тот ответил ему: “Нет, не печатайте его! Недоброжелатели могут неподобающе истолковать содержащиеся в нем рекомендации”. Для Джуссани же, напротив, письмо как раз было “примером материнской заботы Церкви, которую ей удастся” – когда есть пастыри, подобные кардиналу, – “проявлять по отношению к своим детям”. Тогда кардинал согласился на публикацию»¹⁸.

Почему нам так страшно внять призывам папы и признать собственные ошибки? Потому, что мы по-прежнему ищем состоятельности в том, чем занимаемся или чем обладаем, то есть потому, что мы отошли от Христа. В результате в нас никогда нет ни покоя, ни радости, ведь мы не опираемся на то, что с нами произошло, на Того, Кто с нами произошел.

Почему же папа и отец Джуссани не испытывают этого страха? Они возлагают надежды не на то, чем занимаются или чем обладают. Послушайте, что говорит Джуссани (по-моему, это ключевое суждение, позволяющее нам должным образом начать упражнения и смотреть на все в свете воскресения Христова): «Обычно <...> мы ищем состоятельности в том, чем занимаемся или чем обладаем, что по сути то же самое. Поэтому в нашей жизни никогда не нет того ощущения, того опыта полной уверенности, который выражается словом “мир”; нет той уверенности и той полноты <...>, той полной уверенности <...>, без которой нет мира <...>, нет радости. В лучшем случае мы достигаем удовлетворения собственными делами или же самими собой. Но это обрывочное удовлетворение делами или самими собой не приносит никакого веселья и никакой

¹⁸ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Bur, 2014. P. 602–603.

радости, никакого твердого ощущения полноты, никакой уверенности и никакой полноты». Вот что мы теряем! «Уверенность – это что-то, произошедшее с нами, случившееся с нами, вошедшее в нас, встреченное нами: <...> состоятельность нашей личности <...> [это] что-то, произошедшее с нами <...>, “Кто-то с нами произошел”. <...> “Уже не я живу, но живет во мне Христос”»¹⁹.

Папа и отец Джуссани способны смотреть на все, поскольку они уверены во Христе и в Его милосердии. Папа даже говорит: «Вы не раз слышали от меня, что встреча с Иисусом Христом происходит преимущественно через грех»²⁰. Невозможно представить себе ничего более освобождающего и в большей мере помогающего смотреть на самих себя, на все то, чем мы являемся, и даже на то, на что мы смотреть не в силах! Какой опыт должен был пережить папа, чтобы сказать такое на весь мир? «Главное место встречи – мой грех, которого достигает ласка Христова милосердия»²¹. Его уверенность во Христе рождается от дерзновения. Это то же дерзновение, с каким в пасхальную ночь Церковь кричит всему миру: «О счастливая вина, заслужившая столь славного Искупителя!» Нам ничего не нужно отвергать, ничто не отринуту этим взглядом, этим объятием, полным сострадания.

Попытки порицать самих себя, страх, недостаточная смелость подтверждают, насколько мы отошли от Христа, насколько мы от Него далеки и как сосредоточены на самих себе: центр жизни больше не в Христе! Лишь тот, кто не отделился от Христа, не боится смотреть на все, даже на собственное зло. Нам просто необходимо выйти из центра, чтобы Он вернулся туда и позволил нам смотреть на все, в буквальном смысле на все! «Иисус Христос всегда первый, Он предшествует нам, ждет нас, Иисус Христос всегда предваряет нас; приходя к Нему, мы понимаем, что Он нас ждал»²². Можно ли вообразить большой подарок для нас, для нашей жизни? Есть ли что-то более полезное для того, чтобы начать эти дни?

Но это еще не конец. Ведь без опыта милосердия я не только не обрету мир, но прежде всего не познаю Христа по-настоящему. «На порядочных людях, – говорит Пеги, – нет того отверстия, которое проделывает тяжелая рана, неизбывное отчаяние, неотступное угрызение, никогда не зарастающий шов, смертельная тревога, подспудная тоска, тайная

¹⁹ L. Giussani. *La familiarità con Cristo*. Op. cit. P. 25–26.

²⁰ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

²¹ Там же.

²² Там же.

горечь, вечно скрываемое крушение, никогда не заживающий рубец. На них нет того прохода для благодати, каким по сути является грех. <...> «Порядочные люди» не омываются благодатью»²³.

Нам об этом сказал и папа: «Лишь тот, кого коснулась нежная ласка милосердия, действительно знает Господа»²⁴. Без опыта милосердия мы не познаем Христа! Думать, будто мы безгрешны, – самообман и наивность, но более того, если мы не переживаем на опыте и не признаем его милосердия, мы никогда не сможем – никогда! – узнать, кто такой Христос. Отсутствие опыта Его милосердия подтверждает, что мы отошли в сторону, отстранились, отдалились от Христа.

И поэтому какое утешение – перечитывать в начале наших упражнений рассказ о фарисее и грешнице!

«Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница. Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель. Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбил его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил. И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи. И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: кто это, что и грехи прощает? Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя, иди с миром»²⁵.

²³ Ш. Пегг. *Дополнительная заметка о Декарте и картезианской философии // Избранное: Проза. Мистерии. Поэзия*. М.: Русский путь, 2006.

²⁴ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

²⁵ Лк. 7, 36–50.

Кто больше знает Иисуса? Кто способен испытать большую любовь и жить согласно той нравственности, о которой говорил нам папа? Тот, кому многое простилось, много и возлюбил. Как могла та женщина так сильно любить? Ей помогало сознание о том, что благодаря встрече с Тем Человеком все в ней уже прощено. Какое дерзновение! Дерзновение, проистекающее из факта прощения, позволяет ей войти в дом и совершить действие, не знающее прецедентов! Было место, где ее приняли со всем совершенным ею злом, где она ощутила себя охваченной взглядом, полным милосердия. И поэтому она не боялась смотреть на собственный грех. Переместив центр тяжести с себя и со своего греха, пронизанная взглядом Христа, та женщина ни на что уже не могла смотреть без Христа во взгляде. Вот освобождение, которое Христос приносит в нашу жизнь, сколько бы мы ни согрешили.

Попросим, чтобы Христос настолько наполнил Собой эти дни, чтобы мы вернулись домой свободными.

Жест такого масштаба невозможен без вклада каждого из нас. «Какого вклада? – спрашивал отец Джуссани на упражнениях Братства 1992 года. – Одно-единственного: молчания. Попробуем хотя бы в эти полтора дня <...> открыть для себя молчание и погрузиться в него! В нем превозносятся мысль и сердце, восприятие того, что нас окружает, а потому и братское, дружеское объятие людей и вещей. Попробуем в течение полутора дней в году напрячь силы, взять на себя труд молчания!» Мы потеряем лучшее, если не позволим происходящему проникнуть в нас до самой глубины. «Пребывать в молчании не значит не говорить; молчание означает переполненность сердца и ума самым важным, тем, о чем обычно мы совсем не думаем, хотя именно это – тайный мотор, движущий всеми нашими действиями. Никакого из наших дел не достаточно, ни одно из них не удовлетворяет, не исчерпывает разум <...>. [Напротив] молчание <...> совпадает с тем, что мы зовем памятью» и что позволяет войти в нас этому взгляду. «Вот почему мы настаиваем, чтобы молчание соблюдалось в его природе <...> и, кроме того, чтобы сохранялся контекст (здесь память будет полезной): пробуем не говорить впустую. Рекомендуем соблюдать молчание прежде всего во время перемещений», ведь так, когда мы входим в зал, «памяти будут способствовать музыка, которую мы услышим, или картины, которые увидим; так мы настроимся на то, чтобы видеть, слушать, чувствовать умом и сердцем вещи, которые тем или иным образом Бог нам предложит. Нужно иметь, – завершает Джуссани, – великое сочувствие по отношению к тому, что и как нам предлагается; замысел благ и подразумевает твоё благо, любовь к тебе. Было бы крайне тоскливо

не иметь возможности делать что-либо еще, но то, что мы делаем вместе в эти полтора дня – одно из проявлений того грандиозного и исполненного любви действия, с помощью которого Господь – замечаешь ты это или нет – подталкивает твою жизнь навстречу Судьбе, которой Он является»²⁶.

---

²⁶ L. Giussani. *Dare la vita per l'opera di un Altro*. Esercizi spirituali della Fraternità di Comunione e liberazione. Appunti dalle meditazioni. Rimini, 1992 // *CL-Litterae Communionis*. N. 6. 1992. P. 4–5.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 9, 1–20; Пс. 116 (117); Ин. 6, 52–59

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО

Мы можем думать, что ревностно служим Господу, подобно Савлу, и ничего не видеть. Мы можем думать, что все делаем для Господа, подобно Савлу, и быть далеко от Христа. Чем тверже человек верит в свою праведность, тем активнее он действует и тем больший наносит урон. Савл собирается преследовать женщин, детей, семьи. Но происходит нечто совершенно непредвиденное. И самое поразительное, что Господь Иисус являет Себя в противостоянии Савла, в его гордыне, в его ярости гонителя. Иисус охватывает его и меняет его жизнь. Измениться можно, как мы слышали, лишь одним способом: соглашаясь с тем фактом, что Господь входит в нашу жизнь, в наше зло, принимая тот абсолютный дар, который Он дает каждому из нас.

Мы не можем интерпретировать слова Иисуса, произнесенные в капернаумской синагоге: «Ядущий Мою Плоть жить будет для Меня». «Ядущий Мою Плоть»: Христос делает Себя с пищей и питием для нас, грешников, для нас, несчастных. В этом Его отождествлении с тем, кого Он охватывает, состоит метод, с помощью которого Христос побеждает историю, как победил великого гонителя, превратив его в самого великого миссионера за всю историю Церкви. Савл становится Павлом. «Ядущий Мою Плоть жить будет для Меня».

В вопросе Христа, обращенном к Савлу: «Что ты гонишь Меня», – заключается весь метод. Инициатива Христа отождествляется с тем, кого Он избирает и привлекает к Себе. Мы спасаемся не тем, что сами определяем и устанавливаем. Искупительная власть Христа, прощение Христово для Павла сосредоточены в лице Анании, который поначалу страшится вверенной ему миссии.

А каково лицо Христа для нас? Вот возможная альтернатива: сопротивляться, подобно капернаумским ученым мужам («Как Он может дать нам есть Плоть Свою?»), или же принять простоту, радикальность и живительную силу указанного метода: «Кто принимает вас, принимает Меня. Принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает. слушающий того, кого Я избрал, Меня слушает, А кто не слушает его, не слушает Меня».

Присутствие во взгляде – именно его каждый из нас желает, о нем молит. Чтобы оно стало реальным, необходимо просто признавать и принимать взгляд этого Присутствия.

Суббота, 25 апреля, утро

На входе и выходе:

Франц Шуберт. Соната для арпеджионе и фортепиано, D 821
Мстислав Ростропович, виолончель; Бенджамин Бриттен, фортепиано
«Spirito Gentil» N. 18, Деcca

Отец Пино. «Иисус Христос всегда первый, Он предшествует нам, ждет нас, Иисус Христос всегда предваряет нас; приходя к Нему, мы понимаем, что Он нас ждал»¹.

Ангел Господень

Утренняя

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

Есть лишь один центр – Иисус Христос

«Сион говорил: “оставил меня Господь, и Бог мой забыл меня!” Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя»².

Вот взгляд, который вновь даруется нам каждое утро и позволяет смотреть на все иначе. Что мы теряем, если каждое утро, входя в реальность, не принимаем высшую положительность этих слов: «Я не забуду тебя»! Чем больше человек замечает ее, тем яснее понимает: «Если и есть что-то стоящее, так это жить в Твоем доме»³, где каждый день вновь дается подобное сознание. Все остальное действительно банально. Таким взглядом мы можем смотреть на что угодно.

1. «Странное помрачение мысли»

А. Каждый раз, когда мы собираемся, нам необходимо выявить проблему, обозначить ситуацию, в которой мы находимся. Отец Джуссани

¹ Франциск. *Обращение к движению «Общине и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

² Ис. 49, 14–15.

³ *Errore di prospettiva*. Слова и музыка К. Кьеффо. 1972.

не уставал повторять: чтобы двигаться вперед, нужно осознавать, в каком контексте мы призваны жить, какие вызовы стоят перед нами, как много в нас умалений, ведь жизнь не абстрактна и никакой путь, никакое призвание и свидетельство невозможны вне истории, вне обстоятельств, вне условий, определяющих существование, вне нашей слабости и наших падений, вне опасностей, постоянно подстерегающих нас.

Поэтому первый шаг состоит в том, чтобы вынести суждение, осознать факты, реальность, в которую Тайна поместила нас. Первая и главная сложность, возникающая перед нами, носит не нравственный, а познавательный характер, как мы видим, работая над текстом школы общины, над самым началом третьей главы книги «*Зачем Церковь*».

Встреча в Риме, факт, которому мы все стали свидетелями, в котором мы все приняли участие, помогает нам понять, какого рода трудность определяет контекст нашей жизни. В последние месяцы, начиная с публикации статьи о Европе, мы называем ее «разрушением очевидностей». В самом деле, даже такое внушительное публичное событие, произошедшее на глазах у всех и кажущееся неоспоримым, не смогло остановить поток самых разных истолкований, зачастую противоречащих друг другу. Здесь-то и выявляется трудность в отношении очевидностей, о которой мы говорим. Рим – лишь один из ярких примеров того, что происходит во всем, чем мы живем.

«Что такое очевидность?» – спрашивал отец Джуссани. «Очевидность – это неоспоримое присутствие, – говорил он и добавлял: – Осознание неоспоримого присутствия. Я открываю глаза перед лицом реальности, мне данной, от меня не зависящей»⁴. Таким образом, очевидность характеризуется двумя аспектами: с одной стороны, присутствием, утверждением факта, реальности, с другой – встающей перед нами необходимостью открыть глаза и заметить его. Очевидность всегда определяет два фактора: реальность и «я» каждого из нас.

Говорить о «разрушении очевидностей» не значит утверждать, что реальность исчезла (на площади Святого Петра «реальность» была более чем очевидна), или что человек внутренне ослаб, или что произошли онтологические изменения. Но мы всё меньше признаем ее, всё реже видим ее, улавливаем ее смысл, ее природу, ее подлинное лицо. Под вопросом оказалась способность замечать то, что находится перед нами, то, чем мы являемся. Поэтому – вот настоящая проблема – недостаточно объективности фактов, происходящих на наших глазах. Чтобы признать ее, нужно нечто иное, нужна открытость, расположенность субъ-

⁴ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 118.

екта, «гениальность», о которой говорил отец Джуссани: смысл встречающихся нам вещей, достигающей нас реальности можно ухватить в той мере, в какой развито религиозное чувство, то есть соразмерно чувству «я» каждого человека.

В свете римской встречи, в свете религиозной жизни, каковой является Церковь, мы должны отметить прежде всего «трудность понимания, обусловленную нерасположенностью субъекта по отношению к объекту, о котором ему предстоит вынести суждение, трудность понимания, вызванную неразвитым религиозным чувством». С этим можно столкнуться перед лицом современной Церкви, равно как и перед способом, каким Церковь достигает нас через Движение. Характерно, что тем, кому тяжело в Церкви, тяжело и в Движении. «Недостаток воспитания природного религиозного чувства слишком легко приводит нас к отчуждению от реальности, которая коренится в самих наших плоти и духе»⁵.

Причина затруднений разума, трудности понимания – в контексте, который нас окружает, и вместе с тем в неразвитом религиозном чувстве; мы сами тому способствуем, когда не берем обязательства и живем в самонадеянной поверхности.

Б. Из-за «странного помрачения мысли»⁶ в нас и вокруг нас пало множество очевидностей, среди которых – даже *очевидность «я»*, она пала и в нас, мы тоже поддаемся воздействию со стороны. А ведь чувство «я» каждого из нас является необходимым условием отношений со всей реальностью: оно требуется для того, чтобы понимать собственных детей, или улавливать глубокий смысл стихотворения, или осознавать важность того, что сообщает тебе друг или жена. Без «я» больше нет «ты», отношения истощаются. Кто я? Чего по-настоящему желаю? Сегодня неясно именно это. Каждый человек замечает в себе устремление, жажду, желание быть, утверждать себя, достигать собственного свершения. Но из чего соткано это устремление, к чему оно ведет, что действительно может удовлетворить его? Нет ничего менее очевидного. Мы знаем, чего от нас хотят другие (какими «нужно» быть, как «нужно» думать), но нам неизвестно, кто мы, это больше не очевидно. Содержание слова «я» часто сводится к некой социальной условности.

Вот как об этом говорит Джорджо Габер: «Я ищу жест, естественный жест, / чтобы быть уверенным, что это тело – мое. / Ищу жест, естествен-

⁵ Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 10–11.

⁶ Benedetto XVI. *Luce del mondo. Il Papa, la Chiesa e i segni dei tempi. Una conversazione con Peter Seewald*. Città del Vaticano: LEV, 2010. P. 47.

ный жест, / цельный, как наше “я”. // Но я ничего не знаю, я раздроблен, и больше не знаю, кто я, / я только понимаю, что постоянно ставлю себе условия: / ты должен быть как человек, как святой, как бог, / для меня всегда есть разные “как”, но нет меня ...»⁷ Однако, даже когда я раздроблен, я не могу – просто не могу! – избавиться от желания быть цельным в каждом движении, которое совершаю.

Кажется, современный человек (то есть каждый из нас) стал чужим самому себе, нет для него ничего менее очевидного, нежели содержание слова «я» и его экзистенциальных измерений. Он действует так, словно в нем отсутствует внутренний компас. Вот в чем состоит великая драма. Все остальное – лишь следствия. Поэтому много лет назад Джуссани говорил: «Сегодня не существует никакой реальной очевидности, кроме той, что в моде»⁸. Природа «я», изначальные потребности и очевидности, которые должны бы, подобно компасу, указывать направление в жизни, замутнены и заменены модой. И если мы не понимаем, насколько важно, чтобы этот компас, эта природа «я» вновь стала способной признавать реальность, ничто, никакое действие не сможет оказать реальное влияние на человеческую ситуацию.

В первую очередь отрицает способность улавливать очевидности относительно самих себя, а значит, сходит на нет и активность разума, критическое чувство. В результате мы все чаще соглашаемся на схемы, привыкаем к стадности и выносим все менее самостоятельные суждения, все реже сознательно занимаем определенную позицию. Поэтому Джуссани утверждает, что дело не в «этической слабости, а в слабости энергии сознания»⁹, энергии, с которой мы смотрим на детей, с которой вы смотрите на ваших жен и мужей, с которой вы смотрите на обстоятельства, с которой вы смотрите на реальность, на вызовы жизни. Разрушение очевидностей – не отвлеченная философия, а экзистенциальная ситуация, в которой мы все по определению находимся и у которой долгая история (как мы не раз отмечали и как говорится в третьей главе книги «*Зачем Церковь*»).

В. Сегодня вновь обрести недостающую нам ясность можно *исключительно* изнутри опыта. Проблему не разрешить путем «изучения» антропологии или нравственности: мы должны на опыте понять, кем являемся, что соразмерно проблеме жизни, а что нет. Речь не о том, чтобы заменить

⁷ *Cerco un gesto, un gesto naturale*. Слова и музыка Дж. Габера и А. Лупорини. 1973.

⁸ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986–1987)*. Milano: Bur, 2010. P. 182.

⁹ *Ibidem*. P. 181.

одни слова и рассуждения другими, – мы должны поддерживать друг в друге внимание к нашему опыту, помогать друг другу смотреть. Какая часть меня, какая составляющая моей природы проявляется, когда я живу и наблюдаю за собой в действии? Путь к истине является опытом. Если ты хочешь идти по пути, ведущему ко все большей ясности, необходимо жить с такой серьезностью, которая позволяет завоевать эту недостающую ясность изнутри твоего опыта, ведь именно в опыте – источник всякой очевидности. «Опыт есть *выявление очевидности реальности*»¹⁰.

Таким образом, следует вновь открыть изнутри опыта тот факт, что жизнь – моя и твоя – соткана из желания счастья, которое ничто не в силах ни удовлетворить, ни заглушить, из жажды всеохватного, исчерпывающего смысла, без которого человек теряет себя и может прийти до крайней степени насилия. Мы должны открыть в себе желание «блаженства, о котором / Единственно природа смертных грезит», как говорит Леопарди, и это «упорное желание счастливым быть» терзает людей «с тех пор, как мир был создан»¹¹. Не нужно молча соглашаться с утверждениями, которые мы слышим или читаем, нас не должно бросать от одного чужого мнения к другому. Не стоит считать само собой разумеющимся желание счастья лишь потому, что о нем говорит Леопарди. Не Леопарди, не поэт говорит о том, как мучает человека желание счастья и истины: прежде всего об этом вопиет наша собственная жизнь! Поэтому-то мы можем читать Леопарди (и других) и встречаться в его словах с самими собой, ощущать, что он выражает нашу сущность так исчерпывающе, как мы никогда бы не выразили. Точно так же мы не специально решили завести здесь и сейчас разговор о человеке как о неискоренимой потребности в смысле: это драматичным образом становится видно по обремененной и полной страданий жизни, по глубокому неблагополучию многих современных молодых людей. «Нельзя жить “ничем”. Никто не устоит на ногах, не войдет в конструктивное отношение с реальностью без чего-то, ради чего стоит жить, без гипотезы о смысле»¹².

Г. Что помогает нам победить это странное помрачение, о котором говорил Бенедикт XVI, это затмение? Каковы наши союзники в деле открытия самих себя, в самоосознании? Как выявляется и укрепляется признание того, кто мы? Сознание нашей человечности необходимо, по мысли отца

¹⁰ L. Giussani. *In cammino* (1992–1998). Milano: Bur, 2014. P. 315.

¹¹ Дж. Леопарди. *Графу Карло Пеполи*. Пер. А. Наймана.

¹² Х. Каррон. Вызов подлинного диалога после терактов в Париже. // *Corriere della Sera*. 13 febbraio 2015. P. 27.

Джуссани, «постоянно подстегивать и упорядочивать»¹³, то есть воспитывать, чтобы она могла взрасти и оставаться живой. А что воспитывает религиозное чувство?

Если обобщить одним словом, богатство которого нам еще предстоит открыть, наш главный «союзник» – реальность («Призыв исходит даже не напрямую от Бога <...>. Призыв, приводящий в движение религиозное чувство человеческого духа, исходит от Бога через сотворенную реальность»¹⁴).

Под реальностью понимается все сущее, все происходящее, любое воздействие, оказываемое на нас, любые обстоятельства, встающие на нашем пути, любые жизненные импульсы, желанные, равно как и нежеланные (вспомним, к примеру, о трагических событиях последних дней, о фактах, бьющих по жизни каждого человека). Сколько раз мы замечали, что именно то, чего мы совсем не хотели, распахнуло в нас несравненное самосознание, невозможное ни в каком другом случае, и ввело наше «я» в глубинное и прежде неведомое открытие себя. И поэтому нам понятно, как прав был отец Джуссани, когда говорил: «Единственным условием того, чтобы быть действительно религиозными, является всегда насыщенное переживание реальности. Путь постижения смысла реальности – это переживание реальности без ограничений, без необходимости что-либо отвергать или забывать. И действительно, было бы бесчеловечно, то есть неразумно, рассматривать опыт ограниченно, поверхностно, оставаясь на гребне его волны, не спускаясь в его глубину»¹⁵.

Одна подруга пишет мне: «После вчерашнего ужина Банка солидарности (*Banchi di Solidarietà* – итальянская ассоциация, чья деятельность направлена на сбор продовольственных товаров и их распространение по нуждающимся семьям – *Примеч. ред.*) и прозвучавших на нем высказываний я чуть лучше поняла, почему в последние месяцы переживаю каритативу более радостно. Я никак не могла взять в толк, в чем дело. В ноябре у дочери одного моего друга обнаружили лейкемию – мы с ним на протяжении десяти лет вместе носили продукты трем семьям из нашего района, и потому новость о болезни вызвала во мне не только боль, но и эгоистичные мысли. Я подумала, что без его помощи придется тяжело. Каритатива превратилась в рутину, и меня как будто все устраивало. Когда утихла первая растерянная реакция, я всерьез задалась вопросом о том, чего требует от меня реальность в настоящий момент, что значит

¹³ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М.: Христианская Россия, 2010. С. 110.

¹⁴ L. Giussani. *Il senso di Dio e l'uomo moderno*. Milano: BUR, 2010. P. 19–20.

¹⁵ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. Указ. соч. С. 126.

заниматься каритативой и разделять мою нужду с теми семьями, с моими учениками, с моей собственной семьей, с друзьями. Парадоксальным образом реальность стала интереснее – да, интереснее! Глядя на то, как мой друг и его жена смотрят на их дочь, я думаю, что существует добрый взгляд, который нам предшествует и который я желаю встретить. Я выхожу из дома радостной, и причина не в том, что все идет гладко и соответствует моим представлениям. Просто я больше присутствую в реальности, больше проявляется моя человечность, мне любопытно увидеть, как Бог удивит меня, и я уверена: это Он позволил мне встретить именно те семьи и переживать каритативу именно с этими друзьями, которые становятся для меня благим ликом Иисуса».

Наш путь прекрасен тем, что каждый шаг есть часть приключения, нового открытия самих себя, непрерывного пробуждения нашего «я». Как мы видим, я осознаю, кем являюсь, благодаря опыту, а не посредством моих мыслей, моих умаленных представлений о самом себе. Какую чудовищную ошибку мы вновь и вновь совершаем, отождествляя то, чем мы являемся, с нашими размышлениями об этом, словно именно они, а не опыт, говорят нам, кто мы. Открытие реальности и моего «я» происходит в рамках жизненного опыта.

Во всех наших попытках устроиться поудобнее, заставить себя замолчать, вновь неизбежно разверзается «бездна жизни»¹⁶, о которой говорит Мигель Маньяра, внутренняя глубина нашего «я». Любые попытки оказываются недостаточными, безнадежными, даже когда завершаются успехом и все идет хорошо: не только когда обнаруживают болезнь или случается катастрофа, но и в самые безоблачные дни. Потому что, если выразиться словами Леопарди, «в груди, / На дне ее, тяжелая, глухая, / Недвижная, как столп алмазный, скука / Бессмертная царит, против которой / Пыл юности бессилен»¹⁷. Мы можем делать что угодно, но непобедимая, неподъемная, неподвижная, как бронированная колонна, скука поднимается в сердце, и против нее все бессильно, даже наша юность. «Я вкушаю горечь травы, растущей на скале тоски»¹⁸, – подводит итог своим похождениям все тот же Мигель Маньяра.

Следовательно, с одной стороны, сегодня мы с грандиозным трудом возвращаемся к утраченным очевидностям (наша экзистенциальная ситуация подобна той, что описана отцом Джуссани в книге «*Зачем Церковь*», в примере об альпинистах, устающих уже на пути к склону, на

¹⁶ О. Милош. *Мигель Маньяра*. Картина первая. М.: Христианская Россия, 2000.

¹⁷ Дж. Леопарди. *Графу Карло Пеполи*. Пер. А. Наймана.

¹⁸ О. Милош. *Мигель Маньяра*. Картина первая. Указ. соч.

который им еще предстоит совершить восхождение), а с другой, именно в опыте скуки и разочарования, тоски и обременительности жизни становится заметной, как в контровом свете, жажда «я», реальность сердца, наша подлинная ткань. Действительно, посреди разочарования и скуки нечто заявляет о себе; даже когда все летит в тартарары, что-то остается. Через разочарование и скуку, через ощущение несостоятельности и шаткости пробивается очевидность того, что мое «я» есть желание счастья. Некоторые примеры этого по-настоящему впечатляют.

Меня поразила песня Васко Росси «*Проклятые облака*», в которой музыкант делится опытом о самом себе и о жизни: «Когда я иду по этим / Проклятым облакам, / Я вижу, как вещи ускользают / От моего ума. / Ничто не вечно, ничто не вечно. / Тебе это известно. Но / Ты никак не привыкнешь. [Почему? Что в нас так упорно не позволяет нам привыкнуть?] // Когда я иду по этой / Долине слез, / Я вижу, что нужно все / Оставить. / Ничто не вечно, ничто не вечно. / Тебе это известно. / Но ты никак не привыкнешь. // *Кто знает, почему?* (3 р.) [это «кто знает, почему?» поднимается из самого нутра переживаемого нами опыта] // Когда я слышу, как говорят “истину”, / Я в замешательстве, / Я не уверен. / Когда я думаю, / что нет ничего, / один лишь дым, / Ничего истинного, / Ничто не истинно, ничто не истинно. / И возможно, тебе это известно. [Но если ничто не истинно...] / Но / Ты продолжаешь. [Почему вдруг?] // *Кто знает, почему?* (3 р.) // Когда я думаю, / что нет ничего, / один лишь дым, / Ничего истинного. / Ничто не вечно, ничто не вечно. / Тебе это известно. / Но / Ты не сдаешься. // *Кто знает, почему?* (9 р.) // Когда я думаю, / что нет ничего»¹⁹. Что открывает человек в своем опыте, даже когда так отрицательно отзываясь о жизни? Что сопротивляется, несмотря на его философию, на его нигилизм («ничто не истинно», «ничто не вечно»)? Ты не сдаешься – кто знает, почему? Все может пойти прахом, я могу думать все, что только взбредет мне в голову, могу увлечься тем, что у всех на устах, или пасть жертвой собственного нигилизма, но какая-то часть меня побеждает нигилизм: я не сдаюсь. «Ты не сдаешься. // *Кто знает, почему?*»

Даже когда человек пытается уйти от сознательности, он не в состоянии устранить очевидность того, чем является. Об этом прекрасно говорит Гуччини в «*Песне для Пьеро*»: «Я всегда говорю, что не хочу понимать, но есть во мне словно тонкий порок, и чем больше я думаю, / тем больше замечаю бездонную пустоту, излечить которую можно лишь сном. / А потом каждый день я вновь просыпаюсь с недоверием, мне не хочется вставать, / но я все еще жив и жду...» Чего же? «Моих вопросов, моего

¹⁹ *Dannate Nuvole*. Слова и музыка В. Росси. 2014.

ничто, моего зла»²⁰. Человек идет вглубь себя и, чем дальше, тем с большим удивлением открывает то, что не было признано в самом начале, – данность! Несмотря на все наше замешательство, что-то – некая данность – сопротивляется! Я обнаруживаю ее перед собой. И после долгого и утомительного пути мы возвращаемся к очевидностям, характеризующим наше «я».

Можно с головой уйти в дела, чтобы не думать, но боль разрывает грудь, как поет Эми Уайнхаус в песне «*Я просыпаюсь в одиночестве*»: «Все ничего, днем я занята делами / Загружена работой достаточно, / Чтобы не задаваться вопросом, где он. / Мне так надоело плакать, / И поэтому в последнее время, / Когда я ловлю себя на этой мысли, / Резко переключаюсь на что-нибудь другое. // Я не ложусь спать, навожу чистоту в доме. / По крайней мере, я не пью. / Хожу на гулянки, / Только чтобы не изводить себя раздумьями. / Это безмолвное чувство удовлетворенности, / знакомое каждому, / Просто исчезает, как только садится солнце. // В моих снах он свиреп и лишает меня самообладания. / Он наполняет меня ужасом <...> / И я просыпаюсь одна. // Будь я своим сердцем, / Оставалась бы беспокойной / <...> / Эта боль в моей груди, / теперь, когда день подошел к концу, / <...> Наполняет меня ужасом»²¹.

Изначальной и сущностной частью реальности, частью призыва, приводящего в движение нашу человечность и наше самосознание, частью совокупности событий, воздействий, провокаций, которые мы называем реальностью, являются, в том числе и даже в первую очередь встречи, характеризующие нашу жизнь и позволяющие ей развиваться. Как говорит отец Джуссани, «человек развивается в отношении, в общении с другим. И этот другой настолько же изначально необходим для самого существования человека, насколько необходим для того, чтобы человек достигал собственного свершения, становился истинным, становился все больше самим собой»²².

Если мы посмотрим, как в нас обнаруживается и утверждается «я», самосознание, нам придется сказать: наше «я» проступает в той мере, в какой оно принимает брошенный ему вызов. «Я», религиозное чувство, человечность активизируются благодаря воздействию со стороны реальности и прежде всего той ее составляющей, которая оказывается обязательной для развития самих себя и собственного внутренне-

²⁰ *Canzone per Piero*. Слова и музыка Ф. Гуччини. 1974.

²¹ *Wake up alone*. Слова и музыка Э. Уайнхаус и П. О'Даффи. 2006.

²² L. Giussani. *Introduzione alla realtà totale. Il rischio educativo. // Tracce-Litterae Communionis*. N. 4. Aprile. 2006. P. 5.

го устройства, – речь о другом, о других, об основополагающих связях, о человеческом контексте, о встречах, отмечающих и сопровождающих человеческий рост, пребывание человека в мире. Вот на какой глубине располагается воспитание, необходимость в нем, его решающее влияние.

Как подчеркивает Джуссани, «исходный человеческий опыт», или религиозное чувство, совокупность очевидностей и потребностей, делающих меня человеком, «активно существовать может исключительно в форме вызова. Он не существует, если не действует». Мысль продолжается: «Наше исходное сознание действует исключительно в рамках вызова, то есть в рамках того способа, каким ему брошен вызов. Если я исхожу из мирского образа мыслей, то я рассматриваю проблему моего отца, моей матери, моей жены, моего мужа, моих детей, всего с позиций мирского мышления, бросающего мне вызов. Если же я встречаю Христа, Его Присутствие, то, когда я сталкиваюсь с чем-либо, мой опыт спровоцирован, приведен в действие именно этой встречей и заключает в себе обещание, надежду, подаренную ею. Наш исходный опыт идет навстречу чему угодно благодаря надежде, в нем заключенной, ему данной. То, что я называю “вызовом” как бы заставляет опыт действовать»²³.

Встречи, происходящие в нашей жизни, представляют собой определенного рода вызов, который «приводит в действие, заставляет существовать активно, запускает наш исходный опыт. Поэтому отец Джуссани всегда говорил нам о законе, едином для всех, для любого человека любой эпохи и культуры: «“Я” возрождается во встрече»²⁴. Человек тем полноценнее преодолевает путь открытия самого себя, осознания того, кем он является и благодаря чему достигает свершения, чем в большей мере он сталкивается с соответствующими вызовами и принимает их.

Что «с серьезностью предлагает жизнь нашему взору и сердцу»? Что позволяет вновь обрести самих себя и достичь подлинной ясности о нашей судьбе и дороге, ведущей к ней? По словам отца Джуссани, «только событие, только встреча со Христом»²⁵. Вернуться к очевидности «я», к ясности относительно себя, относительно глубины нашего желания, высвободить потенциал этой самой очевидности можно в конечном счете лишь посредством события, встречи.

Если мы достигли или можем достичь более полного сознания о собственном сердце, о совокупности потребностей и очевидностей, из которых оно соткано, то только в силу «вызова» встречи со Христом, с Его

²³ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Milano: Bur, 2006. P. 193.

²⁴ Cp. L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro (1986–1987)*. Op. cit. P. 182

²⁵ L. Giussani. *In cammino (1992–1998)*. Op. cit. P. 142.

реальным присутствием в истории (тут нужна не фантазия, а событие, происходящее сейчас, живая встреча). Чем яснее мы сознаем это, тем лучше понимаем, что в эпоху разрушения очевидностей действительно радикальная проблема заключается в том, чтобы существовал и сообщался вызов, по-настоящему способный вернуть нам верное восприятие самих себя. Некоторые встречи, в силу заложенного в них вызова, приводят в действие наше исходное самосознание и позволяют нашему «я» восстать из пепла забывчивости и всевозможных умалений. Терракты в Париже, непрекращающиеся вспышки жестокости и гонений последнего времени подтверждают насущную необходимость такого свидетельства, присутствия, способного пробудить человечность. Христиане, лицом к лицу сталкивающиеся с неистовым насилием, подают нам пример, наполняющий сердце благодарностью.

Одна из вас рассказывает: «Этот год был несколько утомительным, но мне в конце концов удалось удержаться на плаву! <...> На аудиенции в Риме, встрече Банка солидарности и школе общины я видела радостных людей, работающих над собственной жизнью. Они вызвали во мне безумную зависть, мне тоже захотелось так смотреть на все! Я тоже хочу такого объятия! Эти жесты помогли мне серьезно взглянуть на мою нужду и пробудили желание в каждое мгновение искать Того, кто в состоянии ответить на нее. Иисус вновь завоевал меня! С ума можно сойти, когда понимаешь, как меняются привычные действия и ситуации, если тебя переполняют желание и нужда... Реальность провоцирует, но если я не присутствую, то ничего не замечаю, что бы ни случилось! Не то чтобы Иисуса раньше не было, просто я не видела Его, ведь я Его и не искала! Я вновь стала носить продукты нуждающимся, поскольку проблема не в том, где найти время (втиснуть еще один пункт в ежедневный график!), но как позволить этому жесту постоянно напоминать мне о собственной нужде. Меня охватывает желание пребывать в Его объятии, и поэтому утром, до того, как начать готовить завтрак и планировать дела, я попросила мужа читать вместе со мной молитву “Ангел Господень”, чтобы весь день проживать, выражаясь словами одного моего друга, “в уверенности, что Он придет навстречу каждому из нас, как Ему будет угодно”».

Вот другое письмо: «Я откровенно не понимал, почему мои друзья придавали столько значения встрече с папой. В то же время жесты вроде собрания Банка солидарности прошли незамеченными. Все это прекрасно, но я искал удовлетворения в чем-то другом. В понедельник после Пасхи я гулял по парку рядом с домом и встретил на игровой площадке двух моих друзей с четырьмя детьми. Одному из них не исполнилось еще

и три года, и у него лейкомия. После двухлетнего курса лечения ситуация драматичным образом изменилась – надежд на выздоровление не осталось. Когда я их увидел издали, у меня возникло сильное желание свернуть с дороги, лишь бы не пересечься с ними. Я думал, что так им будет спокойнее, хотя на самом деле это я искал спокойствия и не хотел находиться перед моими друзьями. В конце концов я подошел, и меня поразила их чудесная безмятежность. Пока малыш со своими братьями катался с горки, его мама сказала мне: «Какое сегодня замечательное солнце!» В последующие дни я постоянно возвращался в мыслях к этой фразе: благодаря кому женщина, знающая, что ее ребенок должен умереть, говорит: «Какое замечательное солнце»? Она ведь могла бы проклинать все на свете! Встреча с ними словно открыла мне глаза на истинную ценность встречи с папой: я был там вместе со множеством других людей, чтобы встретить Того, Кто сегодня позволяет той матери говорить: «Какое замечательное солнце!» От меня требуется лишь честность».

Не плод воображения, а событие, происходящее сейчас, позволяет заново родиться в нас сознанию о нашей человечности: «Встретив Христа, я открыл в себе человека»²⁶.

2. «Рука, протягивающая нам все сейчас»

Казалось бы, после встречи все должно быть в порядке, ведь мы встретили Его... Однако опыт подсказывает нам, что это не так. Трудность в понимании, неспособность улавливать очевидное остается и после встречи. В третьей главе книги «*Зачем Церковь*» отец Джуссани сразу же обращает наше внимание на то, как непросто нам понять смысл «слов, непосредственно связанных с христианским опытом»²⁷. Тут тоже налицо разрушение очевидностей, трудность в понимании даже того, что с нами произошло столь поразительным, убедительным, внушительным и исключительным образом. Для каждого из нас встреча со Христом стала наибольшей очевидностью в жизни. Ничто с ней не сравнится. И все же как часто мы сбиваемся с пути, отдаляемся от Христа, сами того не сознавая. Мы тоже – после встречи и в ее свете – замечаем это помрачение, мы тоже склонны к упадничеству, растерянности, неясности в отношении вещей и самих себя. С какой легкостью наш разум затмевается, и мы поддаемся смятению и уже не в состоянии разглядеть очевидное, нас словно охваты-

²⁶ Ср. Mario Vittorino. In Epistola ad Ephesios. // *Liber secundus in Marii Victorini Opera exegetica*. Cap. 4. V. 14.

²⁷ Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. Указ. соч. С. 34.

вает некая слабость, все словно притупляется. И самое удивительное, что это может происходить и происходит в том числе и в отношении Церкви и Движения.

Здесь вновь выявляется связь между фактом и его признанием, между неумолимым присутствием и его осознанием (осознанием его смысла, его важности), между истиной и свободой.

Опыт встречи с папой в Риме обладает педагогической ценностью; благодаря этому событию каждый мог посмотреть на себя в действии и проверить, занимал ли он позицию изначальной созвучности (о которой говорится в книге *«Зачем Церковь»*), облегчающей понимание, или же был парализован отупением и непреодолимой неспособностью понять. Мы видели, что произошло на площади. Но все не закончилось в Риме. Еще до завершения встречи стали возникать разнообразные реакции и интерпретации события и слов папы. В тот самый момент у каждого была возможность взглянуть на переживаемый опыт и решить, насколько он ясен и состоятелен, способен ли он выстоять под натиском интерпретаций – как внешних, так и внутренних. Даже событие такого масштаба, даже участие в столь внушительном и в полной мере человеческом жесте никого не избавляет – и никогда не избавит – от необходимости считаться с приобретенным опытом, отталкиваться от него, выносить суждение о том, какая из интерпретаций давала должное объяснение факту.

Опыт, пережитый в Риме, свидетельствует, что участие в подобном жесте не ставит точку в проблеме. Так случилось и со слепорожденным: исцеление было не концом, а отправным пунктом, началом борьбы за признание истины, реальности произошедшего с ним. Поэтому те, кто, уйдя с площади, ждал, что авторитетное суждение «Движения» вместо них разрешит вопросы и внесет ясность, могли заметить, насколько ошибались (авторитетное суждение было вынесено сразу же по окончании аудиенции и отражено в сообщении для печати, однако этого недостаточно).

Так становится понятной связь между первым и вторым пунктами этой лекции. Полная ясность в отношении нашего «я» возможна лишь благодаря событию, встрече. Подобным образом, чтобы после встречи мы осознали, что потерялись, сбились с пути, нам нужно ее повторение, повторение изначального события – настолько велика наша нужда, настолько безмерна наша смертная слабость, как говорится в литургии. В одиночку мы не отдаем себе в этом отчета. Нам нужен другой, нам нужно целостное человеческое присутствие.

Как его распознать? Оно выводит нас за рамки нашего умаленного восприятия, нашей рассеянности и возвращает нас к центру, ко Христу.

И как оно выводит нас за рамки, как возвращает ко Христу? Происходя. Просто-напросто происходя. Христианство – всегда событие. Если оно не происходит вновь и вновь, на первом же повороте мы съезжаем с трассы. Вот почему непростительная наивность – полагать, будто мы уже все знаем, словно знание не позволит нам отклониться от курса. Какое утешение видеть, что то же самое случилось и в отношении апостолов с Иисусом! Они тоже пережили исключительную встречу с Его живым присутствием и тем не менее постоянно отходили в сторону.

А. Как сбивались с пути апостолы

Многие евангельские эпизоды свидетельствуют о том, как ученики сбивались с пути и как Иисус ставил их на место.

В эти годы мы неоднократно вспоминали о возвращении учеников после миссии, в которую Он послал их, чтобы проповедовать, возвещать Царствие. Они были воодушевлены, но уже отошли в сторону, сосредоточились на чем-то другом, и Иисусу приходится вернуть их в центр: «Не тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах»²⁸, то есть что вы избраны.

Вот еще один эпизод: «Иоанн сказал: Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что он не ходит за нами». Как видите, у них тоже были проблемы с автореференцией... Но «Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо кто не против вас, тот за вас»²⁹.

Подобные ситуации продолжают: «Тогда приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых <...> и говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем». Да и остальные были не лучше... «Услышав сие, прочие десять учеников вознегодовали на двух братьев. Иисус же, подзвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою»³⁰.

Порой помрачение тех, кто следовал за Иисусом, и вовсе переходит все границы: «Когда приближались дни взятия Его от мира, Он восхотел идти в Иерусалим; и послал вестников пред лицом Своим; и они пошли и вошли в селение Самарянское, чтобы приготовить для Него;

²⁸ Лк. 10, 20.

²⁹ Мк. 9, 38–40.

³⁰ Мф. 20, 20–21, 24–26.

но там не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их? Но Он, обратившись к ним, запретил им»³¹. Они сбивались с пути вплоть до последнего дня.

Можно все утро пересказывать такого рода евангельские эпизоды. Из их числа и финальная сцена. «Петр, обратившись [только что состоялся разговор со Христом: «Любишь ли ты Меня?» – «Да». – «Следуй за Мною».], видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус <...>, и говорит [Учителю]: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл <...>, что тебе до того?»³²

Сами того не замечая, безотчетно, апостолы выходили из центра, уклонялись в сторону чего-то другого, в чем-то другом искали состоятельности. Какое утешение – видеть, что мы ничем от них не отличаемся и что Иисус, ничуть не удивляясь, ставил их на место. «Даже если отец твой и мать твоя оставят тебя, Я тебя никогда не оставлю!»

Б. Как сбиваемся с пути мы

С нами происходит то же самое (внимание, проблема не в потере верного пути, а в отрицании того, что мы с него сошли, – случается и такое). Нам, так же как и апостолам, необходимо встретить в настоящем присутствие, которое выведет бы нас из собственного центра, чтобы вернуть к истинному центру, ко Христу. Таким присутствием был для нас отец Джуссани, и если мы взглянем в нашу историю, как вглядываемся в историю учеников, то обнаружим в ней те же факты, те же отклонения и то же присутствие, которое постоянно возвращает нас к центру.

Примеры из нашей истории помогают нам проверить, в какой мере искушения, выявленные отцом Джуссани, касаются и сегодняшнего дня, имеют отношение и к нашему настоящему. Вспомним некоторые моменты, в которые он возвращал нас в центр.

В 1982 году состоялись первые упражнения Братства – сразу после признания Святым Престолом. Отец Джуссани начинает встречу и приводит всех в замешательство. Люди приехали в воодушевлении, ведь Церковь наконец-то признала Движение. Но отец Джуссани говорит: «Мне как будто слегка неловко и нелегко начинать, потому что в голову

³¹ Лк. 9, 51–55.

³² Ср. Ин. 21, 17, 19–22.

настойчиво приходят имена моих первых учеников»³³. Объясняя причину неловкости он цитирует Иоанна Павла II: «Не будет верности <...> если в сердце человека не возникнет вопрос, на который лишь Бог предлагает ответ, или, даже лучше, на который лишь Бог является ответом»³⁴. После чего замечает: «Со школьной скамьи и вплоть до нашей нынешней компании <...> сегодня утром я с удивлением ощущаю серьезность этого человеческого вопроса со всей его насущностью, силой, его непрочным положением в человеческой жизни». Вот что бросало его в дрожь: «Сегодня утром я ощущаю трепет от мысли о том, какая бесконечная отдаленность возможна в отношении с самим собой, поскольку моя личность – то, чем она должна стать: человек есть проект, его определяет осуществление этого проекта. Эта утренняя мысль позволяет мне заметить, как обычно я далек от того, к чему столь сознательно, столь настойчиво возвращаюсь, о чем снова и снова размышляю и о чем призываю размышлять других». И тут он выносит суждение о жизни многих людей из Братства: «Вы повзрослели, уверенно освоили свою профессию, но вместе с тем возможна как бы отдаленность от Христа <...> наше сердце словно обособлено, или, вернее, Христос остается обособленным от нашего сердца, кроме некоторых моментов, когда мы занимаемся определенными делами (когда молимся или работаем, когда устраиваем общее собрание или проводим школу общины и т. д.)». Отсюда рождается «другая отдаленность, которая обнаруживается в затруднении, возникающем между нами (я говорю в том числе и о мужьях и женах), в конечном обоюдном затруднении», которое «отдаляет самое сокровенное в сердце одного человека от самого сокровенного в сердце другого; исключением являются лишь моменты совместных занятий (когда нужно заниматься домом, заботиться о детях и т. д.)»³⁵.

За пятнадцать лет до этого, 19 ноября 1967 года, через два дня после оккупации Католического университета, прошли адвентовские духовные упражнения *Memores Domini*, во время которых отец Джуссани вынес суждение о реакции студентов из Движения на сложившуюся ситуацию: «Нам не хватило понимания ситуации и того, что необходимо делать, – иного, более острого понимания, понимания с позиции Бога: нам не хватило этого так легко, поскольку мы не ждем Его [не ждем Бога]

³³ L. Giussani. *La familiarità con Cristo // Tracce–Litterae Communionis*. Febbraio. 2007. Ср. A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 605.

³⁴ Иоанн Павел II. *Проповедь, произнесенная в Мехико во время визита в Доминиканскую республику, Мексику и на Багамские острова*. 26 января 1979 г.

³⁵ L. Giussani. *La familiarità con Cristo. // Tracce*. Febbraio. 2007. Ср. A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 605.

днем и ночью». Действительно, «если бы мы ждали Его днем и ночью, то и позиция наших студентов относительно их совместного пребывания в Католическом университете оказалась бы иной; их поведение было столь великодушным, но было ли оно истинным?» И обращаясь к тем, кто участвовал в оккупации, он добавляет: «Истина жеста рождается не от политической прозорливости», ведь в таком случае «то, что мы говорим, смешивается с речами других и становится инструментом в речах других. Мы можем заниматься своими делами и, не отдавая себе в том отчета, принимать за парадигму всеобщее мнение, предложение всех остальных. Наши слова и действия отличает это всedневное и всеобщее ожидание»³⁶.

Оккупация Католического университета становится для отца Джуссани бесценной возможностью научиться чему-то крайне важному: «Мы поистине <...> первые в том глубинном изменении, в той глубинной революции, которая никогда – утверждаю: никогда – не будет заключаться, вопреки нашим притязаниям, в чем-то внешнем, в социальной реальности <...> она никогда не настанет в культуре или в жизни общества, если прежде не [произойдет] <...> в нас. <...> Если не начнется между нами это самопожертвование... Не милостыня, которую нужно подать, а <...> революция самих себя, восприятия самих себя <...> непредвзято, без какой-либо предварительной подстраховки»³⁷.

В 1973 году, через пять дней после масштабной встречи в миланском дворце спорта «Палалидо», отец Джуссани выразит свое недовольство произошедшим. Он знал, что самые уверенные аплодисменты звучали в адрес предложений политического характера, и это оттеснило на задний план публичное свидетельство о вере: «Для нас на первом месте не Христос, не новый факт. Ребята, мы все еще не верим. Идеология нас захлестывает, и потому то, что должно бы быть вторичным по отношению к общению (ведь это естественно, если твое мнение отличается от моего), становится активно преобладающим – в выносимых суждениях и в действиях, которые за ними следуют», вплоть до того, что «общение теряет свою значимость»³⁸.

Что двигало отцом Джуссани, когда он поправлял нас подобным образом? Событие Христа, пламенная любовь ко Христу, Его присутствие, память о Нем. Он не отошел в сторону от Христа! И потому всякий

³⁶ Ritiro di Avvento del Gruppo adulto. Milano, 19 novembre 1967. // A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 391.

³⁷ *Ibidem*. P. 392.

³⁸ Quarta scuola di comunità. Milano, 20 maggio 1973. // A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 468.

раз мог признавать, что «наше сердце словно обособлено, или, вернее, Христос остается обособленным от нашего сердца»³⁹.

В. Формализм и застой новизны

Есть признак – и вместе с тем постоянный риск – этого отдаления от первопричины: формализм. С самых первых лет жизни Движения отец Джуссани был сверхчувствителен к вечно грозящей опасности утратить свежесть изначального опыта, переключить внимание с причины, от которой все родилось и которая привлекла, вовлекла людей. Людей привлекли не формулировки и не ассоциативные ритуалы, не организация, а живое событие, охватившее их жизнь. Поэтому риск формализма всегда казался ему гибельным.

В 1962 году, когда «Общение и освобождение» уже выражало себя множеством способов через различные инициативы, открытые встречи, публикации и так далее, когда «Студенческая молодежь» все прочнее укреплялась в Милане и других городах Италии, Джуссани, обращаясь к группе тогдашних ответственных, отметил, что «изначальный опыт, который привел нас в Движение, словно окаменел, кристаллизовался». Он подчеркивал: «Можно достичь предельной верности в использовании метода как некоей формулы и передавать его, но при этом метод не будет и дальше вдохновлять развитие. Метод, не развивающий жизнь, подобен могиле, это силикатизация, окаменение». Вот причина, по которой «люди, наделенные ответственностью, думают о ней как о чем-то “внешнем”, а не как о “методе их жизни в первую очередь. Так она превращается в утомительное время”»⁴⁰.

К чему ведет «использование метода как некоей формулы»? К «застою новизны», то есть к окочению жизни. Для Джуссани «способность изменяться – в свободе духа», однако он вынужден констатировать «черствость в поиске вечно нового соответствия, тогда как вещи не останавливаются ни на мгновение». Поэтому он обращает внимание на то, что «новизну обогащают те, кто приходит впервые, кому неизвестны наши идеи», и именно их присутствие «обязывает нас мыслить по-новому, обновить то, что есть в нас, чтобы подготовить почву для них. Мы же <...> устраиваем все так, словно все уже с нами (то есть разделяют наши идеи), и забываем о них». Напротив, «наш метод нуждается в подлинных людях, вовлеченных в нашу человечность. Вот

³⁹ L. Giussani. *La familiarità con Cristo // Tracce-Litterae Communionis*. Febbraio. 2007. Ср. A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 605.

⁴⁰ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 254.

наш недостаток». Он призывает лишь к одному: «Войдите с гипотезой о “Студенческой молодежи” в этот опыт: Бог воплотился, у Него были глаза, кости, мышцы...»⁴¹

Отец Джуссани неоднократно возвращается к риску формализма: например, во время студенческой встречи *Equipe* в феврале 1983-го. «Формализм <...> обычно отождествляют с верностью формам, которые однако не становятся предложением, то есть тем, к чему они изначально предназначены, – предложением для жизни. Что меняет в жизни совершаемое нами действие? Что меняет в жизни это собрание людей вокруг СР («*Cattolici popolari*» – название предвыборного списка, в свое время фигурировавшего во многих высших учебных заведениях Италии. Политическую и культурную деятельность СР характеризовали предельная конкретность и умение отвечать на нужды студентов. – *Примеч. ред.*) в виду выборов?»⁴² Для Джуссани важно это наблюдение, сделанное в ходе разговора. «Причина, по которой события с таким трудом становятся опытом, кроется в формальном присоединении к общине». Действительно, объясняет он, «человек в порядке не потому, что ходит на школу общины, не потому, что участвует в святой мессе со своим священником, не потому, что раздает листовки или вывешивает дацзыбао. Все это может быть формальностью, своего рода оплатой пошлины в пользу той социальной реальности, к которой он примыкает. Но когда все это становится опытом? Когда говорит тебе что-то и движет («движение») что-то в тебе <...>. Таким образом, первая опасность, встающая перед нами, заключается в формализме, в повторении слов или жестов, которые не встряхивают или так или иначе не переворачивают, то есть не движут что-то в тебе, не просвещают все больше взгляд, каким ты смотришь на самого себя, не подпитывают уверенность в отношении какой-либо ценности (к примеру, участие в выборах есть потребность твоей человечности, в противном случае твоей человечности недостает меры)»⁴³.

Наше присутствие в обществе вполне может быть формальным. «Что значит “формальное присутствие”? Присутствие, рождающееся от некоей схемы и потому уже не являющееся присутствием, превращающееся в ряд жестов, оторванных от организма, не имеющих организма. Наше присутствие рождается от схемы: нужно сделать то, то и то – целую кучу инициатив; даже приглашая друга, мы следуем схеме, и потому людей зовут на пасхальное триденствие, а потом бросают, да что там, их броса-

⁴¹ *Ibidem*. P. 254–255.

⁴² L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. Milano: Bur, 2008. P. 193.

⁴³ *Ibidem*. P. 194–195.

ют уже в эти три дня. Не формальное присутствие должно проистекать из сознания, из порыва и из риска личности: присутствие в обществе есть проблема твоей личности. Ты присоединяешься не к интересам других; проблема связана со Христом, с тем, касается ли Христос твоей личности. Подлинная проблема – в формализме веры. <...> Мы не исходим из сознания о Христе как о нашей жизни, а потому и как о жизни мира и, наконец, о мире как о нашей жизни»⁴⁴.

Эти отдаленность, отход в сторону и формализм влекут за собой видимые последствия:

1) усталость, утрата вкуса к новой жизни

В Кампителло 6 сентября 1975 года отец Джуссани говорил: «Я видел среди вас людей доброй воли, которые в последнее время устали и пребывают в замешательстве. <...> Если усталость сковывает нас, значит, мы еще недостаточно зрело понимаем причину нашей жизни и всех наших дел. Эта неделя заставила нас отдать себе отчет в определенной нехватке: и главный вопрос в том, чего нам не хватает»⁴⁵.

Два месяца спустя, во время дня начала года для студентов, Джуссани заметил: «Когда мы вошли в университет (имеется в виду присутствие «Общения и освобождения» в университетской среде. – *Примеч. ред.*), был один момент (или даже несколько), в который страстное желание или даже страсть к новой реальности, к чему-то новому, воодушевляли нас. Теперь же мы живем в университете без того вкуса, без вкуса к новой жизни»⁴⁶.

Подобные риски преследуют нас постоянно. Одна подруга пишет: «Когда мы узнали, что нас пригласили на аудиенцию к папе, даже нас, живущих за границей (такого раньше ни разу не случилось за все двенадцать лет, проведенных в Найроби, в том числе и когда были походы отца Джуссани), я поняла всю важность этой встречи для Движения. Если уж попросили участвовать всех, следовательно, мы подошли к поворотному моменту истории. Однажды вечером речь зашла о значении этого жеста, и одна подруга, отведав меня в сторону, призналась, что не собирается участвовать. Массовые встречи вызывали у нее отвращение. Кроме того, она перечислила различные сложности вроде стоимости билета, длительности путешествия, необходимости ждать в очереди, чтобы попасть на площадь Святого Петра и так далее. «Но ведь вначале, когда мы встретили Движение, подобные вещи нас

⁴⁴ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Op. cit. P. 109–110.

⁴⁵ *Ibidem*. P. 8.

⁴⁶ *Ibidem*. P. 31.

не останавливали”, – молниеносно ответила я. Вначале преобладало желание быть с Ним, куда бы Он ни направился. Так мы вспомнили немало многолюдных встреч, в которых приняли участие, вспомнили, что двигало нами. “Я не хочу быть похожей на старуху, которая только и беспокоится, как бы не утомиться; я желаю любить Его Тело, поскольку эта любовь двигала мной с самого начала!” Оказавшись на площади, я совершенно незапланированно встретила всех моих друзей, услышала наши прекрасные песни, увидела Каррона и благодаря этому вновь обрела Его живое Тело и ощутила себя младенцем на руках у матери. “Поддерживайте живым пламя памяти о первой встрече и будьте свободными!” – сказал нам папа Франциск. Где еще я найду такую нежность по отношению к моей жизни? Вновь произошла первая встреча, как когда мне было пятнадцать лет и я была всегда готова, с рюкзаком за плечами, направиться за Ним куда угодно».

Какую же новизну мы призваны переживать и показывать другим? Необходимо, говорит Джуссани, «чтобы люди вокруг нас, на наших факультетах и курсах, видели не просто нашу принадлежность к “Обществу и освобождению”, какую видят сейчас, то есть не просто череду инициатив, встреч, инструментов. Они должны заметить событие “Обществу и освобождению” во мне и между нами, заметить изменение, происходящее со мной, единство, с которым можно яростно бороться, но по которому в конечном счете невозможно не испытывать ностальгию: эту скалу, неподвластную, как сказал бы Христос Петру, силам тьмы». Если ничего подобного не происходит, «Общество и освобождение» превращается в глазах Джуссани в политическую партию, не более того, в ассоциацию, избыточную инициативами, но довольно утомительную, ведь ее сложно любить дольше, чем несколько месяцев»⁴⁷.

2) неясность относительно присутствия

В 1976 году отец Джуссани, завершая знаменитую встречу в Риччоне, сказал: «В университете должно иметь место не “присутствие нашей общины”, а “новое сердце каждого из нас”, твоя зрелость, брат мой; вспышка или проблеск твоей христианской зрелости, новых веры и страсти. Влияние на университет и общество, вклад в жизнь Церкви – следствия, которые установит Бог, как Он устанавливает времена истории. Нас же интересует человечность, уже сейчас живая в отдельных людях и неизбежно передающаяся другим, ведь любому из нас было бы плохо, если бы кого-то одного не достиг этот новый переворот, в котором все становится иным: панорама мира, себя самих, повседневной банально-

⁴⁷ *Ibidem*. P. 32–33.

сти, товарищей и друзей. Во всех нас частично уже присутствует такое предчувствие, как когда рождается солнце: новый день не в другом мире, а в этом. Оно должно перерасти в борьбу, вечно начинающуюся заново и никогда не прекращающуюся внутри нас, поскольку противостояние, с которым мы сталкиваемся в университете, есть грандиозное воплощение противостояния внутри нас»⁴⁸.

3) неясность относительно природы Движения

Тогда же, в сентябре 1976 года, во время встречи ответственных в Коллеваленце, отец Джуссани представил собравшимся неутешительную картину того, что случается, когда на первый план выходит формализм: «Движение в таком случае есть нечто ужасное: вместо того, чтобы мобилизовать жизнь и вести ее к обращению, оно превращается в нагромождение условностей». Напротив, добавил он, Движение – это «Событие, которое необходимо творить, а не организация, о которой нужно раздумывать <...> на кону – ты сам». Здесь отец Джуссани не ограничивается полумерами: «Суть вопроса не подразумевает непременно, что нужно быть в количестве пятидесяти, достаточно и двоих»⁴⁹.

Указанные следствия представляют собой постоянную угрозу, а потому требуется *непрерывное обращение*, как сказал отец Джуссани в 1978 году в Ассизи, на встрече преподавателей из Движения: «Любая революция и любая реформа спустя какое-то время становятся формальными, и формализм подавляет, всасывает, погребает под собой изначальный порыв. Необходимо непрерывное обращение – тогда революция длится и не проходит. Продолжающаяся борьба – утопия в буквальном смысле слова [Джуссани имеет в виду итальянскую леворадикальную организацию «*Lotta continua*» – «*Борьба продолжается*», основанную в 1969 году и занимавшуюся агитацией в рабочей и студенческой среде. – *Примеч. ред.*], но то, что является утопией для последователей формулы “дорогие товарищи”, для нас – Христос в истории. Быть христианами преподавателями или движением веры, быть общением и освобождением можно только в силу неиссякаемого желания обращаться, и именно такая позиция должна определять нас каждое утро. Христианская жизнь становится присутствием лишь в рамках непрерывного сознания о том, чем мы являемся: вот единственно возможная продолжающаяся борьба»⁵⁰.

⁴⁸ *Ibidem*. P. 86–87.

⁴⁹ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op.cit. P. 485–486.

⁵⁰ *Agli educatori. L'adulto e la sua responsabilità*. Quaderni. 7. Milano: Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, 1990. P. 52.

Возвращаясь к подобным моментам нашей истории в свете того, что сказал нам папа седьмого марта, мы можем признавать нашу бесконечную нужду, острее ощущать желание обращаться, просьбу, с которой мы отправились в паломничество к Святейшему отцу: не «потерять жизнь, живя»⁵¹, не утратить свежесть харизмы, равносильную для нас свежести жизни. Вот наша насущная потребность. И она тем насущнее, чем больше мы осознаем, насколько великий дар получили, и благодарим за него. Именно эта потребность облегчает для нас признание Христа. Действительно, вера – для нищих духом, как нам было сказано на площади Святого Петра: «Иоанн, Андрей, Симон ощутили, что Он прозрел их до самых глубин, познал в них самое сокровенное, и потому в них родилось удивление, изумление, в силу которого они тотчас ощутили себя связанными с Ним...»⁵²

Удивительно в свете нашей истории перечитывать слова Святейшего Отца: «Спустя шестьдесят лет изначальная харизма не утратила свежесть и живость. Однако следует помнить, что в центре пребывает не харизма, центр может быть лишь один – Иисус, Иисус Христос!»⁵³ Отец Джуссани не уставал призывать нас к этому и постоянно отрывал нас от наших представлений о харизме, чтобы вернуть к харизме в ее изначальной природе. Мы узнали, что такое харизма, благодаря отцу Джуссани, который постоянно выводил нас за рамки наших узких представлений о ней, сложившихся в ходе истории. Мы начали понимать, о чем речь, не в ходе богословских дискуссий о сути харизмы, но посредством размышления о ее исторической реализации. Как часто отцу Джуссани приходилось ставить нас на место! Поэтому, сказал нам папа, «верность [харизме] не означает “окаменелость”» – отец Джуссани назвал бы это «кристаллизацией»; «быть верным харизме не значит записать ее на пергаменте и поместить под стекло. Наследие, оставленное вам отцом Джуссани не должно стать музеем воспоминаний, принятых решений и норм поведения. Оно, несомненно, предполагает верность традиции, однако <...> верность традиции “состоит в том, чтобы поддерживать живым пламя и не поклоняться пеплу”», сохранять вкус к жизни, а иначе кому какое дело? «Поддерживайте живым пламя памяти о первой встрече и будьте свободными!»⁵⁴

В этом свете мы можем перечитывать не только слова папы Франциска, но и то, что нам говорили другие папы. Вспомним Иоанна Павла II.

⁵¹ Ср. «Где Жизнь, которую мы потеряли в жизни?» // Т. С. Элиот. Камень. М.: Христианская Россия, 1997.

⁵² Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

В 1985 году он сказал священникам из CL: «Когда движение признается Церковью, оно становится прерогативным инструментом личного и вечно нового соединения с тайной Христа. Никогда не позволяйте, чтобы в вашем деле завелся червь привычки, “рутины” или старости! Непрестанно переоткрывайте харизму, которая вас привлекла, и она все вернее будет вести вас тому, чтобы вы стали служителями единственной в своем роде власти Господа Христа!»⁵⁵ А в письме, направленном отцу Джуссани в 2004 году, понтифик писал: «Мне приятно выразить Вам, как и всем членам Движения, пожелание, чтобы эта важная юбилейная дата побудила каждого вернуться к истокам опыта, давшего начало Движению, и обновить изначальное воодушевление. Очень важно хранить верность исходной харизме, дабы иметь возможность действительно отвечать на чаяния и вызовы времени»⁵⁶.

О чем свидетельствует опыт апостолов, а также наш опыт, пережитый отношении с Джуссани и с папами? О том, что недостаточно исходной встречи, недостаточно уже известных вещей, чтобы не сбиться с пути. Мы нуждаемся в присутствии в настоящем времени, которое позволяет нам выйти из центра и возвращает нас ко Христу; мы нуждаемся в постоянном повторении первой встречи, о чем всегда напоминал нам отец Джуссани: «Словом “событие” называется происшествие, с которого все не просто началось, – оно пробуждает настоящее, определяет настоящее, наполняет настоящее содержанием, делает настоящее возможным. То, что мы знаем, или то, что мы имеем, становится опытом, если то, что мы знаем или имеем, дается нам сейчас: вот рука, протягивающая нам все это сейчас, вот лицо, выступающее на первый план сейчас, вот кровь, проливающаяся сейчас, вот Воскресение, происходящее сейчас. Вне этого “сейчас” нет ничего!» Ни того, что мы знаем, ни того, что имеем. Ничего. Все ничто. «Вне этого “сейчас” нет ничего!» Нам следовало бы поместить эту фразу в наших домах. «Вне этого “сейчас” нет ничего!» И мы это прекрасно знаем: все иссыхает, несмотря даже на наши познания. «Познания» не дают нам даже секунду изначального потрясения, ведь «наше “я” может прийти в движение, в волнение, то есть измениться, только в силу чего-то ему современного: события. Христос – это что-то, происходящее со мной»⁵⁷.

⁵⁵ Giovanni Paolo II. *Discorso ai sacerdoti partecipanti all'esperienza del movimento «Comunione e liberazione»*. Castel Gandolfo (Città del Vaticano). 12 settembre 1985.

⁵⁶ Иоанн Павел II. *Письмо преподобному монсеньору Луиджи Джуссани, основателю движения «Общение и освобождение»*. 22 февраля 2004 г.

⁵⁷ Cfr. ARCHIVIO STORICO DELL'ASSOCIAZIONE ECCLESIALE MEMORES DOMINI (ASAEMD), documento ciclostilato intitolato «Dedicazione 1992 Rimini, 2–4 ottobre 1992». // A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 851.

Джуссани со всей своей отцовской любовью предупреждает: «Поста-
раемся не воспринять это *исправление* – потому что именно в исправле-
нии заключается проводимая нами работа – с позиции защиты. “Воспита-
тельный процесс начинается там, где не остается пространства для само-
защиты”. Самое прекрасное в мире – учиться. И все должны научиться
у того, кто руководит, его способности учиться. “Жить – значит, что
посредством твоего опыта живут другие”»⁵⁸.

3. Порождение взрослого человека

Только так, только если мы соглашаемся учиться, если позволяем выве-
сти себя из собственного центра, можно взяться за задачу, вверенную нам
папой. Какова эта задача? Быть «дланиями, руками, ногами, умом и серд-
цем Церкви, идущей в мир». Как нам исполнить ее? Сам папа дал подсказ-
ку: необходимо поставить в центр Христа⁵⁹.

О том же говорит и отец Джуссани: «Когда мы распахнуты навстречу
тому, что произошло и происходит в мире, то есть Христу, <...> сердце
расширяется»⁶⁰. «Следование за Христом, любовь ко Христу во всем –
вот что следует признать главной характеристикой нашего пути»⁶¹.
И еще: «Мы ставим в центр нашей жизни это Присутствие <...>: чело-
века Иисуса»⁶². Ну и наконец: «Если устранить это Присутствие, все
обращается в пепел»⁶³. Отмечая шаткость нашей позиции, он использует
и другое выражение: «Наше мещанство видно невооруженным глазом.
Оно заключается в нерадикальности нашего подхода к отношению со
Христом»⁶⁴.

Сегодня, как и вчера, необходимо порождать людей, зрелых в вере.
Нет более насущной потребности. Отец Джуссани говорил об этом
предельно ясно: «Во всем, что мы делаем, мы ищем более живую веру
и более действенный, более эффективный способ предлагать ее всему
миру»⁶⁵. Вот самая острая наша нужда. Сегодня, возможно, это стало еще

⁵⁸ *Agli educatori. L'adulto e la sua responsabilità*. Quaderni. 7. Milano: Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, 1990. P. 49.

⁵⁹ Ср. Франциск. *Обращение к движению «Общине и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

⁶⁰ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2002. P. 130.

⁶¹ *Ibidem*. P. 10.

⁶² L. Giussani. *L'uomo e il suo destino*. Genova: Marietti 1820, 1999. P. 81–82.

⁶³ L. Giussani. *È, se opera*. Suppl. a *30Giorni*. N. 2. 1994. P. 80.

⁶⁴ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Op. cit. P. 61.

⁶⁵ *Agli educatori. L'adulto e la sua responsabilità*. Op. cit. P. 49.

очевидней. Парижские события и гонения последних месяцев помогли понять, каков главный вызов: великое ничто, бездонная пустота, господствующая в жизни и в конечном итоге выливающаяся в насилие. Этот вызов брошен и нам, и всем остальным. Как можно ответить на пустоту? Здесь не обойтись какой-нибудь стратегией, повторным изложением норм и правил поведения. Проблема носит прежде всего не этический, а познавательный характер и касается неспособности признавать очевидность того, о чем мы говорили вначале, связана с ослаблением чувства «я», самосознания. Именно их и надо пробуждать в каждом человеке. Если мы этого не понимаем, наши действия не только бесполезны, но и ошибочны. Отец Джуссани и тут приходит нам на помощь. «В обществе, подобном нашему, – говорил он в 1978 году, – мы ничего не в состоянии преобразовать за счет слов, ассоциаций или институций, сделать это можно лишь с помощью жизни, потому что жизнь – грандиозный факт, который политические идеологии никогда не смогут победить»⁶⁶.

Всего несколько лет спустя в книге-интервью с Джованни Тестори он говорил: «Кажется, уже невозможны крестовые походы или движения... Организованные крестовые походы, организованные движения. Движение рождается от пробуждения личности. <...> Именно личность <...> есть точка возвращения. Так, на мой взгляд, возникает понятие движения. Сейчас самая большая социальная ценность для контратаки – как раз идеал движения, которое словно не имеет ни начала, ни конца, и непонятно, откуда оно берется. Действительно, место его рождения – в самой неприспособленной и безоружной частице из всех возможных, то есть в личности <...> Главная проблема состоит в том, чтобы заново зажечь самообладание личности». Джуссани выносил суждение о несоборности многих идеолого-политических «движений» эпохи и вместе с тем – об определенном способе воспринимать опыт нашего Движения, который сводился к тем же схемам и отвечал тем же способом. Если подлинная проблема действительно заключается в пробуждении, возрождении личности, «местом оживления личности не могут быть разговоры, дискуссии»⁶⁷.

Как же происходит это оживление? «Вот с этим и надо разобраться. Внешне, единственный ответ – во встрече с отличным от твоего присутствием, в столкновении с другим присутствием; это присутствие может в таком случае сыграть роль реагента, катализатора скрытых энергий»⁶⁸.

⁶⁶ *Ibidem*. P. 51.

⁶⁷ L. Giussani. G. Testori. *Il senso della nascita*. Milano: Bur, 2013. P. 112.

⁶⁸ *Ibidem*. P. 119–120.

Поэтому, как говорил отец Джуссани, выступая в 1987 году на Синоде, «сегодня недостает не словесного или культурного повторения вести [мы же полагаем, что достаточно повторять здравую доктрину, чтобы не быть двусмысленными. Если нас это утешает...] Современный человек ожидает, возможно неосознанно, опыта встречи с людьми, для которых факт Христа столь реален, что меняет их жизнь». Вот в чем, по мнению Джуссани, мы нуждаемся: «Современного человека способно встряхнуть человеческое столкновение, событие, в котором отзывается изначальное событие, момент, когда Иисус поднял глаза и сказал: “Закхей, сойди скорее с дерева, Я иду к тебе домой”»⁶⁹.

Один друг пишет мне: «Однажды вечером друзья пригласили меня принять участие в публичной встрече, организованной ассоциацией, объединяющей родителей детей с редкими заболеваниями. Они подумали обо мне, ведь я уже тридцать три года воспитываю сыновей с серьезными проблемами. Мне сообщили, что встреча пройдет в форме круглого стола и в ней кроме меня примут участие и другие люди, в том числе один писатель атеист, отец ребенка с тяжелыми психо-физическими отклонениями. Я согласился и решил прочитать книгу, в которой тот человек рассказывает о своем сыне. С первых же страниц передо мной предстала вся его отцовская беспомощность; казалось, ничто не в состоянии породить хотя бы проблеск надежды. Меня поразило, как отчужденно он говорил о сыне. Он писал, например: “Мне неприятен даже запах моего ребенка!” К концу книги я стал всерьез сомневаться, выдержу ли в столь беспросветной ситуации. Но потом мне пришло в голову, что в книге было не только отчаяние: за теми страницами кричал человек, нуждающийся во всем, и я знаю Того, Кто отвечал и отвечает на такую нужду. Я решил пойти на встречу, поскольку ничем не отличаюсь от этого писателя: я такая же бесконечная нужда. Собралось множество незнакомых мне людей. Ведущий сказал, что я выступаю первым. Я стал говорить о себе, о моих детях-инвалидах, о чувстве пустоты и предательства, охватившем меня в первые годы, о растерянности, завладевшей моим сердцем, о желании счастья, которое, казалось, никогда не исполнится, и о том вечере, когда я вдруг заметил радостные глаза моей жены, о приключении, в которое с того вечера превратилась моя жизнь, о том, каким прекрасным даром являются для меня сегодня мои дети. За мной должен был выступать писатель. Он сказал: “Я не умею надеяться, как мой друг (мы познакомились считанные минуты назад, а он уже называл меня своим другом). Но я желаю этого, с сегодняшнего вечера я желаю

⁶⁹ L. Giussani. *L'Avvenimento cristiano. Uomo. Chiesa. Mondo*. Milano: Bur, 2003. P. 23–24.

этого. Я подготовил речь (он показал распечатанный текст), но решил его не читать (он отложил листы в сторону), потому что с сегодняшнего вечера я желаю лишь одного: пойти жить с моим новым другом, рядом с ним, чтобы узнать, как можно жить так. Мне интересно только это». Он остановился, зал замер в молчании, полном взволнованности. Там произошло нечто великое. Потом писатель сказал мне: «От чего мне по-настоящему больно, так это от сомнения в том, что мой сын счастлив». Тут между нами началась беседа, словно мы дружили всю жизнь. В конце вечера он просто признался: «Возможно, впервые в моей жизни я взглянул на себя и не увидел неудачника». И я задумался: «Что заметил этот человек, чего даже я, говоривший с ним, не замечаю?» Иисус даровал мне нового друга на пути. Вскоре мы будем ужинать с ним и некоторыми участниками встречи, которые попросили нас об этом».

Как мы видим, ответ на затруднительную ситуацию возникает во встрече с отличным от твоего присутствием. Тут не нужно лишних разъяснений. Сегодня, как и прежде, лишь свидетель измененной жизни может вновь вызвать любопытство по отношению к христианству: человек видит воплощенную в жизнь полноту, которой желает достичь, но не знает как. Нужны новые люди, созидающие места жизни, где каждому может быть предложена проверка – та же, что проделали когда-то двое первых учеников на берегу Иордана: «Пойдите и увидите».⁷⁰

Движение – как раз такое место, дружба, рождающаяся от притягательности, порожденной человеческим столкновением, место, в котором может проявиться новая личность, истинная, совершенная. «Община – не сгусток людей, занимающихся реализацией неких инициатив, не попытка создать партийную организацию. *Община – место действенного созидания нашей личности, то есть зрелости веры*»⁷¹. Если Движение существует не ради этого, оно бессмысленно, равно как и Братство и входящие в него группы. Сколько раз отец Джуссани поправлял нас, помогая вернуться к исходному опыту Движения.

Здесь возникает вопрос: как появляются люди, представляющие собой «присутствие», способное встряхнуть остальных? Как пережить Движение, чтобы оно становилось «местом действенного созидания нашей личности, то есть зрелости веры»? Этот вопрос оставил след в нашей истории, и отец Джуссани всегда указывал на его крайнюю важность. Во время одной из бесед с ответственными Движения в 1976 году он говорил: «Серьезная проблема состоит в том, с каким трудом рож-

⁷⁰ Ин. 1, 46.

⁷¹ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza*. (1975–1978). Op. cit. P. 58.

дается взрослый человек. Не с точки зрения церковной компетентности или профессионализма, а с точки зрения веры»⁷². И тут же спрашивал: «В чем причина?» Показательна позиция отца Джуссани, с которой он задает вопрос: «Нас интересует, каким образом развитие Движения как педагогической реальности способствует возникновению подобного затруднения, вместо того чтобы благоприятствовать росту зрелых в вере людей»⁷³. Джуссани фокусирует внимание на способе восприятия и переживания Движения, на глубоком исправлении.

Чтобы понять причину, по которой с трудом рождаются зрелые в вере, взрослые люди, он в первую очередь выявляет их характеристики: «Взрослый человек характеризуется способностью встречать лицом к лицу любое обстоятельство, не отчуждаясь автоматически от того, с чем он встречается. <...> Вторая характеристика взрослого человека заключается в его способности порождать. <...> Поэтому на уровне идентичности недостает сознания, порожденного верой»⁷⁴.

Чем это вызвано? Отец Джуссани подсказывает нам, где кроется проблема. «Не наступившая зрелость веры, не состоявшееся рождение взрослого человека зависит от тяжелейшего упадка метода: от метода остается лишь клетка слов и выражений, но нет гения. Кажется, будто гений метода иссох. <...> Вот крайне важный для Движения пункт: взрослый человек не растет, потому что наблюдается упадок нашего метода, то есть упадок опыта, участия в событии, а не согласия со словами»⁷⁵.

Если среди нас встречаются такие люди, как автор письма, которое я процитировал раньше, значит, в этом самом месте они могут жить, могут расти. Вопрос в том, соглашаемся ли мы участвовать в событии, происходящем сейчас, ведь – мы только что сказали – «гений метода» заключается в том, чтобы поставить в центр опыт, участие в событии, которое с нами произошло и происходит в настоящий момент.

Зрелые в вере люди рождаются не от соглашений и не от разговоров, не от повторения формулировок или штамповки форм, а от участия в событии, от живого присутствия, охватывающего меня сейчас, вовлекающего меня сейчас. Движение либо является таким событием, либо не существует вовсе. Слово «опыт» вытекает именно отсюда: только в том случае, если христианство, Движение становятся событием жизни, можно говорить об опыте (как об участии в событии).

⁷² FRATERNITÀ DI COMUNIONE E LIBERAZIONE (FCL). *Archivio storico del Movimento di Comunione e liberazione* (AMCL). Fasc. CL/81. «Scuola Responsabili Collovalenza 17/19 settembre 1976».

⁷³ *Ivi*.

⁷⁴ *Ivi*.

⁷⁵ *Ivi*.

Гений метода совпадает, таким образом, с гением самого христианства, католической веры – с гением Воплощения. «Нет никакой человеческой ценности вне одного экзистенциального факта: вне Христа, человека, жившего в определенное время в определенном месте. Вся злоба и отдаленность, вся враждебность и отчужденность в отношении католичества касаются этого. Вот проблема Церкви. Христа все уважают, все любят, даже Грамши, но невыносима мысль о том, что <...> ценность под названием “Христос” есть реальность во времени и пространстве, именуемая Церковью, реальность, состоящая из людей вроде меня и тебя. Если это человеческая реальность, имеет место иерархия, отличия, кто-то находится ближе, а кто-то – дальше, кто-то умнее, а кто-то глупее, кому-то дано играть роль, а кому-то нет. Мы встречаем Христа не в наших мыслях и не в наших чувствах, а в том, что лежит вне нас, в Церкви. Вот в чем состоит гений нашего Движения: мы приняли этот основополагающий закон христианства и превратили его в метод – в метод!»⁷⁶

«Движение есть сердце, тело, глаза, одежды, волосы, воплощающиеся в существовании. Движение есть проживаемое существование»⁷⁷. Мы постоянно говорим об этом в последние месяцы на школе общины: Церковь – жизнь, достигающая нас сейчас.

Если, как мы видели, порождение новой личности, людей, являющихся «присутствием», столь важно, единственной проблемой становится зрелость веры, должны созреть изначальные побегии: действительно, именно вера устанавливает нашу идентичность, формирует наше новое лицо для жизни и для мира: «*Наша идентичность – в уподоблении Христу.* <...> Все это должно стать зрелым, вот к чему мы должны устремиться всем нашим существом и всеми нашими начинаниями. Но мы <...> все еще в замешательстве». Почему? «Потому что все по-прежнему остается на начальном уровне». Отец Джуссани говорит без обиняков: «Настал момент, когда мы не в силах более сопротивляться, если первоначальные ростки не созревают: мы не можем и дальше по-христиански нести на плечах непомерный груз работы, ответственности, труда, к которым призваны. Люди сближаются не благодаря инициативам; сближает истинный знак присутствия, данный нам Реальностью, что находится среди нас и в нас, – Христом и Его тайной, сделавшейся зримой в нашем единстве»⁷⁸.

В решающий момент нашей истории, который отец Джуссани назовет впоследствии новым началом для всего Движения (встреча студентов

⁷⁶ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Op. cit. P. 367–368.

⁷⁷ L. Giussani. *Dal temperamento un metodo*. Milano: Bur, 2002. P. 380.

⁷⁸ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza. (1975–1978)*. Op. cit. P. 54, 57–58.

Equipe в Риччоне в 1976 г.), он в очередной раз громко заявил о своей главной тревоге. Если бы он не поправил нас тогда, от нас бы уже не осталось и следа со всеми нашими попытками «что-то делать» («Необходимость доказать, что христианский факт свидетельствует о способности совершить культурную революцию», после шестьдесят восьмого года «все еще оставляла в тени вопрос метода. Хотя мы и уловили христианский факт во всей его ясности, нам пришлось скатиться к культурным, социальным и политическим последствиям»⁷⁹): «Цель общины – *порождать зрелых в вере людей*. Миру нужны зрелые в вере люди, а не виртуозные профессионалы или компетентные рабочие, поскольку таких в обществе полным-полно, но весьма сомнительно, что они способны созидать человечность»⁸⁰. Каждый из нас может проверить это утверждение там, где работает и живет день за днем.

В чем состоит проверка? «Истина веры – иная человечность <...>, такая человечность, которая, не существуя Движение, создала бы его, потому что человек не смог бы вести себя по-другому. Ведь если у тебя есть человечность, двигаясь, ты двигался бы именно так, думая, думал бы именно так, твое сердце билось бы так <...> Нужно обладать такой человечностью, чтобы, если бы ничего не существовало, наши поступки там, где мы находимся (в семье, во дворе, в нашей повседневности, в школе, в университете, на работе, в Церкви), результаты наших поступков были действием Движения, вели бы к его созиданию. Вы должны иметь это в виду. Дело не в структуре, дело не в словах, дело не в организации. Дело в иной человечности»⁸¹.

Чтобы вернуть нас к истине нашего опыта, Господь непрестанно посылает нам людей, позволяет случаться на наших глазах фактам иной человечности: «Новые люди, приходящие в нашу компанию, подобны глотку свежего воздуха в комнате, занятой стариками с долгой историей <...>, в комнате, где пахнет затхлостью. <...> они словно несут нам то, что у нас, без сомнения, было – по крайней мере в виде намека, знака – вначале, то есть желание пути, более сильное, нежели привязанность к прекрасным вещам открывающимся в нас по мере его прохождения»⁸². И все же, как часто мы не осознаем этого и вместо того, чтобы учиться у них, ждем, что наши интерпретации позволят нам вырваться из плена удушающих обстоятельств. «Мы накрепко привязались ко многим вещам, возникшим

⁷⁹ FCL, AVCL. Fasc. CL/81. «Scuola Responsabili Collovalenza 17/19 settembre 1976».

⁸⁰ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza. (1975–1978)*. Op. cit. P. 58.

⁸¹ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Diaconia diocesana di CL. Milano, 6 ottobre 1976.

⁸² L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. Op. cit. P. 128.

по мере пути, мы держим под контролем эти начинания, мысли, мнения, требующие обдумывания, предстоящие дела. А Христос тем временем становится все дальше от сердца, то есть наша личность не меняется»⁸³.

Мы тоже рискуем войти в ряды тех, о ком отец Джуссани говорил в 1994 году по случаю годовщины публикации *Redemptor hominis*, первой энциклики святого Иоанна Павла II: «На другие католические ассоциации большее впечатление произвели документы об абортах, об искусственном оплодотворении, о разводе, нежели энциклика о Христе, Искупителе человечества»⁸⁴. В самом начале было совсем не так. Действительно, возникновение «Студенческой молодежи» в 1954 году связано с появлением в лицее Берше преподавателя религии, который, как рассказывает сам отец Джуссани, поднимался по нескольким ступенькам, ведущим к входу, с сердцем, переполненным мыслью о том, что Христос – все для жизни человека, что Он сердце человеческой жизни»⁸⁵. В последующие годы определенные вещи утратили ясность, а затем нахлынула волна 1968 года, приведшая к крену, о котором отец Джуссани не стал умалчивать (мы видели это во время прошлогодних упражнений).

На пути Церкви, а вместе с ней и Движения, всегда есть риск затуманивания, но порой он особенно велик и чреват последствиями. Не все моменты одинаковы, гениальность же отца Джуссани заключалась в умении улавливать среди них решающие и совершать поворот, возвращение к истокам. Один из примеров – упомянутая встреча 1976 года (вызревшая, прежде всего, благодаря отношениям с университетской средой и ставшая ответом на затяжную волну 1968-го), на которой мы уже останавливались.

Если главная проблема состоит в том, чтобы вернуться к опыту как к методу, чему нас учит непрестанное свидетельство отца Джуссани? На метод, позволяющей общине порождать зрелых в вере людей, то есть людей, зрело сознающих, что Христос – центр жизни, «указывает первое слово, которое мы использовали в истории нашего Движения [обратите внимание на замечание в скобках] (и которое мы забыли, хоть и продолжаем его повторять, но повторять несерьезно): “следование”»⁸⁶. Первое слово!

«Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, <...> где живешь? Говорит им: пойдите и увидите»⁸⁷. И в другом месте: «Проходя же близ моря Галилейского, Он

⁸³ *Ivi*.

⁸⁴ L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Milano: Bur, 1999. P. 79.

⁸⁵ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 162.

⁸⁶ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Op. cit. P. 58.

⁸⁷ *Ин.* 1, 38–39.

увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков»⁸⁸. О том же самом напомнил нам седьмого марта папа Франциск: «Никто из присутствовавших при том событии, включая падкого до денег Матфея, не мог поверить посланию, заключенному в указующем персте и отражавшемся в глазах, что взглянули на Матфея с милосердием и избрали его для следования»⁸⁹.

Следование для отца Джуссани имеет очень конкретное содержание, для него все встречи с Иисусом, описанные в Евангелии, являются каноном плодотворного следования: «Следовать – значит уподобляться людям, переживающим веру более зрелым образом, *вовлекаться в живой опыт*, “передающий” нам свой динамизм и вкус к жизни». И это не механический и не интеллектуальный процесс. «Динамизм и вкус не входят в нас посредством наших умственных построений и не являются выводом логических рассуждений [как часто мы полагаем, что у нас есть какие-то особые «объяснения», позволяющие нам уверенно смотреть в лицо обстоятельств, или требуем «коммунике», которые бы «передавали» наши мысли на ту или иную тему!] – они достигают нас как бы под осмотическим давлением. *Новое сердце сообщает себя нашему сердцу, сердце другого человека начинает биться в нашей жизни*»⁹⁰.

Здесь-то и возникает фигура учителя и осознание потребности в ней. Без учительства нет возможности и следовать – человек следовал бы лишь за собственными мыслями (и вытекающими из них проектами) или идеями какого-нибудь лидера, не будучи уверенным в том, что идет по пути, указанному Тайной: «Следовать – значит вживаться в критерии, данные учителем, в его ценности, в то, что он сообщает, а не привязываться к человеку, который по сути своей эфемерен. В таком следовании кроется и живет следование за Христом. Не привязанность к человеку, а следование за Христом – вот причина следования между нами. Наша дружба должна быть устремлена к этому учительству, поскольку истинный друг – тот, кто со всей деликатностью и уважением помогает другому человеку на пути к его судьбе»⁹¹.

Кроме того, тот же метод избрал Христос для продолжения Своего присутствия в мире: Он создал Церковь, ведомую компанией. «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою»⁹². Авторитет обладает основопо-

⁸⁸ Мф. 4, 18–19.

⁸⁹ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

⁹⁰ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Op. cit. P. 59.

⁹¹ A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 488.

⁹² Мф. 16, 18.

лагающей, генетической ценностью: без авторитета нет и общины, нет народа. Согласно отцу Джуссани, христианский путь невозможен вне отношения с авторитетом: «Действительно авторитетны люди, привлекающие нас своим сердцем, своим динамизмом, своим вкусом к жизни, рожденные от веры», а не от их собственных способностей или усилий. «Авторитетных и ответственных людей узнаешь с первого взгляда. Их предпочитаешь всем остальным, поскольку чувствуешь, что они ближе всего твоему поиску христианской зрелости, твоему пламенному желанию жить общиной и твоему пути. Критерий предпочтения не носит, как это обычно случается, индивидуалистский или инстинктивный характер; он возникает не в результате привития тебе мимолетных вкусов и не от пылкого интереса к программе, но от ощущения, что другой в большей степени переживает или по крайней мере желает идеал»⁹³.

Каждый пусть решает, что выбрать: любить ли истину более, чем самого себя, а потому следовать, или же оставаться привязанным к собственному мнению и упускать лучшее: «Человек идет к истине и судьбе не благодаря тому, что думает сам или что думают другие, не благодаря обществу, в котором живет. Его путь объективен, на нем не нужно ничего придумывать или изобретать, достаточно следовать. <...> Путь к истине, несмотря на всю человеческую хрупкость, непоследовательность, слабость, может быть полным умиротворения, если человек решает следовать за кем-то, выражая тем самым любовь к судьбе, делающей его настоящим человеком»⁹⁴.

Жить таким образом просто. «Если человек жаждет истины, он не позволяет себе останавливаться перед недостатками личности, за которой следует, подобной шкатулке, тогда как заключенные в ней золото, истина – это нечто другое». Если же человек не жаждет истины, он останавливается на видимости и форме, и тогда шкатулка превращается в гроб. «Авторитет, – подчеркивает отец Джуссани, – есть живой опыт. Он не в жаре слов и не в близости отношений. Истина абсолютно объективна. Вот почему между нами нет привязанности. Между нами нет привязанности, потому что нет следования, сердцевина которого – авторитет. Привязанность существует лишь в признании данной нам истины. Все остальное – сентиментализм и интимизм. Человеческая привязанность, созидательное прирастание к Бытию, проистекает из оценочного суждения»⁹⁵.

⁹³ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Op. cit. P. 59–60.

⁹⁴ L. Giussani. *Il senso di Dio e l'uomo moderno*. Op. cit. P. 127.

⁹⁵ FCL, AVCL. Fasc. CL/81. «Scuola Responsabili Collovalenza 17/19 settembre 1976».

Однако присоединение к признанной истине никогда не происходит механически, как простое добавление, поскольку «есть критерий, есть в глубине воздушная прослойка – свобода»⁹⁶. Об этом нам напомнил папа Франциск в Риме: «Отец Джуссани никогда не простил бы вас, если бы вы утратили свободу»⁹⁷. Каждый из нас призывается со всей его свободой. Отец Джуссани никогда не избавлял нас от необходимости ею пользоваться, о чем говорил студентам еще в 1976 году: «Вам хочется получить конкретные инструментики, хочется новых дел? Но все это, и то до определенного момента, было к месту в лицее»⁹⁸. Когда взрослеешь, «состоятельность уже не в шагающей бок о бок массе людей, не в будущих инициативах, а в тебе самом, а иначе ее и нет вовсе [ужасно!]. Мы говорим об идентичности и о методе: о методе, позволяющем встречать жизнь лицом к лицу и выражать собственную идентичность; вот что такое взрослый человек, созидающий в той мере, в какой его состоятельность совпадает с его идентичностью, а не с его делами или словами»⁹⁹.

Учительство и следование; современность и следование; событие и свобода – вот точки, обозначающие дорогу. Свежесть и жизненная сила харизмы отца Джуссани заключаются в способности непрестанно пробуждать личное сознание, приводя в движение свободу. Так мы можем проверить ее важность для жизни Церкви и мира. «Главная проблема состоит в том, чтобы заново зажечь самообладание личности <...> Местом оживления личности не могут быть разговоры, дискуссии. Подлинная проблема состоит в возрождении личности. И это сизифов труд, ведь, хотя каждый того ждет, личность, повторим еще раз, чтобы не быть частью механизма, все дробящего и обращающего в прах, все оскверняющего, чтобы быть свободной от этого механизма, <...> должна прежде обрести себя. Поэтому нужно, чтобы Слово изливалось, сообщалось, удерживало ото сна, подстегивало надежду. А отправная точка этого труда – крайне деликатный, капиллярный в глубоком смысле слова, поскольку находится в отдельной личности. Покинутые люди, люди, оторванные от святости их истоков, от собственного начала, сбиваются с пути, потому что ими манипулируют. Как вырвать их из власти ужасающей силы, силы страшной катализации, которой обладают инструменты этого механизма?»¹⁰⁰. Вот суждение о человеческой ситуации, сегодня звучащее с еще более драматичной достоверностью;

⁹⁶ Ivi.

⁹⁷ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

⁹⁸ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Op. cit. P. 76.

⁹⁹ *Ibidem*. P. 77.

¹⁰⁰ L. Giussani. G. Testori. *Il senso della nascita*. Milano: Bur, 2013. P. 112–113.

вот вопрос о возможности освобождения, становящийся все более неотложным.

Притязание Христово – в том, чтобы быть ответом на этот капиллярная отправная точка, какой является отдельный человек. Осознавая бесконечную нужду нашего сердца, будем кричать, просить у Того Единственного, Кто может восстановить нашу личность. «Молим Тебя, Всемогущий Боже, страданиями Единородного Сына Твоего дай нам вновь обрести духовные силы, которых мы лишились по немощи нашей»¹⁰¹, – так мы обращались к Господу за неделю до Пасхи. Если тогда мы были рассеяны, то теперь, услышав эти слова еще раз, осознаем всю их ценность для нас.

Так, вновь осознав нашу нужду, попросим Бога, чтобы Он продолжать миловать нас и даровать нам жить. Чтобы призвать нас к истине нашего опыта, Господь постоянно посылает нам новых друзей (как тот писатель на встрече), словно говоря нам: и для тебя есть еще шанс. Представьте, какой была бы жизнь фарисеев, полагавших, будто они уже все знают, если бы они последовали за новичками, за Иоанном и Андреем. Вот это действительно революция! И она может произойти и между нами.

---

¹⁰¹ Вступительная молитва Мессы латинского обряда Страстного понедельника.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: 1 Пет. 5, 5б-14; Пс. 88 (89); Мк. 16,15-20

**ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА КАРДИНАЛА
ГЕРХАРДА ЛЮДВИГА МЮЛЛЕРА, ПРЕФЕКТА КОНГРЕГАЦИИ ВЕРОУЧЕНИЯ**

Дорогие друзья,

прежде всего, позвольте сказать, что я счастлив находиться здесь с вами. Скорее даже, как, возможно, уточнил бы ваш основатель, отец Джуссани, мне радостно находиться здесь с вами. Счастье, полное счастье наступит только после окончательной победы, на небесах. А здесь, на земле, нам дано предвкушение этого счастья в радости – в радости, которую Господь дарует всем следующим за Ним. Радостно находиться среди вас, дорогие друзья из «Общения и освобождения», желающие быть настоящими друзьями Иисуса и ими являющиеся.

Следовать за Иисусом – вот вся наша программа. Тема ваших упражнений говорит о «Присутствии во взгляде». Он жив и лично присутствует среди нас, жив настолько, что притягивает наш взгляд через знаки, свидетельствующие о Его действии. Он вызывает такую любовь, что способен как никто другой дотянуться до нашего сердца – до нашего бедного сердца, нищего, ищущего чего-то, Кого-то, кто сможет захватить его полностью. Ведь наше сердце хочет всего, требует всего, оно не может не просить обо всем. Такова его природа, оно создано для полноты, оно создано для Бога! Наше сердце постоянно ищет Того, Кто захватил бы его, Кто овладел бы им полностью. Мы так устроены!

Мы следуем за Богом, следуем за Христом потому, что только Он знает, как завоевать наше сердце. Никто так не умеет привлекать к себе наше сердце – порой деликатно, а порой властно! Никто лучше Тебя, Иисусе, не знает, как захватить мое сердце! Никто не смотрит на меня и не любит меня, как Ты, Иисусе!

Об этом говорит нам святой Петр в своем первом послании, которое мы только что слышали; он пишет, что «Бог смиренным дает благодать». Бог дарует сокровища Своего сердца тем, кто желает, чтобы их захватили полностью. Бог дарует всего Себя алчущим и жаждущим Кого-то, Кто умеет привлекать их сердце целиком. Бог отдает Себя только тому, кто готов позволить захватить себя целиком. Быть готовыми к этому – вот главное проявление смирения. Такого смирения Бог ищет в каждом человеке. Такое сердце ищет Бог, когда смотрит на нас. Такое сердце Он хочет обновить в нас, в каждом из нас.

«Он печется о нас», – продолжает святой Петр. Забота Бога о нас направлена на то, чтобы создать в нас такое сердце. Бог ищет сердца, ожидающие, когда их захватят полностью. И Он делает все для того, чтобы наше сердце все больше становилось таким. Сердце, ожидающее, когда его захватят полностью, порождается непрестанно. Такое сердце – как бесконечная горная выработка. И Бог любит работать в таких местах. Само сердце Бога – как бесконечная выработка, где каждая Божественная Личность дарует Себя, захвачена и полностью получает Себя от Другого. Сердце Иисуса порождено такой любовью: любовью, которая дарует, которая ждет, которая открыта, чтобы принимать без конца. Сердце Иисуса действует ради порождения таких сердец. Сердце Иисуса в отношении каждого из нас дарует, ожидает и желает.

«Петр, любишь ли ты Меня?» Нам прекрасно знаком этот вопрос, который Иисус задает Петру, рая его. Каждый из нас хотел бы, чтобы его ранил такой вопрос. Иисус умеет ранить наше сердце, как никто другой, потому что, пока Его уста произносят эти слова, Его взгляд свидетельствует о Его великой любви к нам. Она так велика, что может объять всю бездну нашего сердца!

Мы можем себе представить жизнь Петра, который пишет первым христианам и руководит первыми общинами: сначала в Иерусалиме, потом в Антиохии и, наконец, в Риме. «Петр, любишь ли ты Меня?» Подумаем, как Петр день за днем позволяет вести себя все дальше – и ведет его пламень этого вопроса и этого взгляда, взгляда Иисуса, Который отныне вечно будет присутствовать в его жизни, будет присутствовать больше, чем когда-либо, Христа нельзя вычеркнуть из его истории. Во всем, что переживал Петр, его подталкивал вперед Сам Христос, присутствующий и живой, как раньше, и больше, чем раньше.

Так Петр все больше становился апостолом, все больше ощущал, что он послан Господом, что взгляд и слова Иисуса все сильнее движут им: «Петр, любишь ли ты Меня?» Так Петр открыл, что миссия – это событие, которое обновляется каждый день в следовании за Иисусом. Так Петр открыл, что его миссия рождается из милосердного взгляда Иисуса. Петр, видящий, как Иисус возносится на небо, а затем обнаруживающий присутствие Христа на каждом шагу. Петр, который, когда был молод, ходил, куда хотел, а когда состарился, узнал, что значит простереть руки и позволить вести себя по путям, о которых он не думал и которых не хотел. Петр, оказавшийся в Риме и осознавший, что путь, по которому необходимо идти изо дня в день, чтобы сердце было захвачено полностью, – путь, придуманный не им. Петр, во взгляде которого неизгладимо запечатлелось присутствие Христа

и в сердце которого живет неистребимое желание позволить Христу захватить его целиком.

Позволить полностью захватить себя – только так сердце становится способно пребывать в подлинном поклонении, которое разрушает любую порочную форму власти, обновляет нашу привязанность, перекрывает кислород искушению пустить в оборот все то, что дано нам для жизни, высвобождает в нас лавину бескорыстности, снова дарует нам полноту вкуса ко всему прекрасному, истинному, справедливому и благому.

Именно Иисус наконец делает нас свободными людьми – свободными, потому что наше сердце освобождено, потому что Он, бесконечная любовь и истина, полностью захватил его!

Дорогие друзья, сегодня Церковь призывает нас праздновать память святого евангелиста Марка. Марк, согласно традиции, написал свое Евангелие в Риме под диктовку Петра, верным секретарем которого он был. Когда читаешь Евангелие от Марка, в нем ясно видна основательность и конкретность характера Петра. Это Евангелие – Евангелие фактов, оно ставит нас лицом к лицу с фактичностью жизни. Жизнь течет как последовательность событий; через события Господь истории пишет Свою историю, переплетает Своей свободой историю с каждым из нас, со свободой каждого из нас. Поэтому никакое событие не является банальным. На всем запечатлен таинственный замысел, в соответствии с которым Бог направляет историю. Каждый незначительный факт, событие и обстоятельство участвуют в таинственном величии – величии, которым Иисус, воскресший и вознесшийся на небо, ставший Господом истории, наделяет всякое событие, даже то, что кажется маленьким и незначительным. Благодаря Пасхе Христовой каждая деталь жизни человека и мира несет в себе Его присутствие, одновременно деликатное и властное.

В тайне Вознесения Иисуса на небо все вышеописанное осуществляется и открывается. Об этом говорит и Евангелие, которое мы только что читали, говорит о том, что «Иисус воссел одесную Отца», что Иисус утвердился в лоне всякого обстоятельства, в лоне творения, которое «стенает и мучится» муками родов, родов обновленного мира. Вы хорошо знаете, как это было важно и ясно для отца Джуссани.

Иисус, Которого Отец поставил Господом истории, именно через события нашей жизни становится великим собеседником нашей свободы. Это означает, что наша свобода, чтобы осуществиться, чтобы обновиться и обратиться к благу, не может уклоняться от событий и ситуаций, которые мы переживаем. Это означает, что путь, который должно пройти наше сердце, чтобы вновь обрести себя, чтобы быть захваченным полностью, – это путь послушания конкретности жизни, суровости фак-

тов, которые часто не соответствуют нашим желаниям и представлениям. Это путь Креста, уже проложенный перед нами и проходящий через повседневные ситуации; это путь ежедневного послушания той дороге, которую Бог мостит обстоятельствами. Мы призваны пройти этот путь, соглашаясь пребывать в происходящем, независимо от того, благоприятным оно нам кажется или нет. Чтобы Иисус смог полностью взять наше сердце, оно должно быть согласно отдаться Ему целиком через то, чего просит от нас жизнь.

Описанный путь ведет также и к святости – святости, наконец обретенной в ее сущностном сродстве с жизнью благодаря способности веры наполнять нас пылом в отношении жизни и глубоко и крепко внедрять нас во все происходящее, помещать нас в сердце реальности. Вот самая прекрасная и захватывающая особенность подлинной христианской жизни, особенность, о которой сегодня никто не свидетельствует лучше папы Франциска: он как светильник любви и надежды, поставленный на виду у всех.

Именно эта крепкая связь с реальностью отделяет святость от карикатур, с помощью которых властители мира сего постоянно пытаются ее исказить; она делает ее желанной, привлекательной, какой обычно и представляется по-настоящему удачная и богатая дарами жизнь. Такой опыт уже пережили многие ваши друзья и товарищи на пути. Такой опыт, я уверен, уже переживают многие из вас, хотя, возможно, в некоторых случаях это незаметно для остального большинства.

Поэтому Церковь благодарна вам. Поэтому Сам Иисус благодарен вам. Поэтому мы благодарны вам, благодарны за ежедневное «да», за согласие сердца, которым вы каждый день отвечаете Иисусу, будь оно скрытым или явным. Не заботьтесь о том, чтобы сразу собирать плоды. Заботьтесь же о том, чтобы хорошо сеять, потому что в свое время Господь Сам соберет и явит всем блага, которые вы скопили в вашем сердце. Будем заботиться о том, чтобы хорошо сеять вместе с Тем, Кто непрестанно сеет истину в людских сердцах и, согласно временам, установленным Его замыслом, знает, как приносить и собирать плоды!

Он подрезает нас, очищает и исправляет согласно мере Его милосердия; Он изменяет нас и просит, чтобы мы позволили изменять себя; Он устанавливает все более великую меру, к которой призывает нас, призывает наше сердце, чтобы охватить его полностью. Сердце желает быть все сильнее охваченным, желает все более тесных объятий согласно мере, которой нет конца, согласно мере, которая никогда не переставала воплощаться в нас.

Я знаю, что отец Джуссани определял милосердие Бога как «справедливость, творящую человека заново». Это так! Господь берет нас такими,

какие мы есть, но не оставляет нас такими, какими нас находит, а изменяет согласно взыскательной мере Его любви. Его благодать не оправдывает нас свысока, оставляя нас без изменений; она дар, проникающий в нас и преображающий, обновляющий нас согласно все более масштабным измерениям, к которым ведет нас Его Дух.

Вот мое пожелание всем вам. Пожелание и молитва о том, чтобы ваше сердце и ваша человечность росли и расширялись в соответствии с бесконечной мерой, к которой устремлена наша природа, в соответствии с великими горизонтами, которые открывает перед нами Церковь, в соответствии с благим и таинственным замыслом, который Иисус исполняет для нас.

Трудитесь ради этого, молитесь об этом, будьте готовы пожертвовать собой ради этого. Бог да будет вам наградой.

Аминь!

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Хулиан Каррон. Ваше Высокопреосвященство, мы рады, что вы сегодня с нами. Я давно знаю кардинала Мюллера, поскольку много лет назад он приезжал в Мадрид читать лекции по богословию. Большая радость – принимать вас и иметь возможность благодарить вас за согласие предстывать на этой Святой Мессе во время наших упражнений.

Благодарим вас также за ваш непростой труд ради неоценимого сохранения богатства веры христианского народа, за ваше служение вере и Святейшему Отцу.

Особенно благодарим вас, потому что ваше присутствие здесь сегодня обновляет радость связи с отцовством папы Франциска, которое так трогательно проявилось во время недавней аудиенции седьмого марта в Риме. Мы желаем следовать за ним и служить ему всем существом, со всей привязанностью и вовлеченностью, подобно отцу Джуссани, свидетельствовавшему нам об этом своим отношением с Петром.

Спасибо, Ваше Высокопреосвященство.

Кардинал Мюллер. Позвольте мне сказать несколько слов благодарности. Во-первых, я хочу с благодарностью вспомнить отца Джуссани. От «да» его сердца в ответ Иисусу родился этот многочисленный народ. Удивительно думать, какие чудеса может творить сердце человека, когда он с полной отдачей говорит да Иисусу.

Во-вторых, благодарю всех вас, потому что без вашего «да», без «да», сказанного Иисусу каждым из вас, этого народа не было бы. Никто из вас

не сокрыт от глаз Иисуса: все вы важны для Него! Спасибо за ваши веру и свидетельство перед лицом современного мира.

Позвольте Иисусу достичь окраин вашего сердца, и вы станете способны нести Его повсюду, на самую далекую периферию мира, о чем просит нас папа Франциск, до края земли, до края человеческого существования, как нас просит Иисус.

И наконец, *last but not least*, благодарю отца Хулиана Каррона за его дружбу *desde Madrid* (со времен Мадрида – поэтому я сказал это по-испански) и за приглашение молиться здесь вместе с вами. Благодарю его также за смиренное и уверенное руководство вашими общинами. Его смирение и его твердая вера известны всем вам и всем нам. Это великий и прекрасный пример живого христианства, личного свидетельства об Иисусе Христе.

Спасибо от имени всей Церкви за то, чем вы являетесь и как живете! Молитесь обо мне! Всем известны эти слова Святейшего Отца Франциска, его неизменная просьба о молитве, обращенная к народу Божию, верховным пастырем которого он и является, будучи утвержден Самим Иисусом Христом, нашим Спасителем.

Вчера на аудиенции у Святейшего Отца я сказал ему о вашей встрече, о сегодняшней Мессе по случаю упражнений. Он попросил передать всем вам его сердечный привет и его благословение!

Суббота, 25 апреля, вечер

На входе и выходе:

Людвиг ван Бетховен. Концерт для скрипки с оркестром ре мажор, ор. 61

Давид Ойстрах, скрипка

Национальный оркестр Французского радио под управлением Андре Клютанса
«*Spirito Gentil*» п. 6, ЕМІ

Хулиан Каррон. Сегодня утром мы ясно увидели, что постоянно нуждаемся в том, чтобы чья-то рука непрестанно вела нас от сосредоточенности на себе ко Христу. Кто лучше отца Джуссани свидетельствовал о жизни с этим Присутствием во взгляде? И кто лучше него расскажет нам о природе харизме и вернет нас, как он всегда делал, к центру, ко Христу?

Поэтому мы решили вспомнить об отце Джуссани в десятую годовщину его смерти, посмотрев вместе запись лекции, прочитанной в 1994 году на упражнениях студентов из Движения и впоследствии опубликованной под названием «*Признать Христа*».

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Луиджи Джуссани

*Признать Христа**

Утреннее размышление завершилось меткой фразой Кафки: «Пункт назначения есть, но к нему нет пути»¹. Бесспорно, неведомое существует. Географы древности обозначали нечто подобное знаменитой «терра инкогнита», на которой обрывались их карты; на полях карты так и писали: «терра инкогнита». За полями реальности, которую охватывает глаз, которую чувствует сердце, которую представляет разум, простирается неведомое. Все это ощущают. Всегда ощущали. Во все времена люди настолько ощущали существование неведомого, что даже пытались вообразить его. Во все времена люди напрягали ум и фантазию, стараясь представить его себе, придать ему некий облик. Тацит в сочинении «*Германия*» так описывал религиозное чувство, характерное для древних германцев: «*Secretum illud quod*

* Размышление во время духовных упражнений студентов из «Общениа и освобождения» (Римини, 10 декабря 1994 г.), опубликованное в книге: L. Giussani. *Il tempo e il tempio. Dio e l'uomo*. Milano: Bur, 2014. P. 37–74.

¹ F. Kafka. *Gli otto quaderni in ottavo // Confessioni e diari. Terzo quaderno*. Milano: Mondadori, 1972. P. 716.

*sola reverentia vident, hoc deum appellant*² – то таинственное, о чем они догадывались в страхе и трепете, они называли Богом, это называют Богом. Все люди во все времена, какие бы образы не возникали в их голове, *hoc deum appellant*, называют Богом то неведомое, к которому они обращают взор: большинство остаются безразличными, но много и равнодушных. Без сомнения, среди равнодушных были те треста человек, которые вместе с кардиналом Мартини проделали путь от церкви Сан-Карло до Миланского кафедрального собора. Три сотни представителей различных религий! И как назвать, к какому общему знаменателю привести то, что они хотели выразить и почтить своим участием в грандиозной инициативе миланского кардинала? «*Secretum illud*», нечто таинственное, родом с «терра инкогнита», нечто непостижимое, непознаваемое!

Мне бы хотелось вспомнить сейчас о сравнении, сделанном в тексте второго тома школы общины³ (те, кто читал, знают, о чем речь). Представьте себе человеческий мир, историю человечества как бескрайнюю равнину, а на ней – бесчисленное множество строительных фирм и компаний, специализирующихся в укладке дорог и возведении мостов. Каждая со своего маленького участка, из своего «угла», из точки, в которой находится, из мимолетного момента своего существования, пытается перекинуть мост в небо, усеянное звездами, пытается соорудить мост, способный соединить два края, о которых Виктор Гюго говорит в прекрасном стихотворении «*Le Pont*» – «*Мост*» – из сборника «*Созерцания*»⁴. Он рассказывает о человеке, сидящем на берегу ночью, звездной ночью, о человеке, смотрящем, пристально глядящем на самую яркую звезду, что кажется особенно близкой, и думающем о тысячах и тысячах арок, которые пришлось бы воздвигнуть, чтобы построить этот мост – мост, не поддающийся описанию, невозможный в исполнении. В общем, представьте себе эту бескрайнюю равнину, где кипит работа: большие и маленькие группы и даже отдельные люди

² Ср. Тацит. *Германия*. IX, 2.

³ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М.: Христианская Россия, 2010. С. 41.

⁴ «J'avais devant les yeux les ténèbres. L'abîme / Qui n'a pas de rivage et qui n'a pas de cime, / Etait là, morne, immense; et rien n'y remuait. / Je me sentais perdu dans l'infini muet. / Au fond, à travers l'ombre impénétrable voile, / On apercevait Dieu comme une sombre étoile. / Je m'écriai: – Mon âme, ô mon âme! il faudrait, / Pour traverser ce gouffre où nul bord n'apparaît, / Et pour qu'en cette nuit jusqu'à ton Dieu tu marches, / Bâtir un pont géant sur des millions d'arches. / Qui le pourra jamais? Personne! ô deuil! effroi! / Pleure! – Un fantôme blanc se dressa devant moi / Pendant que je jetais sur l'ombre un œil d'alarme, / Et ce fantôme avait la forme d'une larme; / C'était un front de vierge avec des mains d'enfant; / Il ressemblait au lys que sa blancheur défend, / Ses mains en se joignant faisaient de la lumière. / Il me montra l'abîme où va tonte poussière, / Si profond que jamais un écho n'y répond; / Et me dit: – Si tu veux je bâtirai le pont. / Vers ce pâle inconnu je levai ma paupière. / – Quel est ton nom? lui dis-je. Il me dit: – La prière». (V. Hugo. *Le pont*. // *Les Contemplations*. Paris: Garnier Frères, 1969. P. 335)

вроде лирического героя Виктора Гюго, даже одиночки; каждый воплощает в жизнь проект собственного воображения, собственной фантазии. Внезапно на равнине раздаётся властный голос, говорящий: «Остановитесь! Остановитесь все!» И все рабочие, инженеры, архитекторы прерывают работу и смотрят туда, откуда донесся голос. Они видят человека, который, воздев руку, продолжает: «Ваши усилия велики и благородны, но ваши попытки, великие и благородные, все же печальны, а потому многие отрываются от них и больше уже о них не помышляют, теряют к ним всякий интерес. Велики и печальны ваши попытки, потому что никогда не приходят к завершению, никогда не достигают цели. Не достигают, потому что не в ваших силах достичь ее. Между вами и высочайшей звездой, между вами и Богом – бездонная пропасть. Вы не можете вообразить себе тайну. Потому оставьте ваш труд, столь тяжкий и неблагодарный, и ступайте за Мной. Я возведу для вас мост, вернее, *Я и есть* этот мост! *Ибо Я есть путь, и истина, и жизнь!*»⁵

Точный смысл этих слов нельзя понять, если не вжиться, не постараться вчувствоваться в них сердцем. Представьте себе холм рядом с берегом моря, где собралась горстка людей из близлежащей деревни, и все слушают одного человека, стоящего среди них и говорящего, – он стоит в этом кружке и говорит. Вы проходите мимо, направляясь к взморью, проходите неподалеку от них и, проходя, смотрите с любопытством, прислушиваетесь к человеку, стоящему в центре и говорящему: «Я есть путь, и истина, и жизнь. Я есть путь, и истина, и жизнь...» Путь, который невозможно познать и о котором писал Кафка. «Я есть путь, и истина, и жизнь». Подключите фантазию, попытайтесь вообразить, что бы вы сделали, что бы сказали? Даже если вы последние скептики, ваш слух так и устремляется в том направлении, а взгляд с крайним любопытством обращается к тому человеку, который либо безумен, либо говорит истину. *Tertium non datur*, третьего не дано: либо безумен, либо говорит истину. В самом деле, лишь один человек, единственный, произнес эту фразу, единственный за всю историю мира – мира! Вот насколько она правдива. Человек посреди горстки людей, часто в маленькой группе людей, а иной раз и в толпе.

Итак, на бескрайней равнине все приостановили работу и внимают этому голосу, а Он продолжает повторять одни и те же слова. Кто отпал первым? Инженеры, архитекторы, владельцы различных строительных фирм, почти сразу закричавшие: «Эй, ребята, давайте-ка, принимайтесь за дело! За работу! Не слушайте этого болтуна!» Он был радикальной альтернативой, решительным *tranchant* – концом – их проектам, их деятельности, их

⁵ Ср. *Ин.* 14, 6.

прибылям, их власти, их репутации, им самим. Альтернативой им самим! Вслед за инженерами, архитекторами, прорабами и рабочие, хотя и не столь решительно, с легкой усмешкой отвели от Него взгляд, потолковали о Нем еще немного, пошучивая или говоря: «Да кто он вообще такой? Какой-то сумасшедший!» Лишь некоторые повели себя иначе. Они услышали то, чего никогда прежде не слышали, и потому не отвечали инженерам, архитекторам или хозяевам строительных компаний, окликавшим их: «Эй, пошевеливайтесь, чем вы тут занимаетесь? На что еще глазеее?» Они продолжали смотреть на Него. А Он приблизился, точнее, они подошли к Нему ближе. Двенадцать из ста двадцати миллионов. Но это произошло, *это исторический факт!*

Утверждение Кафки («Нет пути») ошибочно с исторической точки зрения. Оно верно – парадоксально, но можно было бы сказать, что оно верно с точки зрения теоретической, но не исторически. Тайну нельзя познать: теоретически это верно! Но если Тайна стучит в твою дверь... «Если кто otvorит Мне, войду к нему и буду вечерять с ним»⁶, – читаем мы в Библии, так говорит Бог в Библии. Это свершившийся факт!

Первая глава Евангелия от Иоанна, которая является первым письменным свидетельством об этом факте, содержит не только весть о том, что «Слово стало плотью», Тот, от Которого произошло все сущее, вочеловечился, но и воспоминания людей, незамедлительно следовавших за Ним, не поддавшихся настойчивым призывам инженеров и архитекторов. На одной странице кто-то из них набросал первые впечатления, описал первое мгновение, в которое свершился факт. Действительно, первая глава Евангелия от Иоанна – это череда набросков, заметок памяти. Один из двоих учеников, достигнув старости, извлекает из памяти сохранившиеся в ней заметки. А у памяти свои законы. События в ней не запечатлеваются в виде сплошного текста без лакун, как, например, в произведениях фантастического, фантазийного жанра; память в буквальном смысле ведет конспект, как делаем мы: заметка, точка, строчка, еще одна точка, а за этой точкой скрывается очень многое, и следующая фраза начинается после многих событий, подразумеваемых точкой. События скорее подразумеваются, нежели излагаются, а некоторые служат в качестве ориентира. Вот почему я в свои семьдесят лет не устаю в тысячный раз перечитывать Евангелие. Подумайте, есть ли что-нибудь более важное, более весомое, великое, более вызывающее для хрупкого, на первый взгляд, человеческого бытия, более чреватое историческими последствиями, чем этот свершившийся факт!

---

⁶ Откр. 3, 20.

«В тот день Иоанн вновь стоял там с учениками. Видя идущего к нему Иисуса, он сказал...» Представьте себе эту сцену. После ста пятидесяти лет ожидания еврейский народ, у которого на протяжении всей его двухтысячелетней истории всегда были пророки, люди, признанные всеми как пророки, – после перерыва в сто пятьдесят лет еврейский народ обрел, наконец, нового пророка по имени Иоанн Креститель. О нем говорится и в других письменных источниках древности, то есть его существование исторически засвидетельствовано. К нему шли все: богатые и бедные, мытари и фарисеи, друзья и недруги – шли, чтобы послушать его, чтобы увидеть, как он живет в пустыне за Иорданом, питаясь акридами и дикими травами. Вокруг него всегда был народ. Среди прочих в тот день оказались и те двое, что пришли впервые. Пришли, скажем так, из деревни, из поселка у озера, из местности неблизкой, лежащей в стороне от больших городов. Они стояли там в растерянности, как пара селян, впервые попавших в город, и смотрели на все вокруг – и в особенности на Иоанна – широко распахнутыми глазами. Они стояли там с открытым ртом и смотрели на него во все глаза, внимательно слушая. Вдруг один молодой человек отделился от группы и направился по тропинке вдоль реки на север. Иоанн Креститель, взглянув на Него, воскликнул: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира». Никто не шелохнулся, все привыкли к речам пророка, порой странным, непонятным, бессвязным и отрывистым, и потому большинство присутствовавших не обратило внимания на его возглас. Но те двое, что пришли впервые, что слушали пророка затаив дыхание, не спуская с него глаз и следя за его взглядом, те двое заметили, как он смотрел на удалявшегося человека, и поспешили за Ним. Они следовали на некотором расстоянии, смущенные, не смеющие приблизиться, но охваченные странным, безотчетным, глубоким и волнующим любопытством. Те двое учеников, услышав, как пророк говорил об Иисусе, последовали за Ним. Иисус повернулся и, видя, что они следуют за Ним, спросил: «Чего ищете?» Они ответили: «Равви, где Ты живешь?» Он сказал: «Пойдите и увидите». Вот истинно христианский подход, христианский метод: «Пойдите и увидите». И «они пошли и увидели, где Он живет; и пребыли у Него день тот. Было около десятого часа». Иоанн не уточняет, когда они последовали за Ним или когда ушли; весь этот отрывок, как и весь текст, представляет собой заметки (я уже говорил раньше: фразы обрываются, оставляя недосказанным то, что читателю должно быть и так хорошо известно). К примеру: «Было около десятого часа». Когда они направились за Ним или когда с Ним расстались? Кто знает! Так или иначе, было около десятого часа. «Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона [тот возвращался с берега озера,

где рыбачил или чинил сети] и говорит ему: мы нашли Мессию!» Никаких разъяснений, никаких цитат, никаких деталей! Все уже известно, все ясно, перед нами – заметки о том, что и так все знают! Немного найдется столь реалистичных и убедительных, столь простодушно правдивых страниц, где ни слова не добавлено к чистому воспоминанию.

Как это вдруг он сказал: «Мы нашли Мессию»? Должно быть, Иисус в разговоре с ними произнес это слово, знакомое им, поскольку иначе невозможно было бы столь стремительно сделать вывод, что Он Мессия. Они провели несколько часов, слушая того Человека, глядя на Него, наблюдая за тем, как Он говорил – и кто еще говорил так? Кто когда-либо говорил таким образом? Кто вел такие речи? Неслыханные речи! Они никогда не видели никого подобного! И постепенно определенная убежденность прокладывала себе дорогу в их душах: «Если я не верю этому Человеку, то не могу больше верить ничему, даже собственным глазам!» Они не высказали ее, они об этом не размышляли, они просто почувствовали. В общем, тот Человек, вероятно, помимо прочего упомянул в разговоре, что именно Его прихода все ожидали, что Он Мессия, Который должен был прийти. И это заявление при всей его невероятности было очевидным, а потому ученики восприняли его как нечто простое (оно и было простым!), как нечто легкое для понимания.

«И [Андрей] привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр)». У иудеев был обычай менять имена, чтобы подчеркнуть определенную черту характера человека или указать на произошедшее с ним событие. Так вот, представьте себе, как Симон, разбираемый любопытством, с некоторой опаской идет за братом и вглядывается в человека, к которому они направляются. А тот человек вдалеке не сводит с него глаз. Подумайте, как должен был Он смотреть, чтобы понять его характер до мозга костей: «Ты наречешься камнем!» Представьте себе того, кто под взглядом чужого, совершенно незнакомого человека чувствует, что затронута самая глубина его души. «На другой день Иисус восхотел идти в Галилею...» Дальше прочитаете сами. Следующие полстраницы написаны точно так же: сплошные намеки и заметки, подразумевающие, что все знают о происшедшем, что оно для всех очевидно.

«Пункт назначения есть, но к нему нет пути!» Нет! Человек, сказавший: «Я есмь путь и истина и жизнь», – *это свершившийся исторический факт*, впервые описанный на странице, которую я начал читать! И каждый из нас знает, что он произошел! В мире не случилось ничего столь же немислимого и исключительного, как Человек, о Котором мы говорим, Иисус из Назарета.

Но как же те двое, двое первых учеников, Иоанн и Андрей (у Андрея, вполне вероятно, была жена и дети), как они сразу покорились и признали Его (другого слова как «*признали*» и не употребишь)? Скажу так: если уж этот факт произошел, то признать того Человека, признать, кем был тот Человек – признать, не кем Он был во всех подробностях, а что Он был исключительным, незаурядным, совершенно незаурядным, неподдающимся никакому разбору, признать Его должно было быть легко. Если бы Бог стал человеком, если бы Он пришел к нам, пришел сию минуту, если бы затесался в нашу толпу, находился бы здесь, среди нас, признать Его – априорно, я имею в виду – должно было бы быть *легко*. Должно быть легко признать Его в Его божественной сущности. Почему признать Его легко? В силу Его *исключительности*, в силу исключительности, не знающей сравнений. Передо мной – нечто исключительное, исключительный, несравненный человек. Что значит исключительность? Что это такое? Исключительный – что это значит? Почему исключительное тебя поражает? Как ты понимаешь исключительность чего-то исключительного? Почему чувствуешь, что исключительная вещь исключительна? Потому что она *соответствует* ожиданиям твоего сердца, какими бы путанными и неразборчивыми они ни были. Она неожиданно соответствует – неожиданно! – потребностям твоей души, твоего сердца, незыблемым и неоспоримым потребностям твоего сердца, соответствует, как ты не мог ни представить, ни предвидеть, ведь нет никого как этот Человек. Иными словами, исключительное есть парадоксальным образом явление того, что для нас наиболее естественно. Что для меня естественно? Исполнение моего желания. Нет ничего естественней! Чтобы все больше исполнялось самое заветное мое желание – это естественно. Встреча с чем-то глубоко и полностью естественным, отвечающим потребностям сердца, вложенным в нас природой, есть нечто совершенно исключительное! Тут есть странное противоречие: происходящее никогда не исключительно, не исключительно по-настоящему, поскольку не в состоянии сообразно ответить на потребности сердца. Мы принимаем за исключительное то, что заставляет учащенно биться сердце и, как нам кажется, в определенной мере соответствует ему, хотя это ощущение развевается уже через день, или же от него не остается и следа через год.

Христа легко признать в силу Его исключительности. Как я уже говорил, нужно представить себе те события, попробовать вжиться в них. Если мы хотим вынести о них суждение, не говорю понять, вынести суждение по существу о том, правда они или вымысел, то именно искренность, с которой мы вживаемся в них, делает истинное истинным и неложным, позволяет твоему сердцу не сомневаться в истине. Признать Его божественную сущность легко, потому что Он исключителен и соответствует сердцу, и чело-

веку хочется быть рядом с Ним, он никогда не ушел бы от Него (вот знак соответствия сердцу), не ушел бы от Него и всю жизнь следовал бы за Ним. И в самом деле, за Ним следовали все три года, что Ему оставалось прожить.

Представьте тех двоих, которые несколько часов кряду слушают Его, а после собираются домой. Он отпускает их, и они уходят притихшие, молчаливые, охваченные впечатлением, что услышали, предощутили, ощутили тайну. Затем они расстаются, каждый идет к себе домой. Они не прощаются, вернее, прощаются, не прощаясь, потому что их переполняет одно и то же, они стали как бы одним целым, ибо их переполняло одно и то же. Андрей входит в дом, снимает плащ, и жена спрашивает его: «Что с тобой, Андрей? Ты на себя не похож. Что случилось?» Представьте, как Андрей разрыдался, обняв жену, и она, потрясенная, все спрашивала его: «Да что с тобой такое?» А он обнимал жену, как, может быть, никогда в жизни; он стал другим человеком. Другим! Это был он же, но уже другой. Спроси его кто-нибудь: «Кто ты?» – он ответил бы: «Я чувствую, что стал другим... Послушав того человека, я стал другим». Ребята, вот что произошло, если не особо вдаваться в тонкости.

Его не только легко признать, легко было признать в Его исключительности, – потому что «если я не верю этому Человеку, то не должен более верить и собственным глазам»⁷; было также легко понять, какой тип нравственности, то есть какой тип отношений Он породил. Нравственность есть отношение с реальностью, сотворенной Тайной, отношение правильное, упорядоченное. Было нетрудно, им было нетрудно понять, насколько просто отношение с Ним, следование за Ним, связь с Ним, связь с Его присутствием.

В Евангелии от Иоанна есть другая страница, которая рассказывает об этом удивительным образом: последняя, двадцать первая глава. В то утро лодка плыла к берегу, ученики возвращались, ничего не поймав, и за какую-то сотню метров, отделявшую их от суши, заметили, что там стоит человек, что разложен костер (огонь было видно на расстоянии ста метров). Он обратился к ним, не буду сейчас уточнять как. И Иоанн первым сказал: «Это Господь!» И святой Петр тут же бросается в воду и в несколько гребков достигает берега, и это Господь! Тут подплывают остальные, и все молчат. Они обступают Его, притихшие, сознающие, что это воскресший Господь: Он был мертв и уже явился им по Воскресении. Он испек для них рыбу. Все садятся, едят, и в почти полной тишине, нависшей над берегом, Иисус, возлежавший на земле, взглянул на человека рядом с Собой, и этим человеком был Симон Петр. Он пристально посмотрел на него, и Петр почувствовал

⁷ Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. Указ. соч. С. 75, 93.

себя... Представим, каким тяжелым был для него этот взгляд, напомнивший ему о недавнем предательстве, обо всем соделанном – Христос даже назвал его «сатаной»: «Отойди от Меня, сатана, соблазн для Меня, для судьбы моей жизни!»⁸ – и обо всех своих недостатках, ведь, если ты допустил однажды серьезную ошибку, потом в памяти возникают и все остальные, куда менее тяжелые. Петр ощущал себя словно придавленным грузом собственной беспомощности, неспособности быть человеком. И тут Человек рядом с ним открывает уста и говорит: «Симон, [подумайте только, как тот, должно быть, вздрогнул] любишь ли ты Меня?» Если вы попытаетесь вжиться в ситуацию, то и вас охватит дрожь от одной мысли, от одной только мысли об этой драматичной сцене, описывающей человечность, выражающей человечность, превозносящей человечность, потому что драма превозносит факторы человечности, тогда как трагедия их уничтожает. Нигилизм ведет к трагедии, а встреча с Ним вносит в жизнь драму, поскольку драма есть живое отношение между «я» и «ты». И тогда Петр словно выдыхает, словно выдыхает ответ. Его ответ был едва различим, как дыхание. Он не смел и все же: «Да, Господи, не знаю как, не знаю как, но люблю» (об этом говорится и в видео, которое кое-кто из вас посмотрел несколько недель назад)⁹. «Да, Господи, не знаю как, не могу выразить, но...»

В общем, поддерживать, переживать отношение с тем Человеком было проще простого. Достаточно было лишь отдаться симпатии, которую Он пробуждал, той *глубинной симпатии*, что сродни головокружительной и кровной связи между ребенком и матерью, симпатии в полном смысле слова. Достаточно было отдаться симпатии, которую Он пробуждал, ведь после всего соделанного, после предательства Петр услышал, как Христос сказал ему: «Симон, любишь ли ты Меня?» Трижды. И на третий раз он, возможно, заподозрил в вопросе сомнение и потому ответил более широко: «Господи, Ты все знаешь, Ты знаешь, что я люблю Тебя. Вся моя человеческая симпатия обращена к Тебе; моя человеческая симпатия – для Тебя, Иисус из Назарета!»

Учиться у этой исключительно можно только в рамках симпатии: такова логика познания, такова логика нравственности, которая становилась необходимой в совместной жизни с тем Человеком. Ничего больше. Учиться – значит испытывать глубокую симпатию. Это как в отношениях ребенка с матерью: он может ошибаться тысячу раз на дню, сто тысяч раз на дню,

⁸ Ср. Мк. 8, 33.

⁹ Речь идет о видеоролике «“Симон, любишь ли ты Меня?” Евангельские отрывки об Иисусе и Петре с комментариями Луиджи Джуссани и иллюстрациями», изображения и тексты из которого были опубликованы в издании *30Giorni* (Febbraio. 1995. P. 41–56).

но попробуйте-ка оторвать его от матери! Если бы он мог осознать вопрос: «Любишь ли, любишь ли ты эту женщину?» – и ответить, представьте, какое «да» он прокричал бы. И чем сильнее он ошибется, тем громче прокричит «да», чтобы утвердить его. Я говорю как взрослый человек, обращающийся к людям, у которых в силу молодости меньше предубеждений, точнее, вы набиты предубеждениями тех, кто старше вас.

Чего же требует от тебя нравственность, порождаемая симпатией к Нему? *Смотреть на Него*, смотреть тем действительным образом, который называется следованием. *Следовать за Ним*. И в самом деле, они вернулись к Нему назавтра, и на третий день Он был с ними, потому что жил в соседнем селении. Он стал ходить с ними на рыбную ловлю, а после обеда навещал их на берегу, где они чинили сети. Когда же Он начал то и дело ходить в другие города, то прежде шел к ним и говорил: «Пойдете со Мной?» Кто-то шел, кто-то нет, в конце концов стали ходить все. Поначалу ходили несколько часов, потом чуть больше, потом целый день, потом Он не возвращался домой и на ночь, а они следовали за Ним, они забывали о своих домах... Нет, они не забывали о своих домах! Было нечто более великое, чем их дома! Нечто, порождавшее их дома, порождавшее их любовь к женам! Нечто, способное спасти любовь, с которой они смотрели на детей и беспокойно наблюдали, как те взрослеют! Что-то спасало все это куда лучше, чем их убогие усилия и бедное воображение. Что же оставалось делать им в бедственные голодные годы или перед лицом опасностей, встававших на пути их детей? Следовать за Ним! Каждый день они слушали Его слова: народ стоял вокруг Него с открытым ртом, и рты учеников были открыты шире остальных! Они не уставали слушать Его.

Кроме всего прочего Он был добрым. «И призвав дитя, обнял его и сказал: горе тому, кто хоть пальцем тронет одного из малых сих»¹⁰. Он говорил не о физическом насилии по отношению к ребенку – в этом смысле люди как-то более сдержаны (в наши дни уже нет, и это не последний печальный признак современности), Он говорил о дурном примере, который, хоть так никто и не думает, равносителен причинению зла. Другой случай: увидев похоронную процессию, Он тотчас спросил: «Кто это?» «Юноша, у которого недавно умер отец». И его мать все кричала, и кричала, и кричала, следуя за гробом, кричала – не как было принято в те времена, а как подсказывает природа материнского сердца, свободно выражающего себя. Он сделал шаг ей навстречу и сказал: «Женщина, не плачь!»¹¹ Есть ли что-то более несправедливое, нежели сказать одинокой женщине, у которой

¹⁰ Мф. 18, 2–6 и Мк. 9, 36–42.

¹¹ Лк. 7, 11–13.

умер сын: «Женщина, не плачь»? Но это был знак безмерного сострадания, любви, соучастия в боли. И сказал сыну: «Встань!» И отдал ей сына. Но Он не мог отдать ей сына, не сказав ничего, потому что тогда Он остался бы лишь суровым пророком, чудотворцем, человеком, совершающим чудеса. «Женщина, не плачь», – сказал Он. И отдал ей сына. Но прежде сказал: «Женщина, не плачь».

Представьте, что значит каждый день на протяжении года, двух лет слышать нечто подобное, слышать Его, видеть, как Он добр, какой властью обладает над природой – природа словно была у Него в услужении. Однажды вечером Он отплыл с ними в лодке, и они оставались в ней всю ночь. Неожиданно налетел сильный ветер, и на Генисаретском озере поднялась страшная буря, лодка начала тонуть. Он же спал, Он был так утомлен, что не слышал бури и спал на корме. И вот кто-то говорит: «Учитель проснись, проснись же! Мы тонем!» Он поднял голову, простер руку и «запретил» – так говорится в тексте, «запретил ветру и волнению воды, и сделалась великая тишина». «Они же, – завершает историю евангелист, – в страхе и удивлении говорили: *кто это?*»¹²

Вот вопрос, поднявший в истории мира, вплоть до конца времен, проблему Христа, – этот самый вопрос, прозвучавший в восьмой главе Евангелия от Луки. Люди, прекрасно знавшие Его, знавшие Его семью, знавшие Его как свои пять пальцев, шли за Ним и ради Него оставляли дома! Тот Человек действовал столь невероятным, столь немислимым образом, действовал столь властно, что Его друзья невольно спрашивали себя: «Кто Он?» Что за Ним стоит? Человек желает этой «непостижимости» больше всего на свете. Нет в нем более пылкого желания, пусть даже чуть робкого и неосознанного, чем желание этого необъяснимого присутствия! Потому что это Сам Бог. Это знак Тайны, связующая с ней нить. Его враги, прежде чем убить Его, задали Ему тот же вопрос. За несколько недель до казни, беседуя с Ним, они сказали: «Долго ли Тебе держать нас в недоумении?» – буквально: «Скажи нам, кто Ты и откуда!»¹³ У них имелись документы, Он был занесен в перепись за тридцать три года до этого. Ни об одном человеке в мире мы не можем спросить: «Кто Он, что творит такое?» – движимые изумлением и несоответствием между тем, что, как нам кажется, возможно, и реальностью, находящейся перед нашими глазами! Теперь ясно, почему, когда Он накормил пять тысяч человек, не считая женщин и детей, накормил таинственным образом, а потом исчез, Его хотели сделать царем. Люди, углядев для себя выгоду, решили: «Это действительно Мессия, Которого

¹² Ср. *Мф.* 8, 23–27 и *Лк.* 8, 22–25.

¹³ Ср. *Ин.* 10, 24.

ждали!»¹⁴ Таким образом, они в один миг вернулись к привычному мышлению, каким всегда и жили, какому научили их старейшины: Мессии надлежит быть могущественным человеком, способным привести израильский народ к мировому господству. Он скрылся от них, но кое-кто догадался, что искать следует в Капернауме. Они обогнули озеро, пытаясь настигнуть его до вечера субботы, и зашли в синагогу, потому что именно в синагоге можно было найти Его, ведь Он, когда говорил, всегда отталкивался от библейского отрывка, предлагавшегося народу в тот день, отрывка из книжного свитка, который выбирал служитель. Он и правда был в синагоге и говорил – говорил об отцах, евских манну в пустыне, и о том, что Он предлагал им в пищу нечто более великое: Свое Слово, Слово, которое есть истина. Истину он давал им в пищу и истину – в питье, истину о жизни и о мире. Вдруг в дальнем углу открылась дверь, и в синагогу вошла группа людей, искавших Его, гнавшихся за Ним, скажем так. Его искали. Искали по неверной причине: вместо того, чтобы удивляться знаку, который им был дан в Нем, тайне Его личности, подтвержденной силой Его действий, они хотели сделать Его царем, преследовали свои интересы, материальные интересы, которые хотели удовлетворить с Его помощью. Причина была ошибочной, и все же Его искали. Его искали. Он родился, чтобы весь мир искал Его. Он был взволнован, и внезапно Ему, Человеку, подобному нам, у Которого, как и у нас, идеи возникали в конкретных обстоятельствах, приходит в голову нечто фантастическое. Он изменил смысл Своих речей и воскликнул: «Не слово Мое, но Мое Тело дам вам в пищу и кровь мою в питье!»¹⁵ Зацепка – наконец-то у политиков, журналистов и «телевизионщиков» того времени появилась зацепка: «Безумец! Кто может дать в пищу собственную плоть?» Когда Он говорил что-то для Него крайне важное, а народ не понимал и начинал возмущаться, Он не ничего не разъяснял, а только повторял снова и снова: «Истинно, истинно говорю вам: кто не будет есть Плоти Сына Человеческого, тот не постигнет реальность, не войдет в царствие бытия, чтобы понять реальность, не проникнет в самое нутро реальности и не поймет, потому что истина в этом». Все начали уходить прочь: «Безумец, безумец, – говорили они, – *durus est hic sermo*, какие странные слова»¹⁶. И вот в вечернем полумраке остались лишь Он и Двенадцать. Ученики стояли в молчании, опустив глаза. Представьте себе, вообразите себе эту сцену в небольшой капернаумской синагоге размером со школьный класс на тридцать-сорок человек: «Не хотите ли и вы отойти? Я не отказываюсь от сказанного, так

¹⁴ Ин. 6, 14–15.

¹⁵ Ин. 6, 48–54.

¹⁶ Ин. 6, 60.

не хотите ли и вы отойти?» И Симон Петр, упрямец Петр: «Учитель, мы тоже не понимаем то, что ты говоришь, но, если уйдем от Тебя, куда нам идти? Лишь у Тебя слова, придающие жизни смысл»¹⁷. «Пункт назначения есть, но к нему нет пути», – утверждал Кафка. Тот Человек и был путь. «Если уйдем от Тебя, куда нам идти? Какую выбрать дорогу, какая вообще может быть дорога? Дорога – это Ты!»

***

Те двое, Иоанн и Андрей, те двенадцать, Симон и остальные, сказали своим женам, и некоторые из жен последовали за ними; через какое-то время многие стали ходить за ними, следовать за ними: оставляли свои дома и шли за ними. Ученики сказали и другим друзьям. Не все из них непременно оставляли дома, но и они разделяли их симпатии, удивлялись Тому Человеку и верили Ему. Друзья сказали своим друзьям, и друзьям друзей, и еще каким-то друзьям. Так прошел первый век, и эти друзья своей верой захватили второй век, а вместе с тем и географический мир. Они достигли Испании в конце первого века и Индии во втором! Затем жившие во втором веке сказали другим, родившимся после них, а те – пришедшим им на смену, – словно мощный поток все расширялся, словно великая река все больше наполнялась водой, – и наконец, сказали моей матери, моей маме. И моя мама сказала мне, когда я был маленьким, и я говорю: «Учитель, я тоже не понимаю твоих слов, но, если мы уйдем от Тебя, то куда направимся? Лишь у Тебя слова, отвечающие сердцу». Таков закон разума: закон разума состоит в сопоставлении всего с сердцем. Критерии разума – в потребностях моей природы, моего сердца. Мне рассказали о нашей подруге, которая, читая один наш текст и не будучи католичкой, сказала: «Я нашла тут слово “сердце”, и оно употребляется не так, как употребляю его я, потому что для меня сердце связано с чувством: я чувствую одно, он – другое. Но здесь не так! Сердце одинаково у всех! Сердце, описанное в “Религиозном чувстве”¹⁸, одинаково у всех – это верно и для меня, и для тебя». Если сердце – вместилище потребности в истине, в красоте, в добре, в справедливости, в счастье, кто из нас может обойтись без этих потребностей, кто? Они составляют человеческую природу, мою и твою природу, и поэтому мы объединены более, нежели отдалены и отчуждены (как это обычно бывает). Именно поэтому кореец, или житель Владивостока, или самый дальний человек с самого отдаленного и затерянного края земли соединен со мной.

В тот вечер взял свое начало человеческий поток, докатившийся до настоящего момента, до меня. Этому потоку принадлежала моя мать, как

¹⁷ Ср. Ин. 6, 67–68.

¹⁸ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. Указ. соч. С. 9–12.

принадлежу ему и я, а потому я говорю о нем многим моим друзьям и зову их присоединиться к нему.

Возможно, вы уже видели в «Трачче» одно письмо, но стоит перечитать его, поскольку это не потеря времени, – письмо, написанное мне и прочитанное, увы, слишком поздно, написанное одним молодым человеком, умершим от СПИДа через два дня после того, как он написал мне. «Дорогой отец Джуссани, пишу вам, называя вас дорогим, хотя мы не знакомы и никогда не встречались, и я никогда не слышал, как вы говорите. Могу сказать, что знаю вас (если я что-то понял из *“Религиозного чувства”* и со слов Зибы) по вере и теперь, добавлю, благодаря вере. Пишу только для того, чтобы сказать спасибо, спасибо за то, что вы внесли смысл в мою иссохшую жизнь. Я одноклассник Зибы, с которым меня всегда связывала дружба и который, хоть я и не разделял его взглядов, всегда поражал меня своей человечностью и бескорыстной открытостью [лишь так мы можем кричать другому человеку и всему миру: «Христос истинен»]. Думаю, безжалостный поезд под названием СПИД довез меня до конечной остановки моей несчастной жизни. Сейчас мне не страшно говорить об этом. Зибя всегда рассказывал мне, как важно иметь в жизни настоящий интерес и следовать за ним. Я следовал за многими интересами, но ни один из них не был настоящим. Но теперь я увидел и настоящий, я вижу его, я встретил его и начинаю узнавать его и звать по имени: имя ему – Христос. Я даже толком не знаю, что это значит и как я могу говорить все это, но, когда я смотрю на лицо моего друга или читаю *“Религиозное чувство”*, сопровождающее меня сейчас, когда думаю о вас и о том, что рассказывает мне о вас Зибя, все кажется более ясным, все, даже мои грехи и моя боль. Моя жизнь стала плоской и бесплодной, она словно гладкий камень, с которого все скатывается, как вода, и все же в ней есть толика смысла, значения, которая развеивает дурные и мучительные мысли, точнее вбирает их в себя и делает истинными, превращая и мое гниющее и разлагающееся тело в знак Его присутствия. Спасибо за то, что передали мне эту веру или, как вы говорите, это Событие. Теперь я ощущаю покой, я свободен и умиротворен. Когда Зибя читал передо мной молитву “Ангел Господень”, я богохульствовал, глядя ему в глаза, я ненавидел его и называл трусом, который только и знает, что бубнить свои дурацкие молитвы. Сейчас я, запинаясь, пробую молиться вместе с ним и понимаю, что трусом был я, ведь истина находилась у меня под носом, но я не мог ее разглядеть. Спасибо – вот единственное слово, которое человек вроде меня способен сказать вам. Спасибо за то, что сквозь слезы я могу говорить: такая смерть не бессмысленна, и не потому, что она стала чуть привлекательнее – я ужасно боюсь умирать, но теперь

я знаю: кто-то любит меня, и даже я могу спастись и могу молиться, чтобы мои товарищи по палате встретили и увидели то, что встретил и увидел я. Так я чувствую себя полезным; подумайте только: я пользуюсь одним лишь голосом и чувствую себя полезным; единственное, чем мне еще удастся неплохо пользоваться, позволяет мне быть полезным. Я, разбазаривший собственную жизнь, могу творить добро, всего лишь читая молитву “Ангел Господень”. Поразительно, и даже окажись все это иллюзией, насколько же она человечна и разумна, как вы говорите в “*Религиозном чувстве*”, чтобы не быть правдой. Зига повесил над моей кроватью изречение святого Фомы: “Жизнь человека опирается на привязанность, которая более всего ее поддерживает и в которой она обретает наибольшее удовлетворение”. Думаю, для меня самое большое удовлетворение в том, что я познакомился с вами [мы никогда не встречались!] через это письмо, хотя есть и еще большее: если Богу будет угодно, я по милости Его узнаю вас там, где все становится новым, благим и истинным. Новым, благим и истинным, как дружба, которую вы принесли в жизнь многих людей и о которой я могу сказать: “И я там был”. И я в этой пропащей жизни стал свидетелем и участником события нового, благого и истинного. Молитесь обо мне; я буду и дальше чувствовать себя полезным, используя оставшееся мне время для молитвы за вас и за Движение. Обнимаю вас. Андреа¹⁹.”

Это письмо словно стерло дистанцию в две тысячи лет! Все не произошло вчера, а происходит *сегодня*! Происходит сегодня не только для меня, но и *для тебя*, какую бы позицию ты ни занимал: поменяй ее, если нужно! Я тоже каждое утро понимаю, что должен поменять позицию, потому что отвечаю за многие вверенные мне Богом вещи. Я говорю только, что это событие, или это присутствие, принадлежит сегодняшнему дню! Тот человеческий поток, о котором мы говорили, я сегодня впускаю в твою жизнь! Нет ничего кроме Бога, одного лишь Бога, вчера сегодня и всегда! Великое событие, утверждал Кьеркегор, не может не *присутствовать*, ведь прошлому, мертвому не под силу нас изменить. Если что-то нас меняет, значит, оно в настоящем. Оно «есть, существует, если меняет», – говорится в одном из наших текстов.

Подтверждение тому – не только это прекрасное письмо. Вы, наверное, читали в газетах или в «*Трачче*» о молитве, которую составили наши дру-

¹⁹ Cp. Andrea (Milano). «Il volto buono del Mistero». // *Litterae Communionis–Tracce*. Dicembre. 1994. P. 4.

зья из Турина, потерявшие всех родных в недавней трагедии в Пьемонте²⁰. «В этот великий и ужасный час хотим поблагодарить Господа, нашего Бога и Отца, за то, что Он дал нам во Христе Франческо, Чечилию, Лучию, Чечилию. Через них, Ты, Христе, стал открываться нам в Крещении, воспитании, участии Лучии в жизни Движения, в рождении Чечилии, принятой как чудо. Соделай, о Христе, чтобы они, пребывающие теперь в Тебе, творящем всю реальность, помогли нам все больше признавать Тебя в каждое мгновение жизни»²¹. Спустя две тысячи лет событие происходит сейчас, для Альберто и Марио – сейчас! Взывай к Нему, пребывающему сейчас, чтобы Он победил твою холодность, твое невежество, твою отдаленность! Когда подростком я заболел и лежал в кровати с температурой, люди казались мне далекими-далекими, стены комнаты виделись далекими-далекими, мебель виделась далекой, и мне страшно было находиться одному в этом огромном, бесконечном пространстве; и когда моя мама входила в комнату, я видел ее крошечной, почти несуществующей. Это патология – видеть Его далеким, ведь Он Бог, Он присутствует. Он есть, *потому что присутствует*. То, чего нет в нашем настоящем опыте, то, что никак не вошло в наш настоящий опыт, не существует, не могло бы существовать.

Я хочу познакомить вас и с третьим свидетельством. Семеро наших друзей, четыре женщины из *Memores Domini* и три священника, двое из Рима, из семинарии, возглавляемой отцом Массимо Камизаской, все из Движения, находятся в великой Сибири, в Новосибирске. Это самая большая епархия в мире, она простирается на пять тысяч километров от Новосибирска до Владивостока. И они ездят по этой территории, преодолевая по четыреста километров в неделю. Недавно во Владивостоке, городе рядом с Японией, в самой восточной точке, состоялся первый католический синод Сибири. И епископы пригласили туда наших друзей. Они там уже три года, и у них появился небольшой круг друзей, принявших Крещение. Кое-кто живет жизнью Движения. Один из них, семнадцатилетний юноша, рассказал, что произошло в его жизни.

«Я встретил Движение сразу после того, как встретил Католическую Церковь. Я тогда совершенно ничего не знал о христианской жизни, а понимал еще меньше. Я встретил компанию достаточно молодых людей, в основном студентов и итальянцев, плохо или совсем не говоривших по-русски. Я слышал, как они рассказывали о жизни, о работе, о своем христианском

²⁰ Речь идет о сильном наводнении, произошедшем осенью 1994 года и нанесшем особенно серьезный ущерб в Пьемонте.

²¹ «O Cristo o niente». // *Litterae Communionis–Tracce*. Dicembre. 1994. P. 11.

опыте, о первой встрече со Христом, а еще они пели и развлекались, вместе ходили на мессу, иногда читали вечернюю молитву. Я воспринимал их как хороших друзей, но, честное слово, кое-что казалось мне странным: почему эти иностранцы отправились в такую даль, где жуткий холод и в жизни куда меньше удобств, чем в их краях? Кроме того, они все молоды и, несмотря на различия, так дружны. И еще: почему они вместе? Возможно, именно в этом, в том числе и в этом, состоит благодать первой встречи, когда ты интуитивно ощущаешь то, в чем нуждается твоя жизнь, ощущаешь некое соответствие, некое благо, пробуждающее в тебе любопытство и желание, и так ты каждый раз заново переживаешь первую встречу, до конца не осознавая почему. В самом деле, я не сразу начал догадываться и понимать, что в этой компании присутствует Кто-то, перед Кем все склоняются и Кто собирает воедино людей, которые, на первый взгляд, никогда бы не могли быть вместе. Думаю, для меня момент, когда я признал присутствие Христа, стал своего рода “исключительным”. Я признал, что любим [как Андреа], Иисус очень любит меня через людей, которых поместил рядом со мной и которые меня сопровождают. Я уже три года в “Общени и освобождении”, и это мне помогает. Могу сказать, что у меня появился вкус к жизни, и это кажется мне крайне важным [вкус к жизни, противоположность того, с чем мы так часто сталкиваемся в наши дни, противоположность утраты вкуса к жизни – мрачного признака нынешней культуры]. Действительно, у жизни много сторон: работа, отдых, учеба, каникулы. Видеть смысл во всех проявлениях жизни, признавать, что Бог стал событием нашего существования – это и есть христианство. Ничто не происходит случайно, ничто не происходит просто так, и каждый момент истории может свидетельствовать о присутствии Христа здесь и сейчас. У меня много друзей, я встречаюсь с разными людьми, и мне всегда очень грустно оттого, что они еще не испытали на себе благодать первой встречи, позволяющую уловить Его присутствие и побуждающую следовать за Ним. Я хотел бы передать всем, с кем встречаюсь, желание ощутить вкус к жизни. [Вкус – такой естественный термин, такой плотский и такой божественный! Это предвкушение вечного счастья, того вечного вкуса, который составляет цель жизни!] Конечно, у меня пока совсем мало опыта, но я прошу о том, чтобы во всех проявлениях жизни свидетельствовать о Христе, присутствующем *здесь и сейчас*. Иосиф»²².

Как и для Иосифа, для меня, христианина, самое большое удивление – в том, чтобы переживать, испытывать, видеть в настоящий момент, насколько Он

²² Josif. «Dio è diventato avvenimento nella nostra vita»// *Litterae Communionis–Tracce*. Novembre. 1994. P. 19.

соответствует сердцу. Однажды один журналист подошел в Индии к сестре из ордена Матери Терезы Калькуттской и задал ей несколько вопросов. Отвечая, эта юная монахиня, которой не было и двадцати лет, рассказала: «Помню, как-то раз я подобрала человека на улице и привела его к нам домой». – «И как он отреагировал?» – «Он не мямлил, не сквернословил, а только произнес: “Я жил на улице, как животное, а теперь умираю, как ангел, меня любят и обо мне заботятся <...>”. Нам понадобилось три часа, чтобы отмыть его. Потом он посмотрел на монахинь: “Сестра, – с трудом проговорил он, – я вот-вот вернусь домой”. И умер. Никогда я не видела такой улыбки, какая была на лице того человека»²³. Журналист спросил: «Почему кажется, что, даже принося самые великие жертвы, вы не прилагаете никаких усилий, словно вам все дается легко?» Тут в разговор вступила мать Тереза: «Мы делаем все для Иисуса. Мы любим и признаем Иисуса – сегодня»²⁴. Сегодня: вчера больше не существует. То, что было вчера, либо есть и сегодня, либо больше не существует!

Мне жаль, я не могу полностью прочесть вам следующее письмо – оно слишком длинное, ограничусь лишь отрывком²⁵. Его написала Глория, наша подруга, молодая преподавательница, которая поехала с Роуз в Африку, в Кампалу. Она рассказывает: «Для меня тут нет ничего непосредственного [нет ничего соответствующего, ничто не дается легко]. В определенные моменты я понимала, что не в состоянии находиться перед этими людьми, больными, грязными, лишенными минимальных санитарно-гигиенических условий. [Что позволяет ей быть там? Воспоминание двухтысячелетней давности? Что-то в настоящем. Что-то, присутствующее в настоящем]. Однажды утром я поздоровалась с Роуз, и она сказала мне: “Моли Богородицу, чтобы сегодня тебя не испугало то, как Христос предстанет пред тобой”. С этими словами в сердце я вместе с Клаудией отправилась в тюрьму для несовершеннолетних. Все вызывало у меня отвращение: запах, грязь, чесотка, вши. И я понимала, что моя просьба совпадала с тем, как я держалась». Она склонилась над больным, над заключенным-ребенком, грязным и больным, она склонилась над ним, стояла в таком положении, и ее просьба, просьба о бытии, которая настолько составляет человеческое сердце, что, даже если не задумываешься об этом, все равно об этом кричишь, просьба о бытии, о том, чтобы быть счастливой, просьба об истине,

²³ Ср. *Il Sabato*. N. 5. 1 febbraio 1986. P. 8.

²⁴ Ср. *Il Sabato*. N. 22. 30 maggio 1987. P. 4.

²⁵ Полный текст письма был опубликован в журнале *Litterae Communionis – Tracce*. Novembre. 1994. P. II–III.

о добре, о благе, о справедливости, о красоте – эта просьба совпадала с ее позой, когда она склонилась над больным.

Самая же впечатляющая весть последнего времени и, возможно, самая грандиозная во всей нашей истории, связана с тем, что произошло в Бразилии. Прошу вас, прочитайте в «Трачче» статью об убийстве Эдимара, паренька, который входил в число самых отпетых головорезов Бразилии. Ему не раз случалось убивать, потому что его банда была бандой убийц. Однажды в начале учебного года в его класс пришла одна женщина из *Memores Domini*, ливанка, живущая в Бразилии. Она говорила нашим языком и потрясла Эдимара, ему тоже захотелось иметь такой взгляд, полный синевы, не темный, мрачный, черный, словно грязный, как у него. Он обещает себе измениться. Главарь банды понимает: что-то не так – и тут же подвергает его испытанию, доверяет ему убийство человека. Тот отвечает: «Я больше никого не убью» – «Тогда я убью тебя!» И он убил Эдимара. Это второй мученик в нашей истории²⁶.

***

Какова же сжатая формула фигуры Христа как человека, занесенного в вифлеемские учетные книги и присутствующего сегодня, чтобы побуждать, чтобы призывать жизнь и сердце каждого из нас, чтобы через каждого из нас мир мог признать Его, чтобы мир стал счастливее, чтобы все люди в мире стали счастливее и знали тому причину, чтобы могли умереть, как Андреа? Сжатая формула, описывающая всю динамику Иисуса, сводится к тому, что Он был «*послан*» Отцом.

Почему Иисус, будучи Богом, Словом Божиим, выражением Бога, а потому началом мира, стал человеком? Почему вошел в чрево пятнадцатилетней девушки, был порожден в ее утробе, появился на свет как младенец, стал юношей, молодым человеком, человеком тридцати лет; почему говорил, как мы слышали, и поразил Андреа, поразил наших друзей из Вилла-Турро (больных СПИДом, о которых заботятся наши друзья), поразил Эдимара? Почему же Он стал Человеком и так действует в истории, присутствует в истории таким образом? Чтобы исполнить замысел Иного. Указывая на источник всего, от которого рождается жизнь, Он использует высшее слово: Отец. Его жизнь призвана Отцом ради исполнения миссии: жизнь есть призвание.

Вот христианское определение жизни: *жизнь есть призвание*. А призвание состоит в том, чтобы совершить миссию, выполнить задачу, которую

²⁶ Ср. D. Rondoni. Edimar, occhi e sangue. // *Litterae Communionis-Tracce*. Settembre. 1994. P. 28–30.

Бог определяет для каждого через банальные, повседневные обстоятельства, мгновение за мгновением, обстоятельства, происходящие по Его воле. Христос – идеал нашей жизни, поскольку она есть попытка ответа, желание ответить на призыв Бога; призывание, призыв Бога, замысел Тайны обо мне. Если я сейчас искренен, вдумчив, то понимаю: нет ничего очевиднее (это касается и тебя, сидящего в двух метрах от меня), нет ничего очевиднее того факта, что прямо сейчас я не творю себя сам: не я даю себе волосы, не я даю себе глаза, не я даю себе нос, не я даю себе зубы, не я даю себе сердце, не я даю себе душу, не я даю себе мысли, не я даю себе чувства! Все мне дано, чтобы свершился Его замысел – не мой, свершился через письмо, через речь, через молитву «Ангел Господень», как пишет Андреа, через все. «Едите ли, пьете ли»²⁷, – святой Павел говорит о самых банальных вещах, какие только можно представить. «Пьете ли, спите ли»²⁸, – скажет он в другом месте; «живете ли или умираете»²⁹, – повторяет он в третьем случае, – все это «ради славы Христовой», то есть ради замысла Божия.

Христос – идеал жизни. Тот, Кого слушали Иоанн и Андрей, был идеалом жизни. Вот почему встрепенулось их сердце, вот почему они возвращались домой в молчании, вот почему в тот вечер Андрей, не в состоянии промолвить и слово, обнял жену, как никогда раньше не обнимал. Они встретили идеал жизни. Они тогда еще не могли так сказать, бедолаги. Они сказали это несколько лет спустя. И с тех пор пошли по всему миру, чтобы говорить о том, что Христос – идеал жизни.

Что значит: Христос – идеал жизни? Он идеал для нашего отношения к природе, для нашего отношения ко всей природе, для нашего восприятия привязанности, а потому для того, как мы понимаем, видим, чувствуем, переживаем отношение с женщиной или с мужчиной, с родителями и детьми; Он идеал для того, как мы смотрим на других, переживаем отношения с другими, то есть с обществом как совокупностью и компанией людей. Какую черту этот идеал придает нашему отношению друг к другу, к вещам, к природе (под природой я понимаю все сущее, потому что я могу относиться плохо, несправедливо даже к микрофону – как это случилось чуть раньше, а я даже не заметил), к отцу и матери? Эта черта описывается двумя словами, имеющими тот же корень, но одно лежит в исходной, а другое – в конечной точке траектории действия. Первое – *благодарность*. Почему? Ответ – в сказанном раньше: нет в настоящий момент ничего

---

²⁷ 1 Кор. 10, 31.

²⁸ 1 Фес. 5, 10.

²⁹ Рим. 14, 8.

столь очевидного для меня и для тебя, как тот факт, что ты не создаешь себя сам, тебе все дано, в тебе есть Иной, Который более ты, чем ты сам! Ты приходишь от истока, лежащего вне тебя, и исток этот – тайна Бытия. И ты понимаешь, что аналогичным образом все вещи сотворены Иным. Ты как человек являешься сознанием природы: «я» – тот уровень природы, на котором она осознает себя. Подобно тому, как я не творю себя, вся природа не творит себя! А значит, она дана, она данность, дар. И потому достается даром: благодарность – основа и предпосылка любого действия, любого отношения.

И что же вносит эта благодарность в любое действие? Она придает действию характер, оттенок, дыхание *безвозмездности* [в итальянском языке слова «благодарность» и «безвозмездность» – *gratitudine* и *gratuità* – действительно являются однокоренными. – *Примеч. ред.*], чистой безвозмездности, о которой говорила, как мы неоднократно вспоминали, Ада Негри в своем бесподобном стихотворении³⁰, и ей удастся выразить это так хорошо, что лучше у меня и не выйдет: «Ты любишь и не думаешь, что любима: за всякий / распускающийся цвет или наливающийся плод, / за всякое рождающееся дитя Богу полей / и племен в сердце воздай благодарность». Тебе нравится цветок не за возможность его нюхать, а потому, что он есть; ты смотришь на поспевающий фрукт не с целью откусить, а потому, что он есть; ты смотришь на ребенка не потому, что он твой, а потому, что он есть! Вот абсолютная *чистота*. Пожалуйста, постарайтесь представить себе такую абсолютную чистоту. Какая-то часть этой чистоты, этой безвозмездности входит в нас, хотя мы того и не замечаем, она почти естественно входит в каждое наше действие. И если в моем отношении с тобой нет этой безвозмездности, намек на эту безвозмездность, то оно уродливо, оно пропаще, пропаще и преходяще, это отношение, достигшее начала своего конца, своего распада. Лишь чистота безвозмездности не распадается, не дает ничему распасться, удерживает все вещи прошлого, сохраняет их в настоящем, так что я в настоящем

³⁰ «Non t'ho perduta. Sei rimasta, in fondo / all'essere. Sei tu ma un'altra sei: / senza fronda né fior, senza il lucente / riso che avevi al tempo che non torna, / senza quel canto. Un'altra sei, più bella. / Ami, e non pensi essere amata: ad ogni / fiore che sboccia o frutto che rosseggia / o pargolo che nasce, al Dio dei campi / e delle stirpi rendi grazie in cuore. / Anno per anno, entro di te, mutasti / volto e sostanza. Ogni dolor più salda / ti rese: ad ogni traccia del passaggio / dei giorni, una tua linfa occulta e verde / opponesti a riparo. Or guardi al Lume / che non inganna: nel suo specchio miri / la durabile vita. E sei rimasta / come un'età che non ha nome: umana / fra le umane miserie, e pur vivente / di Dio soltanto e solo in Lui felice. / O giovinezza senza tempo, o sempre / rinnovata speranza, io ti commetto / a color che verranno: - infin che in terra / torni a fiorir la primavera, e in cielo / nascan le stelle quand'è spento il sole.» (A. Negri. *Mia giovinezza*. // *Mia giovinezza*. Milano: Bur, 2010. P. 78).

обогащаюсь всем тем, что совершил вчера и позавчера, и нет ничего бесполезного, как говорил наш друг Андреа за два дня до смерти.

Вот почему, следуя за Иисусом как за идеалом жизни, жизни как призвания, мы получаем – говорит Евангелие – *во сто крат*³¹. Все становится более насыщенным, мое отношение с тобой становится более насыщенным, словно мы родились вместе: несколько лет назад я тебя даже не знал, и у меня нет никакого корыстного интереса, мы с тобой вместе не по расчету. И мне хорошо с тобой (что бы ты там ни думал), но я твой друг не поэтому. Это самое большое богатство в любых отношениях, в том, как я смотрю на цветок, на звезды, на деревья, на листву, в том, как терплю самого себя, нагло требующего от вас еще пять минут внимания; во всем, в том, как я думаю о моих вчерашних и позавчерашних проступках: «Господи, прости меня, грешного». И когда я так говорю, я не разочаровываюсь и не унижаюсь, а становлюсь более истинным; не говори я так, я был бы менее истинным, ведь я и правда грешник.

От этого богатства происходит небывалая *плодотворность*, то есть сообщение собственной природы, собственного богатства, сообщение собственного богатства, собственной природы, собственного ума, собственной воли, собственного сердца, собственного времени, собственной жизни! И ты говоришь: «Я всю жизнь отдал бы за любого из вас!» Каждый из нас про любого другого сказал бы так, говорит так. А если не говорит, то потому, что никогда об этом не задумывался. Не задумывался, потому что никогда не думал об этом, сознавая присутствие Христова. Когда исходишь из этого, говоришь: «Я и жизнь отдал бы! Но Ты, Христе, все же помоги мне!» Это плодотворность в работе, любовь к работе, основанная не на расчете, не на вкусовых предпочтениях, не на выдающихся результатах моего присутствия в обществе; любовь к работе как к совершенству действия – в независимости от его успешности. Быть плодотворным – значит отдавать с любовью то, чем я являюсь, отдавать самого себя, то есть отдавать самих себя детям, любить все, что входит, войдет, входит и войдет еще в отношение с детьми, любить других людей, ведь они тоже дети, любить всех людей, народ. Плодотворность в работе, плодотворность в отношении с детьми, плодотворность народа. В общем, идеалом жизни становится благо других, благо для других: благо для других, ваше и мое благо! С такой целью Бог и сотворил мир: ради всеобщего блага. Ради блага. В противоположность тому, о чем говорится в книге Боббио³², в книге о зле, серьезной и, полагаю,

³¹ Ср. Мк. 10, 29–30.

³² N. Bobbio. Gli dei che hanno fallito. Alcune domande sul problema del male. // *Elogio della mitezza e altri scritti morali*. Milano: Ed. Linea d'Ombra, 1994.

местами даже трогательной. Однако же замысел отца – благо его детей. Идеалом жизни становится благо.

***

Сейчас, в последние пять минут, прошу вас сохранять внимание, потому что я собираюсь вывести из всего сказанного сегодня самое острое следствие. Есть такое призвание, которое избирает непредвиденную и невероятную дорогу, немислимую и непредставимую для чьего угодно ума. Оно называется – простите, что скажу сразу, – *целомудрием*. Это форма призвания, которое проходит сквозь (выражение «проходит сквозь» кажется мне незаменимым), подобно свету, проходящему сквозь стекло, это призвание проходит сквозь самые естественные потребности, какими они предстают в опыте любого человека. У людей, идущих по этому пути, те же естественные потребности, что и у остальных, но призвание проходит сквозь них, проходит сквозь самые естественные потребности, какими они предстают в опыте любого человека, и парадоксальным образом удовлетворяют их с новой силой.

Для них, благодаря такой жизни, благодаря такой форме призвания, *работа* становится *послушанием*. Человек идет на работу по разным причинам, не лишенным некоторого оттенка безвозмездности, но в этих людях работа становится целиком и полностью безвозмездной, стремится стать совершенно безвозмездной. Почему ты направляешься в свою адвокатскую контору или в класс к ученикам? Такие причины как день зарплаты, карьера или тот факт, что надо все-таки и работать, со временем сходят на нет, остается лишь желание блага других – желание, чтобы свершилась воля Божия. То есть работа становится послушанием. Что такое послушание? Послушание означает действие, совершаемое ради утверждения Иного. Что такое действие? Действие – это явление, в силу которого «я» утверждает себя, утверждает себя, реализует себя. Чтобы реализовать самого себя, я совершаю некое действие не ради самого себя, а ради Иного: вот что такое послушание. Закон действия – в Ином, в утверждении Иного, в любви к Слову, в любви ко Христу. Работа есть любовь ко Христу.

Если работа становится послушанием, превозносится и любовь к женщине или мужчине. Превознесение человека в физическом смысле слова означает, что он распрямляется во весь свой рост, достигает высоты собственной личности. Любовь к женщине превозносится как *знак* совершенства, притягательности, ради которых создан человек. Это предощутил Леопарди. В один прекрасный момент Леопарди догадался о том, что лицо женщины есть знак. Он любил многих женщин, но однажды понял, что искал не одно лицо, и не другое, и не третье, а лицо с большой буквы, женщину с большой буквы, и к именно к ней обращен его великолепный

гимн. Любовь к женщине превозносится как *знак* совершенства и притягательности красоты и блага, истины и справедливости, которыми является Христос, потому что совершенство, источник притягательности, источник красоты, блага, истины, добра и справедливости есть Слово Божие. Сквозь вид природы, или красоту мечты, или красоту лица, как говорил Леопарди в гимне «*К моей донне*»³³, просвечивает Божественное, лежащее в начале всех вещей; оно просвечивает в лице другого (другого в высшем смысле слова: для мужчины – в женщине, для женщины – в мужчине), сияет невыразимым образом, который невозможно, нельзя описать словами. Кому удалось это высказать, так это, по-моему, Леопарди. Он так не сказал, но был почти у цели. Простите, чтобы эти вещи не казались вам отвлеченными, прочитаю письмо, которое один молодой человек отправил своей бывшей девушке. Они встречались три года. После трех лет она почувствовала, что призвана к целомудрию, и сказала ему, что начала период проверки.

Молодой человек написал ей следующее: «Дорогая моя, обойдусь лишь немногими словами, ведь все уже навсегда вписано в наши сердца. [Навсегда! Ничто не исключено.] Я взволнован, то есть приведен в изумление тем, что совершается в твоей жизни или, лучше, Тем, Кто ее свершает. Эта радость со временем позволит мне достичь той благой судьбы, которая привлекла тебя. Даже боль, охватывающая меня порой сильнее, чем обычно, оттого, что я причинил тебе в некоторые моменты наших встреч,

---

³³ Ты, красота, внушаешь / Издалека любовь: твой образ зыбко / То входит в сон, то сердце потрясает, / Божественная тень, / Ты в час, когда блестит / В полях природы утренней улыбка; / Невинностью дыша, / Не ты ль блаженство веку золотому / Дала? Паришь ли, легкая душа, / Над миром, иль тебя скрывает рок / Скупой затем, что в будущем твой срок? // Нет у меня надежды / Узреть тебя живой когда-нибудь. / Ни даже в миг, когда в пустынной мгле / К приюту вечному проложит путь / Мой дух. Лишь занимался / Мой день, повит туманом, – / Я знал уже, что по нагой земле / Бредешь ты. И нигде / Тебе подобных нет. Лицом и станом, / Походкой, речью сходные с тобой / Не повторят прекрасный образ твой. // Средь горестей, что людям / Отпущены судьбой, / Когда бы кто-то встретился с тобой, / С той, что рисует мысленный мой взор, / О, сколь он был бы счастлив. / Из-за любви твоей до этих пор / И я б стремленьем к доблести и славе / Был одержим, как в пору юных лет. / Страданьям нашим утешенья нет; / Но стала бы с тобою жизнь земная / Подобьем светлым рая. // В долинах, где, звеня, / С утра блуждает песня земледельца, / Где я порой сижу / И сетую, что юный сон меня / Покинул; на холмах, где я бужу, / В слезах, воспоминашь об утрате / Желаний и надежд, – одною думой / Мой трепет пробужден: о, если б мог я, / Хоть грезя, сохранить в наш век угрюмый / Твой образ! – коль отняли существо, / Мне хороша и видимость его. // Бессмертная идея, / Коль чувственною формой / Пренебрегаешь, не желая пасть / На Землю из обители нетленной / И знать страданья власть; / Иль средь миров бесчисленных Вселенной / Избрала для себя прекрасней мир, / Светящую нежней звезду близ Солнца, / И там вдыхаешь ласковый эфир, – / Прими с Земли, на муки обреченной, / Гимн, что поет неведомый влюбленный. (Дж. Леопарди. *К моей донне*. Пер. А. Наймана).

дышит милосердием, делающим ее все более истинной. Остается тайна, но она уже сейчас открывается. Вся полнота наших с тобой отношений и того отрезка истории, что мы прошли вместе, находит в ней ясное объяснение. Мне нравится верить, что каждое мгновение, которое ты провела со мной при всей моей неспособности, не будет потеряно [никогда], и послужило Христу для того, чтобы привести тебя к Нему. Я прошу у тебя прощения, точнее прошу даровать мне твою мольбу, в уверенности, что ты любишь меня больше, принадлежит *Memores Domini*, то есть, что так ты возлюбила меня больше, чем если бы вышла за меня замуж. Я благодарю тебя за твоё ожидание и молю Богородицу, чтобы вокруг тебя всегда были лица, исполненные надеждой, как у тебя теперь, чтобы защищать и любить тебя на каждом шагу. Я подарил тебе икону Христа, знак Его воплощения [для православной традиции это предельно ясно]. Я подарил тебе икону Христа, знак Его воплощения, чтобы Его присутствие всегда утешало тебя и чтобы ты не забывала молиться обо мне, о вверенной мне задаче любить Елизавету, о ее родных, и о моих родных, и о наших друзьях, но в особенности, чтобы тебя никогда не отпускало объятие Духа Святого, которым является Движение и его таинственный страж».

Он понял. Вы поняли, что он понял? Работа становится послушанием, любовь к женщине становится высшим знаком совершенства той притягательности, которую та представляет для нас, счастья, которое нас ожидает. А народ из субъекта человеческой истории, полной раздоров и противостояний, становится историей людей, потока, реки сознаний, которые постепенно сдаются и озаряются, хотя бы в смертный час, славой Христовой.

Это зовется милосердной любовью, эти изменения зовутся *милосердной любовью*. Работа, которая становится послушанием, есть милосердная любовь. Любовь к женщине, которая становится знаком последнего совершенства, окончательной красоты, есть милосердная любовь. И народ, который становится историей Христа, Царствием Христовым, славой Христовой, есть милосердная любовь. Потому что милосердно любить – значит смотреть на присутствие, на всякое присутствие, и ощущать в душе пламенное устремление ко Христу, нежность ко Христу. Есть радость и веселье, возможные только на таких условиях! Радость и веселье – в противном случае эти два слова стоило бы исключить из человеческого словаря, нельзя радоваться иным образом! Можно быть довольными, удовлетворенными, какими хотите, но не радостными; радость требует всецелой безвозмездности, которая возможна лишь благодаря божественному присутствию, залог счастья, и радость – это его мгновенное выражение, когда Богу угодно, ободряющее сердце человека или народа в моменты, значимые с воспитательной точки зрения. Однако, простите, чтобы работа стала послушани-

ем, чтобы любовь к женщине стала знаком, о котором догадался Леопарди, чтобы народ был не нагромождением лиц, а грядущим Царствием Христовым, эта милосердная любовь должна стать *законом для всех*, не только для живущих целомудрием! Это всеобщий закон! Именно так, всеобщий закон! Целомудрие – видимая форма жизни, призывающая всех к общему идеалу, к общему идеалу, каким является Христос, Тот, ради Кого единственно стоит жить и умирать, работать, любить женщину, воспитывать детей, править народом и помогать ему. Идеал один для всех, но некоторые призваны к жертве целомудрия как раз для того, чтобы, присутствуя среди остальных, призывать к этому идеалу, единому для всех! Вы, возможно, читали в третьем томе школы общины, если дошли до этого, о понятии чуда³⁴. Чудо есть событие (такое там дается определение), которое неизбежно отсылает к Богу, это явление, которое так или иначе заставляет тебя задуматься о Боге. Чудо чудес, превосходящее все чудеса Лурда, превосходящее любые чудеса любого святилища в мире, чудо чудес, то есть явление, неизбежно вынуждающее тебя думать об Иисусе, – это красивая двадцатилетняя девушка, избирающая путь целомудрия.

Этот путь проходит через Церковь, как проходит через нее все то, что действует, плодоносит, цветет в людях, шагающих бок о бок в компании, творимой Богом; в ней соединяются все пути. Церковь – место, где все люди обогащаются, даруют себя и обогащаются дарами других. Церковь – трогательная обитель человечности, обитель человечности, место, где человечность возрастает, укрепляется, непрестанно отбрасывая все фальшивое, что мы, будучи людьми, в нее вносим; но она человечна, а потому люди становятся человеческими, когда отбрасывают фальшивое и любят чистое. Церковь – воистину трогательное явление. А переживание этой растроганности есть борьба с нигилизмом, против нигилизма.

***

Хулиан Каррон. Это один из тех моментов, в которые по-настоящему понимаешь, без всяких объяснений, откуда рождается молчание. Мы не просто перестаем говорить: нас переполняет нечто иное, и мы остаемся без слов. Постараемся не потерять это молчание по дороге в гостиницы.

Regina Coeli

---

³⁴ См. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. Указ. соч. С. 241–250.

Воскресение, 26 апреля, утро

На входе и выходе:

Людви́г ван Бетховен. Симфония № 9 ре минор, ор. 125

Герберт фон Караян – Берлинский филармонический оркестр

«Spirito Gentil» N. 27, Deutsche Grammophon

Отец Пино. Событие произошло не две тысячи лет назад, не двадцать один год назад. Оно происходит сейчас.

Ангел Господень

Утренняя

■ СОБРАНИЕ

Давиде Проспери. Многие из полученных нами вопросов можно подвести под общий знаменатель. Независимо от того, кто сколько понял из лекций, на первый план выходит благодарность за эти дни. Благодарность – знак какого-то события и благодать. Как мы слышали вчера, благодарность стоит у начала новой жизни. Для избранных путь жизни – непрестанное начало, вновь и вновь повторяющаяся встреча с Присутствием, дарующим нам жизнь. Без этой встречи, которую мы совершенно ничем не заслужили, жизнь была бы поиском цели на бездорожье.

Вполне вероятно, мы приехали сюда обремененные тревогами, проблемами, мыслями о Движении, но, если говорить начистоту, нельзя не признать, что нам было дано гораздо больше, чем ответы на наши проблемы. Мы получили импульс. В этот самый момент наша жизнь вновь охвачена всеобъемлющим, вездесущим Присутствием. Мы снова услышали и увидели свидетельство о сердцевине харизмы. И благодарность наполняет жизнь просьбой. Поэтому вопросы, которые мы выбрали, – это только начало работы. У нас еще будет время, чтобы вернуться к сказанному.

Первый вопрос: «Мог бы ты лучше объяснить мысль о том, что в Воскресении заключается основание новизны моих отношений с самой собой?»

Хулиан Каррон. Мы только что услышали песню *Barco negro*¹, в которой говорится о том, как мы обычно просыпаемся. «Утром я боялась показаться тебе некрасивой! / Я проснулась <...>, дрожа». Нам знакомо это давящее чувство, и порой на его фоне все остальное кажется пустым звуком. Каким будет утро, в которое нам не удастся найти присутствие, подобное присутствию родителей для плачущего ребенка, способное обнять все в нас, охватить любую нашу тревогу, любое ощущение, завладевшее нами? «Твои глаза сразу сказали мне, что я не была некрасивой, / и солнце проникло в мое сердце». Кто из нас не желал бы встретить такой взгляд каждое утро? И какие условия нужны, чтобы это происходило, чтобы Присутствие, охватившее мою жизнь и внесшее в нее надежду, посмотревшее на нас с нежностью, сохранялось, продолжалось во времени, повторялось здесь и сейчас? Никакого другого дара не было бы достаточно, если бы Христос, Который из милосердия к нам покинул небеса, не оставался бы живым среди нас. Это факт: Христос воскрес. Факт, а не мысль. Но нередко и мы поддаемся искушению думать, как старухи в песне: «Он больше не вернется». И лишь в силу уверенности, рождающейся во встрече с Ним, мы можем ответить любому, кто говорит нам так: «São loucas! São loucas!» Они безумны, безумны! «Все вокруг говорит мне, / что ты всегда со мной». Христос воскрес навсегда. Он здесь, Он присутствует, пока я еще сплю, чтобы, просыпаясь каждое утро, я мог находить Его и с нежностью смотреть на самого себя. Так, должно быть, случилось с Марией Магдалиной. Вспомним, как отец Джуссани рассказывал нам о ее встрече с Иисусом и о сцене в доме фарисея: «Магдалина стояла на обочине и с любопытством <...> смотрела на толпу, следовавшую за Иисусом, называвшим Себя Мессией (Его убьют несколько месяцев спустя). Проходя мимо, Иисус, даже не останавливаясь, взглянул на нее: с того момента она уже никогда не посмотрит на себя, на мужчин, людей, свой дом, Иерусалим, мир, дождь и солнце – она уже не сможет смотреть на все это вне взгляда тех глаз. Когда она смотрела в зеркало, в ее облике господствовал, его определял тот взгляд», какой бы она себе ни казалась, какое бы впечатление ни производила на саму себя. Она

¹ Как я боялась утром показаться тебе некрасивой! / Я проснулась на песке, дрожа. / Но твои глаза сразу сказали мне, что я не была некрасивой, / и солнце проникло в мое сердце. // Потом я увидела крест на скале, / и твою черную лодку, что плясала в ярком свете. / Я увидела прощальный взмах твоей руки на фоне уже поднятых парусов. / Старухи на берегу говорят, что ты не вернешься. / Они безумны! Они безумны! // Я знаю, любовь моя, / что ты даже не уезжал, / ведь все вокруг говорит мне, что ты всегда со мной. // В ветре, который бросает песок на окна, / в поющей воде, в угасающем огне, / в тепле постели, в пустынных местах, / в моей груди ты всегда со мной. // Я знаю, любовь моя... (*Barco Negro*. Слова и музыка К. Велью, Пиратини, Д. Моран-Феррейры)

не могла смотреть на себя иначе: «Она смотрела на себя Его глазами – понимаете? Ее лицо было вылеплено тем взглядом. <...> Магдалина смотрела на свою жизнь – на каждую ее деталь и на их совокупность – из глубины того взгляда, за которым в первый момент не последовало ни единого слова – слова прозвучат через несколько дней, когда Его, называвшего Себя пророком, пригласят на обед в дом одного из фарисейских начальников, хотевших подловить Его на ошибке. Она вошла в комнату, не спрашивая разрешения, не медля, бросилась к Его ногам, омыла их слезами и утерла волосами, под возмущенный ропот присутствовавших («Будь Он пророком, знал бы, что за женщина к Нему прикасается!»). Но Магдалина уже не могла смотреть на собственную жизнь – на каждую ее деталь и на их совокупность, она уже не видела, не ощущала ее, не жила ей вне того взгляда»². Представьте, как она плакала, когда Он умер на ее глазах, и в какое волнение пришла, услышав: «Мария!»

Воскресение не факт из прошлого, а взгляд, навсегда охвативший жизнь каждого из нас, определивший наш взгляд на всю реальность. А отношение с реальностью начинается с отношения с самими собой. Воскресение указывает на присутствие, на присутствие в настоящем, которое продолжает присутствовать, в какую бы ситуацию я ни попал, какое бы впечатление ни сложилось у меня о самом себе, каким бы отталкивающим я сам себе ни казался! Христос говорит нам: «Ты мой, и все твои возражения гроша ломаного не стоят!» Вопрос в том, доверяем ли мы Христу воскресшему, Который продолжает «происходить», присутствует, но не входит в нашу жизнь, если каждое утро мы Ему того не позволяем, если не распахиваем сердце, чтобы принять Его. Жизнь становится по-настоящему тяжелой, если в нашем взгляде нет этого Присутствия. Можно ли представить себе больший дар?

Проспери. «Мне хотелось бы лучше понять, почему наш главный союзник в борьбе с помрачением мысли – сама реальность».

Каррон. Меня всегда поражала притча о блудном сыне. У него перед глазами был отец, дом, блага, у него было все, но он этого не признавал! Недостаточно иметь все, недостаточно даже встречи. Этого не хватит! Часто мы так же неспособны видеть, как и он, и полагаем, что возможен другой путь, пролегающий не через встречу, короткая дорожка, быстрее ведущая к цели, к счастью, которого мы все желаем (блудный сын отправляется именно на его поиски). Но реальность упряма: ты

² L. Giussani. *Dal temperamento un metodo*. Op. cit. P. 5–6.

можешь уйти, делать что угодно, чтобы стать счастливым, до тех пор, пока реальность не даст тебе понять, кто ты в действительности. Вот тогда ты, возможно, начнешь отдавать себе отчет в том, *что* получил. Как-то раз мне рассказали об одном человеке, оставившем Братство, подобно блудному сыну. Через семнадцать лет он позвонил другу из Движения и спросил: «Вы еще видите, встречаетесь?» – «Естественно!» – «Можно и мне прийти? Мне вас так не хватает!» Как ему удалось прийти к этой мысли и победить помрачение, если не с помощью реальности? Вся реальность позволила ему понять, *что* с ним случилось, и все его мысли – ничто в сравнении с этим! Было бы замечательно не падать, но мы, увы, слабы и потому оступаемся. Реальность же помогает нам вернуться к самим себе и, когда рассеиваются наши иллюзии и фантазии, позволяет ясно увидеть, как трудна жизнь и сколько времени нужно, чтобы осознать, что с нами произошло. Чем быстрее мы это осознаем, тем меньше времени потеряем и тем больше насладимся жизнью в Его присутствии.

Проспери. «Нас поразило, как, сами того не замечая, мы отходим от Христа. Сами того не замечая – то есть неизбежно и неотвратно. Апостолы видели Его собственными глазами, но и этого было мало! Отец Джуссани говорит: «Поменяй позицию, если нужно!» Но как это сделать, учитывая, что мы отдаляемся от Христа и даже не ощущаем этого? Как не превратить все в «обязаловку»? И что значит с экзистенциальной точки зрения «решить» участвовать в событии? В чем заключается такое решение?

Каррон. Апостолы видели Его во плоти, у них уж точно не было недостатка в свидетельстве о Христе. И тем не менее они оступались. Вот почему не следует оправдываться и говорить: «Друзья из Братства – не слишком хорошие свидетели». Нет! Мы падаем не по вине других людей, но из-за нашей слабости. Я часто повторяю одну фразу, которую любил цитировать отец Джуссани: «Нет ничего удивительного в том, что слабость слаба» (св. Франциск Сальский). Слабость слаба – какая тут тайна? Мы падаем, и это нормально, друзья мои. Но в нашем падении, пусть всего на мгновение, посмотрим на самих себя с нежностью! Мы уже сказали: апостолам не было достаточно всей внушительности свидетельства Христова, чтобы не сбиться с пути. Я постоянно вспоминаю слова отца Джуссани, произнесенные на площади Святого Петра: «В нашем сердце всегда возникает неверность – даже перед лицом самых прекрасных и самых истинных вещей, <...> человек может оступиться

по слабости или мирской предвзятости»³. Как же хорошо отец Джуссани знал, из какого теста мы сделаны! «Без Меня не можете делать ничего»⁴, – сказал нам Иисус. Не хватит и самого убедительного свидетеля, ведь есть еще и свобода. Мы в глубине сердца мечтаем о таком отношении с реальностью, с очевидностью, в котором не требуется свобода. Но это невозможно. Мы свободны, а потому способны упасть в любую секунду.

Что же значит тогда решить участвовать в событии, каким является наше Братство в жизни Церкви? Значит «погрузиться» в то место, где, даже если я падаю (а падаю я неизбежно!), меня все равно обнимают и пробуждают, где все мне даруется снова и снова.

Одна из вас пишет мне о том, что переживает сложный период. Как-то вечером она идет на встречу группы Братства, после которой возвращается домой довольной, преображенной. На следующий день вечером ее пятнадцатилетняя дочь говорит ей: «Я собиралась оставить тебе записку, на случай, если мы не увидимся до завтра. Ты должна чаще ходить туда, где была вчера!» Подобные истории случаются как с членами Движения, так и с людьми со стороны. На днях один студент рассказал мне следующее: «В пятницу я обедал с одним другом, он на год старше меня, учится на юридическом и не принадлежит к Движению, точнее, начал приходить на наши встречи несколько недель назад. Мы говорили о разных вещах, о выборах, об учебе, и вдруг он сказал: “Прошу тебя, давай увидимся еще, давай видиться – может, заниматься вместе в университете. Давай чаще встречаться, чаще обедать”. Естественно, я спросил его: “Прости, почему ты просишь об этом?” – “Я хочу больше времени проводить с тобой, с вами [вот что такое решение!], с людьми из Движения. В вас есть что-то отличное, и я без вас уже не могу”. “И в чем же отличие?” – поинтересовался я. “Отношение с вами для меня важно не потому, что вы симпатичнее остальных – у меня есть гораздо более милые друзья; вы не учитесь лучше – некоторые мои знакомые куда прилежнее вас. Но вы более настоящие, более глубокие. Вы другие, и я без вас теперь не могу. Я начал читать “Религиозное чувство” и регулярно ходить на школу общины. Я живу в одной квартире с парнем, который изучает банковское дело, и уверен, что рано или поздно он тоже придет на школу общины, ведь за ужином мы говорим только об этом, о религиозном чувстве”. Меня глубоко поразило его признание, и я спросил себя, какое отличие, какую инаковость он увидел, чтобы сказать: “Вы не симпатичнее других и не умнее, но я без вас не могу”?»

³ L. Giussani. «*Nella semplicità del mio cuore lietamente Ti ho dato tutto*». Roma, 30 maggio 1998. // L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. VI.

⁴ *Ин.* 15, 5.

«Церковь, – говорил отец Джуссани, – трогательная обитель человечности, обитель человечности, место, где человечность возрастает, укрепляется, непрестанно отбрасывая все фальшивое, что мы, будучи людьми, в нее вносим; но она человечна, а потому [он подчеркивает] люди становятся человечными, когда отбрасывают фальшивое и любят чистое. [Не оправдывают фальшивое, а отбрасывают его из любви к чистому.] Церковь – воистину трогательное явление»⁵. Признать это место не значит быть обязанным что-то делать. Такое признание просто, ведь человеку не приходится сопротивляться, как тому студенту, который не может не быть рядом с друзьями из Движения.

Проспери. «За годы учебы в университете я привык ежедневно находиться в компании, и часто мне казалось, что возможность “жить вместе” облегчала следование. С началом взрослой жизни такие совместные моменты стали случаться реже. Сегодня ты говорил о следовании как о вживании в опыт другого. Помоги мне разобраться в этом и, прежде всего, понять, как не свести следование к моралистическому усилию».

Каррон. Возможностей не стало меньше, перестаньте уже так думать! Они изменились. Никто не запрещает нам поддерживать отношения с людьми, которые нам помогают. Все зависит от того, как мы решаем распорядиться жизнью и временем. Бессмысленно продолжать выдвигать возражения, не имеющие под собой основы. На интересующие нас вещи мы всегда найдем необходимое время. И не надо переживать «взрослые» обстоятельства, словно вы до сих пор в университете! Все зависит от нас, от того, насколько мы хотим войти в отношения с людьми, ведь, как мы слышали от отца Джуссани, «всегда есть личности, или моменты личности»⁶, позволяющие нам увидеть, в чем мы нуждаемся, и вжиться в их опыт. Но даже если мы видим, как они живут идеалом, это не избавляет каждого из нас от проверки в рамках собственной жизни, потому что именно благодаря ей прирастание и путь становятся все более уверенными и мы можем достичь уверенности во Христе, к которой нас призывает школа общины этого года. Чтобы обрести такую уверенность, недостаточно просто быть вместе. «Вера, – говорит отец Джуссани, – не может смошенничать, поскольку она каким-то образом связана с твоим опытом: она словно должна предстать перед судом, где

⁵ См. с. 88.

⁶ L. Giussani. *Un avvenimento di vita, cioè una storia*. Milano: Edit-Il Sabato, 1993. P. 459.

ты, опираясь на свой опыт, являешься судьей»⁷. Только если она предстает перед судом, где я, опираясь на мой опыт, являюсь судьей, взгляд Христа может глубоко войти в меня, проникнуть в самое мое нутро, чтобы я уже не воспринимал себя вне отношения с Ним. «Уже я живу, но живет во мне Христос»⁸. И этот путь никто не пройдет за меня. Если мы вместе не ради того, чтобы каждый проверил это «уже не я живу...», не ради того, чтобы все больше вживаться в это утверждение, компания так и останется чем-то сторонним, она не проникнет в наше нутро, в наше восприятие самих себя, в наши представления о самих себе, в то, как мы произносим слово «я», она не изменит наше самосознание. Без личной проверки вера никогда не станет моей.

Стало быть, как и вера, «ты тоже не можешь смошенничать, – продолжает отец Джуссани, – ведь, чтобы вынести о ней суждение, ты должен ее использовать, чтобы увидеть, преобразует ли она жизнь, нужно жить ей всерьез, и под верой понимается не твое видение веры, а подлинная вера, какой она была передана тебе. Поэтому наше понимание веры непосредственно связано с моментами дня, с обычным течением нашей жизни <...>. Если ты, влюбляясь в девушку или имея за плечами богатый опыт влюбленности, ни разу не замечал, как вера меняет отношение, если с удивлением не ловил себя на мысли: “Надо же, вера, освещая мои попытки завязать отношения, меняет их, меняет их к лучшему!” – если ты ни разу не говорил ничего подобного, вера никогда не станет уверенной и конструктивной, от нее ничего не родится, поскольку она не коснулась глубин твоего “я”»⁹. Вот какой опыт мы призваны приобретать – тот же самый, что вчера вновь произошел на наших глазах благодаря отцу Джуссани.

Проспери. В следующем письме тебя просят прояснить в свете упражнений то, что сказал нам папа на площади Святого Петра. «Как понимать его слова о автореференции?»

Каррон. Святейший Отец сказал нам, что «выходить в мир – значит отказываться от автореференции во всех ее проявлениях, значит уметь слушать тех, кто отличается от нас, с искренним смирением учась от каждого»¹⁰. Когда я готовил упражнения и перечитывал тексты, связан-

⁷ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro*. (1986–1987). Op. cit. P. 300.

⁸ Гал. 2, 20.

⁹ L. Giussani. *L'io rinasce in un incontro* (1986–1987). Op. cit. P. 300–301.

¹⁰ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

ные с нашей историей, мне в руки попала запись диалога, состоявшегося в 1978 году между преподавателями из Движения и отцом Джуссани, во время которого последний прочитал письмо, направленное ему одним из участников встречи. Я процитирую его, чтобы показать, насколько не нова проблема: «Широко распространено мнение, что среднестатистический член “Общениа и освобождения” не способен находиться рядом с другими людьми, поскольку считает все отличное от себя стоящим на порядок ниже, поверхностным и враждебным. Поэтому он ограничивается общением внутри общины – с остальными ему плохо, он чувствует себя непонятым». Мне сейчас не интересно, насколько сказанное соответствует нашей с вами ситуации, но, думаю, мы должны иметь в виду в виду это суждение. Отец Джуссани так прокомментировал письмо: «А ведь [в начале не было так] «луч» [встречи «Студенческой молодежи, которые впоследствии превратились в школу общины. – *Примеч. ред.*] был устроен таким образом, что можно было учиться у всех; приходили евреи, протестанты, атеисты; эти встречи существовали для того, чтобы открыть сердце христианина и дать ему понять, что вера способна освоить и принять истинную составляющую всякого опыта»¹¹.

Именно такому взгляду неизменно учил нас отец Джуссани – католическому взгляду, который он называл словом «экуменизм». Экуменизм «означает, что в христианском взгляде пульсирует порыв, позволяющий превозносить все благое в том, с чем он встречается, поскольку человек признает себя участником замысла, выделять все благое, доброе во всем, с чем он встречается, поскольку он может признавать, что это участвует в замысле, который свершится в вечности и который был явлен нам во Христе». Ничто не исключено из этого объатия. «Новую культуру творит событие Христа, и оно же дает начало подлинной критике, [поскольку] внимание к тому благу, что в меньшей или большей степени присутствует во всех вещах, побуждает созидать новую цивилизацию, любить новое творение <...>, новую культуру»¹². В нашу память навсегда запал пример о мертвой собаке: «В аграфах есть один эпизод о Христе; согласно ему, однажды, пересекая поле, Иисус увидел сгнивший труп собаки. Святой Петр, шедший первым, сказал: “Учитель, отойди”. Иисус же, напротив, приблизился и, остановившись в шаге от собаки, воскликнул: “Какие белые зубы!” В том разложившемся трупе лишь это было красиво. Недостатки бросаются в глаза любому [мы все умеем подмечать изъяны!], а подлинную ценность вещей видит лишь тот, кто восприимчив к бытию

¹¹ *Agli educatori. Ladulto e la sua responsabilita*. Op. cit. P. 57.

¹² L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 157–158.

и благу, кто позволяет бытию проявиться, кто заставляет его полюбить, ничего не забывая, не отсекая, не закрывая и не отрицая, ведь критика есть не враждебность по отношению к вещам, а любовь к ним. Поэтому по-настоящему критический взгляд невозможен, если мы не умиротворены любовью, которой мы обладаем и которая обладает нами. Лишь будучи в полной власти любви, лишь признавая себя причастниками любви Христа, «изобилующей миром», мы становимся подобны детям, бесстрашно входящим ночью в лесную чащу». Отец Джуссани продолжает: «Христианство завоевало мир именно этим обобщающим словом – «милосердие»». Милосердие! Нам о нем было сказано задолго до встречи с папой Франциском! И никто не может утверждать, что подобные разговоры двусмысленны! Действительно, милосердие лежит у истоков христианства: «Способность к милосердию выражается как чуткость к добру, как уверенность в том, что добро побеждает силой Христа». Следовательно, открытость и уверенность во Христе позволяют нам признавать доброе и благое в любом человеке, даже в самом далеком: «Благодаря этой открытости ты чувствуешь себя как дома рядом со всяким человеком, сохраняющим хоть крупицу истины, тебе хорошо где угодно»¹³.

Проспери. «Если важно лишь настоящее, в чем тогда ценность прошлого? Если событие происходит здесь и сейчас, какова ценность истории, которая нам предшествовала?»

Каррон. Предшествовавшая нам история крайне важна, поскольку, как говорит в «*Религиозном чувстве*» отец Джуссани, без опыта и без богатства прошлого невозможна коммуникация. «Чем богаче мой опыт, тем больше моя способность говорить с тобой, общаться с тобой». Но чтобы все происходящее с нами стало в полной мере нашим, то есть превратилось в богатство, из которого мы исходим в отношении с другим человеком и со всеми вещами, необходимо вовлекаться в жизнь как в опыт. И это не случается само собой. «Человеческие диалог и общение уходят корнями в опыт: действительно, от чего зависит сухость <...> совместной жизни общины, если не от того, что слишком мало людей вовлечено в опыт, в жизнь как опыт? Равнодушие к жизни как к опыту ведет к болтовне, а не к разговору. Отсутствие подлинного диалога, эту ужасную сухость в общении, эту неспособность общаться можно сравнить только со сплетней». Чтобы объяснить нам динамику, порождающую соучастие и общение, Джуссани делает два наблюдения.

¹³ *Ibidem.* P. 158–160.

Во-первых, «опыт хранится памятью. Память – это хранилище опыта. Итак, опыт хранится памятью, потому что я не могу вступить в диалог с тобой, если мой опыт не хранится во мне, не защищен во мне, как дитя во чреве матери, и, таким образом, не растет с течением времени». Во-вторых, «опыт должен быть действительно опытом, то есть разум должен выносить о нем суждение, а иначе общение становится бормотанием слов или извержением жалоб. А как разум судит об опыте? Постоянно сравнивая его живое содержание с изначальными потребностями, формирующими нашу человечность, с “исходным опытом”, поскольку исходный опыт есть по сути ум в действии»¹⁴.

В чем же тогда проблема? В том, что можно не проделывать опыт и не понимать, чему нас учит прошлое. Что значило учиться у прошлого для евреев, видевших, что все им непрестанно давалось от Бога? Быть постоянно открытыми новым дарам, которые им предлагались. Если же мы не научились у прошлого готовности принимать, то, когда Бог пошлет новый дар, мы окажемся не готовыми к нему и отвергнем его. Вместо того чтобы учиться простосердечному приятию того, как Тайна вновь дает нам дары, в один прекрасный момент мы можем возомнить, будто все уже поняли, будто освоили то, чему нужно учиться без остановки с самого первого мгновения христианского опыта. Какое заблуждение! Вот почему отец Джуссани говорит нам: «То, что мы знаем, или то, что мы имеем, становится опытом, если то, что мы знаем или имеем, дается нам сейчас: вот рука, протягивающая нам все это сейчас», – и добавляет страшную фразу: «Вне этого “сейчас” нет ничего!»¹⁵ Чтобы понять истинность этих слов, достаточно посмотреть на отношения между вами: вне этого «сейчас» весь опыт, прожитый с женой или с мужем, иссыхает, и вы уже не вспоминаете о начале, муж или жена не поражает вас, как прежде. Но зачем нужен ваш опыт, если не для того, чтобы помогать вам все больше и больше изумляться тому, что он или она по-прежнему рядом и по-прежнему вас любит? «Вне этого “сейчас” нет ничего!» В опыте мы хорошо это понимаем, ведь все нам дано. Какой бы богатый опыт нам ни довелось проделать в прошлом, переставая удивляться «сейчас», мы говорим: «Ну да, согласны, когда-то давно было так, но теперь все иначе, все устарело!» – и приходим к убеждению, что брак есть могила любви, а христианство – могила желания. Но мы так думаем не потому, что это правда! Подобные мысли появляются по причине нашей закрытости. Вчера я говорил о том, как наши новые

¹⁴ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. Указ. соч. С. 97–98.

¹⁵ См. сноску 57 на с. 44.

друзья, которых мы встречаем, возвращают нам взгляд, принесенный в мир Христом. Что ты теряешь, если не замечаешь того, что замечают они? Часто мы видим в них лишь наивных простаков – точно так же фарисеи смотрели на Иоанна и Андрея. «Уверовал ли в Него кто из начальников?»¹⁶ – грубо спрашивали фарисеи у того, кто после встречи с Иисусом в изумлении утверждал: «Никогда человек не говорил так»¹⁷. Если мы однажды замкнемся, подобно им, нам всем можно будет отправляться по домам! Тогда как слепорожденный, последний из пришедших, не мог не признавать, *что* происходило с ним в тот момент!

Мы должны молить Богородицу о том, чтобы она сохраняла в нас изначальную расположенность и открытость. Именно такой совет дал папа на встрече с церковными движениями: «Новизна вашего опыта состоит не в методах или формах, хоть они важны, новизна – в том, чтобы с готовностью и обновленным энтузиазмом отвечать на призыв Господа»¹⁸. Он говорит нам: вы могли сделать множество вещей, но, если вы утратили изначальную открытость, первоначальное пламя превратится в тлеющий пепел. Нет никакого запасного выхода! Можно все больше и больше болтать, протестовать, злиться, но, если мы утратили расположенность, нет смысла жаловаться. Впрочем, события не обязательно должны развиваться в таком ключе. Но от нас требуется решимость. И если мы на нее до сих пор не способны, давайте начнем просить у Господа помощи, без промедлений! Не станем дожидаться, пока пустыня внутри нас разрастется.

Проспери. Выходит, принимаю я событие, происходящее сейчас, или нет, зависит от признания того, что Тот, Кто вошел в нашу жизнь, Кто охватил ее во встрече, продолжает направлять ее.

Каррон. Мне вспоминается библейский эпизод с манной. Народ в пустыне голодает, и Бог отвечает ему, каждое утро посылая манну. Но израильтяне не верят, что Господь остается среди них («они говорят, ты никогда не вернешься»), и начинают запасаться манной, вместо того, чтобы возрастать в доверии и в сознательности и подобно ребенку полагаться целиком и полностью на то Присутствие, которое проявило к ним столь явный интерес. Я понимаю затруднение: полагаться на При-

---

¹⁶ Ин. 7, 48.

¹⁷ Ин. 7, 46.

¹⁸ Франциск. Обращение к участникам III Всемирного конгресса церковных движений и новых общин. 22 ноября 2014 г.

сутствие – значит всегда и во всем зависеть от Иного, быть во власти Иного, покориться Его замыслу, значит не быть хозяевами собственной жизни. Нас такой расклад не устраивает. Однако проблема заключается в том, чтобы по-настоящему любить самих себя, любить самих себя действительно сильно и потому вновь и вновь выходить из центра и ставить в центр Его, поскольку лишь Он приводит к свершению нашу жизнь. Слава богу, Христос всегда нам предшествует!

Проспери. «Мы находим бесконечно желанным такое отношение к работе, при котором она становится безвозмездной и делается ради блага других. Однако обычно профессиональный опыт сводится к амбициям, личным проектам и даже к мелочности. Как встреча с Христом в настоящем меняет наш взгляд на работу? Как сосредоточиться на послушании и не стремиться в первую очередь к получению денег, к власти или карьере?»

Каррон. Чего мы ищем в работе? Чего вы ищете в работе, когда стремитесь к деньгам, власти или карьере? Свершения самих себя. Попробуйте, попробуем проверить, хватит ли всего перечисленного для достижения такой цели, для нашего свершения. Проблема жизни встает (я вам постоянно об этом напоминаю), когда все идет гладко, когда у тебя есть все, чего ты искал в работе, и в то же время становится ясно, что этого недостаточно. Недостаточно по причине, о которой говорил Павезе: «В удовольствиях человек ищет бесконечного, и никто никогда не отказался бы от надежды этой бесконечности достичь»¹⁹. Если мы не признаем, что нашу жизнь приводит к свершению отношение с Тайной, мы не можем ожидать какой бы то ни было новизны в нашем отношении к работе. Неясность в отношении работы возникает в результате того, что прежде замутняется понимание природы нашего «я»: сходит нет осознание бесконечной несоразмерности окружающих меня вещей и широты моего желания, а потому, даже если мне удастся достичь желаемого, даже если все идет как по маслу, результат слишком мал и мелок по сравнению с возможностями духа, и, значит, я не смогу получить удовлетворение. Это не этическая проблема, речь не о том, чтобы сказать: «Я должен довольствоваться чем-то меньшим», – в том числе и потому, что мы не в состоянии довольствоваться чем-то меньшим. Мы сможем «удовольствоваться» – стать свободными – только в том случае, если у нас есть все, ведь любых других вещей, будь то деньги,

¹⁹ С. Pavese. *Il mestiere di vivere*. Torino: Einaudi, 1973. P. 190.

власть или карьера, слишком мало. Поэтому вопрос в том, начинаем ли мы осознавать, что нашу жизнь приводят к свершению не наши действия, а отношение с Его присутствием здесь и сейчас.

Вот почему отец Джуссани говорил о благодарности как о единственном источнике безвозмездности, то есть нового, другого отношения к работе, «бунтарского и удивительного способа» переживать обычные вещи, вошедшего в историю с христианством²⁰ (мы видели это на картинах Милле, которые проецировались на экранах в салоне: повседневная жизнь, привычные занятия преобразены присутствием Христа, Его взглядом в наших глазах). И тут важна память, а иначе мы живем, как все остальные, в точности как остальные.

В своей последней книге французский писатель Эмманюэль Каррер говорит о начале христианства следующим образом: «Я уверен, что сила убеждения христианской секты [возможно, он использует это выражение, поскольку в определенный период жизни был христианином, а теперь уже нет] основывалась в первую очередь на способности вдохновлять на действия, оставлявшие без слов, на действия, не только на слова, на действия, противоречившие нормальному человеческому поведению. Люди так устроены, и тут ничего не поделаешь: лучшие из них <...> любят друзей, и никто не любит врагов; они предпочитают быть сильными, а не слабыми, богатыми, а не бедными, великими, а не маленькими, командующими, а не подчиненными. Так повелось, и это нормально, никто никогда не говорил, что это неправильно. Греческая мудрость этого не говорит, равно как и еврейская религия. И вдруг появляются люди, которые не только говорят, но и делают совершенно противоположное. Поначалу никто не улавливал причину, никто не понимал смысл столь абсурдного выворачивания ценностей наизнанку. Потом некоторые стали видеть ясней, начали понимать, в чем смысл и какая радость, какая сила, какая насыщенность входят в жизнь благодаря этому, казалось бы, безрассудному поведению. И тогда у них оставалось лишь одно желание [мы слышали об этом вчера] – действовать, как они»²¹.

Проспери. «Отец Джуссани сказал нам, что целомудрие как основа отношения со всеми вещами является всеобщим путем. Можно сказать, в этом заключается секрет жизни. Как понимать мысль о том, что целомудрие – самый верный способ жить в браке?»

²⁰ См. с. 83.

²¹ E. Carrère. *Il regno*. Milano: Adelphi, 2015. P. 148.

Каррон. Идет ли речь о работе или о привязанности, мы всегда возвращаемся в одну и ту же точку: к осознанию природы «я». Проблема отношения с другим человеком коренится в «я», то есть в том, как я воспринимаю самого себя и, соответственно, другого. Но мы думаем, что это индивидуализм. Нет, нет и нет! Проблема – в самовосприятии; если человек этого не понимает, он перекладывает на другого (на нее или на него) ответственность за исполнение собственного желания достичь свершения. Но другой не в состоянии исполнить его, и потому отношения часто перерастают в насилие. В «*Религиозном чувстве*» о жизни как о потребности говорится следующее: «Отрывок из *“Ромео и Джульетты”* Шекспира в общих чертах описывает аналогичную открытость динамизма любви в человеке: “Мне покажи красавицу любую – в ее красе я лишь прочту о том, что милой красота – гораздо выше”. Притягательность красоты описывает парадоксальную траекторию: чем прекраснее красота, тем более явно она отсылает к чему-то иному <...>, не закрывает, а распахивает желание, является знаком иного. <...> Восприятие человеческого существования как потребности подсказывает, что смысл и цель жизни *в чем-то, что лежит за ее рамками*. Человеческие потребности отсылают к конечному ответу, неявно утверждают конечный ответ, который находится *по ту сторону* эмпирических аспектов существования»²².

Опыт говорит нам, что «я» и «ты» пробуждают друг в друге бесконечное желание полноты и свершения, несоразмерное их способности на него ответить. Поэтому лишь горизонт более великой любви не позволяет каждому из двоих любящих претендовать (в конце концов насильственно) на то, чтобы другой или другая – полные внутренних ограничений – ответили на бесконечное желание, которое сами и пробудили²³.

Твое сердце, сердце человека, призванного к браку, и мое сердце, сердце человека, призванного к целомудрию, нуждаются в одном и том же – во Христе, потому что только Он может утолить жажду счастья, которую другой человек непрестанно вызывает у меня. В этом смысле целомудрие, как мы слышали из уст отца Джуссани, есть «видимая форма жизни, призывающая всех к общему идеалу, к общему идеалу, каким является Христос, Тот, ради Кого единственно стоит жить и умирать, работать, любить женщину, воспитывать детей, править народом и помогать ему».

²² Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. Указ. соч. С. 133–134.

²³ Ср. J. Carrón. «Raggio divino al mio pensiero apparve, Donna, la tua belta» (G. Leopardi). // *Tracce-Litterae Communionis*. Ottobre. 2006. P. I–IV.

И потому оно важно для всех, оно в наших интересах. Лишь в том случае, если Христос определяет мое отношение с другим человеком, с мужем или женой, если Он действительно присутствует в моей жизни и я принимаю Его, это отношение станет не насильем, а безвозмездностью. Целомудрие как измерение, к которому мы все призваны, означает, что отношение с другим человеком превращается в чистое утверждение его бытия («ты любишь другого потому, что он есть»), и в нем есть «оттенок безвозмездности», «абсолютной чистоты», упомянутых вчера отцом Джуссани и возможных исключительно благодаря Христу. Безвозмездность расцветает в моей жизни только в силу благодарности за любовь Христову ко мне, только под действием взволнованности перед милосердием Христовым ко мне. Будучи так взволнован, я смогу любить другого и смотреть на него, ничего не ожидая взамен, не требуя наполнить то, что он в ограниченности своей наполнить не способен, – мое сердце, мое бесконечное желание. Меня поразило, как отец Джуссани закончил лекцию: «Переживание этой растроганности есть борьба с нигилизмом [а нигилизм может присутствовать как на уровне общества, так и в личных отношениях]»²⁴.

Проспери. «Какая разница между удовлетворенностью и радостью? Отец Джуссани сказал, что радость больше удовлетворенности. Как можно быть радостными?»

Каррон. Живя тем способом, о котором мы говорим. Вдумайтесь хорошенько в слова отца Джуссани, прозвучавшие вчера: «Радость требует всецелой безвозмездности, которая возможна лишь благодаря божественному присутствию»²⁵. Мы можем быть радостными, только если Христос охватывает нашу жизнь, в противном случае мы впадем в зависимость от всего остального, но никакая удовлетворенность не сравнится с настоящей радостью. Вот почему Иисус говорит, что радости, порожденной Его присутствием, никто у нас не отнимет.

Проспери. Как поддерживать и развивать единство между нами в следовании за тем, кто ведет нас сегодня?

Каррон. Много лет назад на одной из студенческих встреч отца Джуссани спросили, как углубить единство. Один человек говорил ему о жела-

---

²⁴ См. с. 88

²⁵ См. с. 87

нии и потребности углубить общение (часто мы полагаем, будто углубить общинность можно за счет собственных усилий). Послушайте, что ответил отец Джуссани: «Разговоры вроде: “Есть недостаток общения, поэтому нам хочется углубить общинность между нами”, – ведут к фальши. Напротив, меня с вами спланивает в общении желание углубить мою веру <...>, углубление веры во мне. В Движении широко распространено одно опасное заблуждение: мысль о том, что освобождение – в углублении собственной принадлежности объективности общения. Но объективность общения рождается от углубления личной веры, ведь вера – это отношение со Христом и Богом».

Иоанн и Андрей углубляли общение между собой не через договоренности или попытки слегка «подогреть» отношения в разговорах об общении. Нет! Как мы вчера услышали от отца Джуссани, их обоих переполняло одно и то же. Общение укрепляется в прямой зависимости от того, насколько один человек полнится тем же, что и другой. Иначе мы поддаемся искушению думать, будто способны сами воплотить общение в жизнь. Отец Джуссани продолжает: «По мере того, как я углубляю веру, между нами растет единство, даже если ты сопротивляешься. После свадьбы, чем больше человек углубляет смысл своего отношения со Христом [как видите, мы все время возвращаемся в ту же точку] через вверенную ему задачу, тем сильнее он любит жену, даже если та наставляет ему рога. Укрепление общения – следствие, вытекающее из углубления личной веры. Общение между нами становится зрелым не от нашего желания углубить его [давайте не будем путать исток, первопричину общения с нашим желанием что-то строить]: так возникают и поощряются психологические, сентиментальные, идеологические аспекты». Отец Джуссани подробно касается этой темы, чтобы подчеркнуть: «Проблема заключается в личности, все происходит от веры личности»²⁶. Все, включая и присутствие: «Присутствие есть следствие этого, следствие в том числе и с динамической точки зрения <...>: присутствие осуществляется по мере того, как во мне углубляется сознание о моей вере. Вот почему я выделил некоторые слова, – говорит Джуссани. – Присутствие “наполняет”, придает “вкус”, дарит “мир” – все эти признаки относятся к личности. Что противостоит идее присутствия, на которой мы делаем такой упор и которая – особенно в этом году – вышла на первый план? Идея присутствия как “общины”, как некоего коллектива, как некой группы. Я не говорю, что не надо быть таковыми, но это лишь следствие», поскольку, чем больше мы переживаем на личном опыте то, о чем гово-

²⁶ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza* (1975–1978). Op. cit. P. 250–252.

рим, тем яснее выражаем себя и как группа. «Иначе [община] становится идеологией [как часто случается] и рассеивается довольно быстро, люди в ней устают»²⁷.

Следовательно, проблема в личности, все происходит от веры личности. И тогда «что собирает нас здесь? <...> Проблема нашей собственной жизни, моей жизни, проблема смысла моей жизни, истины моей жизни, истины моего отношения с миром, а потому истины моего отношения со временем, с судьбой! Вот проблема: вера». Мне кажется, после того, что вчера на протяжении двух часов происходило на наших глазах, всем должно быть ясно: проблема в вере, то есть в том, «что в действительности означает, что Христос – смысл моей жизни. Все остальное – следствия, проявляющиеся, обнаруживающиеся посредством вспомогательных инструментов, но суть именно в вере»²⁸.

Таким образом, вопрос в том, чтобы следовать. Произошедшее с нами становится все более нашим по мере следования. «Сегодня я встретился с человеком, который рассказал о своих проблемах и в конце спросил: “Что мне делать?” Я ответил: “Следуй! Следуй <...> за авторитетом. Следуй: если будешь следовать, поймешь; если не будешь следовать, не поймешь”. Вот в чем ошибка тех людей, которые не следовали за развитием истории Движения: они остались, к примеру, где-то в самом начале, и теперь, видя масштаб Движения, испытывают ностальгию по тем временам и хотят судить о том, что Движение говорит сейчас, на основании их мыслей, их способа чувствовать и думать. [Некоторые даже утверждают, будто я меняю генетическую структуру Движения!] А им стоило бы вернуться к следованию, как в начале. Вначале они понимали, поскольку следовали. Теперь же они выросли и говорят: “Нет, мы хотим сами разобратся, хотим следовать за тем, что нам кажется правильным”. И потому ошибаются – в том числе и в политике»²⁹.

Друзья, жизнь – серьезная штука.

Давайте поможем друг другу жить всерьез!

---

²⁷ *Ibidem*. P. 251–252.

²⁸ *Ibidem*. P. 252.

²⁹ L. Giussani. *Affezione e dimora*. Milano: Bur, 2001. P. 71.

Объявления

Молитва о гонимых христианах

Папа Франциск с болью в сердце вновь призвал обратить взор на гонимых христиан: «К сожалению и сегодня мы слышим сдавленный и всеми пренебрегаемый вопль многих наших беззащитных братьев и сестер, которых по причине веры в Христа или определенной этнической принадлежности публично и безжалостно убивают: обезглавливают, распинают, сжигают заживо – или же вынуждают покинуть их земли» (12 апреля 2015 г.). Перед лицом столь серьезной ситуации мы – каждый из нас и Движение в целом – не можем оставаться равнодушными. Епископская конференция Италии готовится выступить с молитвенной инициативой, которая вовлекла бы всю Церковь. Мы сообщим подробности, как только станет известно, где и как пройдет жест.

Митинг за дружбу между народами

Как вы знаете, в этом году Митинг состоится с четверга, 20 августа (открытие в 12:00), по среду, 26 августа (заккрытие в 24:00). Организаторы выбрали эти даты прежде всего для того, чтобы мероприятие смогло посетить большее число людей, ведь Митинг, как говорил отец Джуссани, создается через личное участие – хотя бы в течение одного дня. Митинг – самый выразительный жест определенной истории. Осознание этого – первый способ поддержать событие. За годы существования Митинга многих людей, посетивших его впервые, поразили встречи и выставки, но прежде всего те, кто его строит, кто в нем участвует, кто слушает, кто проявляет интерес, кто позволяет себя провоцировать и задает вопросы, кто работает бесплатно и в то же время с радостью. Многие находят здесь пространство для диалога, для совместной жизни и для встречи и начинают спрашивать, благодаря кому все происходит, хотят дойти до источника этого опыта. Поэтому личное участие в Митинге каждому человеку предоставляет возможность вновь открыть, от какого опыта он рождается и что несет в себе.

Темой этого года стали строчки из стихотворения Марио Луци: «Эта нехватка – нехватка чего, / Сердце? – / Которой внезапно ты полнишься». Все мы понимаем культурное значение подобного названия, ведь, как мы убедились в дни упражнений, нынешнее замешательство и отсутствие каких бы то ни было очевидностей обусловлены помрачением сознания в отношении природы «я». Поэтому интересно обратиться к вопросу поэта и попытаться найти на него ответ. В противном случае, все более неизбежными станут обнищание нашей личности и умаление нашего желания.

Жизнь Братства

Затрону тепер некоторые аспекты жизни Братства, которые вы пролили прояснить.

Визитор групп Братства. На встрече приоров групп Братства Миланской епархии, прошедшей 4 декабря 2013 года (с текстом которой вы могли ознакомиться), я уже напомнил вам то, о чем и сам, как, думаю, и вы, слышал от отца Джуссани. По поводу функций визитора групп Братства он говорил следующее: «Ты, будучи визитором, отправляешься туда, куда я не могу доехать; поскольку мне туда не доехать, поезжай ты». Визитор не является частью структуры Братства. Цель этой фигуры – в предложении дружбы, отношения; благодаря ему отдельной группы достигает взгляд того, кто ведет всю общину, его объятие, которое тот не в состоянии донести лично. Единственная задача визитора – через собственное присутствие передать мое присутствие тем, до кого мне не добраться (я был бы рад ездить повсюду, но это невозможно, ведь нас много и мы рассеяны по всему миру). Вот почему визитор назначается тем, кто ответственен за всю общину, или, по крайней мере, с ним обсуждается. Группа Братства, нуждающаяся на пути в помощи визитора, должна определиться с кандидатурой и посоветоваться с епархиальным ответственным о том, насколько она подходит и соответствует задачам – как раз с точки зрения связи с центральным руководством Братства.

Выбор епархиальных ответственных. Думаю, полезно будет объяснить, как мы рассмотрели этот момент в жизни Братства и какие выводы попытались сделать. С самого начала образования Братства отец Джуссани продумал структуру управления – центральную дьяконию. В нее входят региональные ответственные, избираемые (в тех местах, где Братство признано епископом епархии) епархиальными ответственными, которые, в свою очередь, избираются членами Братства, проживающими в данной епархии. Для назначения епархиальных ответственных (согласно ст. 30 Устава) была установлена особая процедура, позволяющая информировать всех о сроках и способе избрания. Однако мы получили вопросы от некоторых из вас, выявляющие трудность в понимании этого жеста. Важно прояснить момент, касающийся авторитета Братства, и понять, что значит, что Братство избирает того, кто его ведет. Отец Джуссани описывает авторитет следующим образом: авторитет, или «опорный пункт, – это не совокупность участников собрания». Тогда что же такое авторитет? «Вся иудео-христианская история отмечена авторитетом, установленным Богом в самых разнообразных формах; следуя за ним, мы уверены, что находимся на верном пути». И мы тоже принадлежим к этой истории. Почему мы следовали за авторитетом отца Джус-

сани? Разве мы сами его выбрали? Он был дан нам Богом, и мы его признали. Именно так Бог всегда действовал в истории еврейского народа. Как же избирается авторитет? Говоря отвлеченно, мы можем сказать, что существует три способа. Первый заключается в демократическом голосовании; второй связан с тем, что кто-то навязывает свой авторитет другим; наконец, третий состоит в признании данности авторитета от Бога. Отец Джуссани говорит: «Авторитет не есть результат демократического голосования, и уж тем более не может быть установлен под высокомерным напором человека, говорящего: “Я главный”. Остается лишь один вариант: это благодать, предложенная нам Богом». Благодать можно принять или отвергнуть, но она не перестанет быть благодатью: «Авторитет – человек, в котором Бог по благодати Своей установил как точку нашего вхождения в историю». Именно это мы распознали в отце Джуссани. Какова же задача авторитета, установленного Богом? Долг авторитета – указывать на то, что, по его мнению, наиболее полезно Братству в его пути. Отец Джуссани говорил: «Первоочередной заботой и высшей задачей авторитета является выявление среди собравшихся вместе людей тех, кто наилучшим образом выражает то, что он принес. Иными словами: избрание нового авторитета происходит благодаря авторитету, посредством которого Бог нас призвал». Вы видели, как это произошло со мной. Я здесь не потому, что сам того захотел или так решили вы. Меня выбрал он, позвав меня из Испании. Он указал авторитет. Это не отменило необходимости пройти установленные процедуры для получения подтверждения со стороны центральной дьяконией того, на что указал отец Джуссани. И центральная дьякония, следуя его указаниям, избрала меня. Он заботился в первую очередь о том, чтобы указать на авторитет. «Иначе преемственность определялась бы на основании демократического метода или самонадеянного навязывания своего авторитета одним из нас». Но, действуя таким образом, мы вполне можем вернуться к одному из методов избрания ответственного за Братство, отвергнутых отцом Джуссани, поскольку «продолжение – это [постоянное] послушание, продолжение тоже является послушанием – утверждением дела Иного <...> Когда авторитет указывает на новый авторитет, он совсем не обязательно избирает самого блестящего или самого святого». Какое облегчение! «Слово “послушание”, таким образом, входит в поле свободы и очищает свободу, делая ее тем, чем она должна быть: удивлением, признанием и присоединением в отношении того, что Бог предлагает нам через установленный им авторитет. Этот авторитет устанавливает новый авторитет, и мы следуем за этим новым авторитетом, – говорит отец Джуссани. – То, что мы говорим о нашем Движении, относится и к Церк-

ви Божией. Поэтому авторитет характеризуется смирением: смирением, а не диктатом, поскольку лишь послушание спасает единство истории» (FCL. *Dovumentazione audiovisiva*. Diaconia di CL Spagna. Milano, 4 giugno 1993).

Все сказанное касается и назначения ответственных в епархиях и пастырских регионах, в которых представлено Братство. Предложение о назначении исходит от тех, кто руководит Братством, после чего кандидатура предлагается участникам собрания для свободного обсуждения.

СВЯТАЯ МЕССА

Литургия Слова: Деян. 4, 8–12; Пс. 117 (118); 1 Ин. 3,1–2; Ин. 10,11–18

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ФРАНЧЕСКО БРАСКИ

«Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее... Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее». (Ин. 10, 17–18). Мы могли бы пропустить мимо ушей эти слова Иисуса, не различить их среди многих других слов, сказанных в эти дни. Или они могли бы оставить в нас – но лишь на малое время – сентиментальный отзвук и даже предчувствие их важности и вместе с тем ощущение, что они касаются скорее отношений Христа с Отцом, чем потребностей нашей конкретной жизни здесь и сейчас.

Однако же эти слова были не просто нам зачитаны – они были возведены. Более того, их произнес Сам Христос, Который говорит и является действующим лицом литургии Церкви. И поэтому мы не можем больше думать, будто эти слова отличны или отделены от того факта, что Он снова происходит, что Он является Присутствием – здесь и сейчас – для каждого из нас.

Как понимать слова: «Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее», или «для того, чтобы опять принять ее»? Что значит, что причина любви Отца к Христу не только в том, что Он отдает Свою жизнь, но что Он отдает ее «с целью» опять принять ее, «для того», чтобы Он опять принял ее? Мы все думаем, будто знаем, что значит «отдать жизнь»: это значит отдать себя, принести себя в жертву, и мы более чем готовы – по крайней мере, по окончании духовных упражнений – признать величие того факта, что Христос отдал за нас жизнь.

Но в этом «знании» скрыта опасность. Если Пасха Христова не становится *методом* пребывания в реальности, существует риск, что акт отдачи жизни Христом ради нас останется событием, далеким от нас во времени и пространстве, останется благочестивым воспоминанием, к которому мы возвращаемся время от времени.

Существует риск смотреть на Крест Христов, на акт отдачи Им жизни как на «завершенную миссию», о которой мы вспоминали в Страстную Пятницу в Караваджо (или в другом месте), а потом думать, что она ложится прежде всего на наши плечи и становится *нашим* Крестом. Существует риск, подпитывающий даже – не дай Бог! – горькое подзрение, что Христос, исполнив Свое дело, ушел, или – по меньшей мере – остается, только если я Ему разрешаю.

Но все не так! То обстоятельство, что Христос опять принимает Свою жизнь, отдав ее, меняет всю перспективу, полностью меняет суждение! Отец любит Сына потому, что, опять приняв Свою жизнь после того, как Он ее отдал, Христос делает Свою жизнь непрерывающейся жертвой, непрерывным даром, плодотворностью, из которой не исключен ни один момент истории и ни одна часть творения.

Отец и Сын взаимно и совершенно знают Один Другого, как утверждает только что прочитанный нами фрагмент Евангелия (ср. *Ин.* 10, 15), потому что разделяют в полном общении Святого Духа, Который есть проявление и реальность порыва любви, побуждающего Их обратиться вовне Себя, и представляет Собой ту уникальную «власть» (ср. *Ин.* 10, 18), в силу которой Христос может отдать и вновь принять Свою жизнь. Вот что значит, что Христос есть «камень, сделавшийся главою угла», тот камень, который все держит и никогда не разрушается.

Дар жизни, отдача Себя Христом – это проявление Его любящего послушания любви и воле Отца. Того послушания, что преобразует историю в место постоянной плодотворности Пасхи через постоянное рождение нового человека, *обновленного субъекта*, который признает, что рожден заново «надеждой, которая не постыжает» (ср. *1 Пет.* 1,3–4). Это новый факт, врывающийся в историю через Пасху Христову. И он определяет нас, определяет существование каждого человека, неизгладимо и неизбежно.

Но кто этот человек, каковы качества этого нового человека, рожденного Пасхой?

Новый человек – тот, кто знает, что познан Христом, знает Его не как наемника, а как пастыря, который *никогда* не оставит Своих овец (ср. *Ин.* 10, 11–13), тот, кто никогда не думает о Нем: «Его нет».

Это тот, кто знает: он действительно сын Божий (ср. *1 Ин.* 3,1), рожденный к жизни, *уже наполненной уверенностью* в том, что ее основательность дается Отцом, и одновременно пронизанный ожиданием, томлением по еще не явленному.

Это тот, кто, осознавая всю свою нищету, знает, что призван прожить ту же жизнь, что и Христос, и потому не боится выйти наружу, ведь Христос *уже там, снаружи*, в поисках овец, которые оказались за пределами двора (ср. *Ин.* 10, 16).

Постоянно и объективно присутствующий среди нас воскресший Христос – единственный камень, на котором можно строить и который можно использовать как опору реальности. Это Он делает нас *спасенными людьми*: Он спасает нас, прежде всего, от нашего притязания определять облик реальности в соответствии с нашей мерой.

Реальность есть Христос. И Христос прекрасно знает, как Ему еще раз произойти для каждого из нас. Мы пережили это в Риме. Мы пережили это вчера днем. Мы пережили это сегодня утром.

Будем благодарны за то, что Христос дает нам в избытке свидетелей и учителей, уверенных в том, что Он происходит снова. Мы снова встретили их. Мы слушали их. Мы встретили их взгляд, горящий признанием присутствующего Христа: папа Франциск, отец Джуссани, отец Хулиан.

Помолимся, чтобы благодать, которая в невообразимом изобилии изливается на нас и на все Движение, наполнила каждого из нас уверенностью и радостью.

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

Дорогие друзья,

не могу не послать вам свое приветствие и благословение по случаю столь важного события, благодаря которому и в этом году обновляется сознательная принадлежность всех вас Церкви согласно харизме монсеньора Луиджи Джуссани.

Присутствие во взгляде – это настоятельный призыв к радикальному обращению и полной отдаче, особенно важный в наше время, когда многие христиане, верующие люди и строители справедливости платят за это жизнью, изгнанием и многими страданиями.

Я молюсь о том, чтобы в каждом из вас прокладывала себе дорогу зрелая вера. А вера является таковой, когда желание увидеть Иисуса лицом к лицу становится, по благодати и по вере, доминантой нашего дня и делает нас способными «обладать на отдалении», о чем не переставал напоминать слуга Божий отец Луиджи Джуссани.

С любовью и особым благословением,
*кардинал Анджело Скола,
архиепископ Милана*

Дорогой отец Хулиан,

Присоединяюсь ко всему Братству «Общениа и освобождения» в этот благодатный момент, когда Господь снова прикоснулся к нам на аудиенции с папой Франциска седьмого марта. Святейший Отец напомнил нам, что «спустя шестьдесят лет изначальная харизма не утратила свежесть и живость», но одновременно призвал нас «сместить центр тяжести», потому что «центр может быть лишь один – Иисус, Иисус Христос!»

Тема нынешних упражнений – «Присутствие во взгляде» – поможет нам увидеть этот центр, как это всегда делал отец Джуссани, чтобы он на самом деле стал центром нашей жизни и нашей миссии в мире. В эти времена мучеников я прошу Духа о благодати и о том, чтобы духовные упражнения обновили истину нашего опыта и пыл свидетельства, чтобы мы были всегда открыты сюрпризам Бога.

Я также молю Богородицу обо всех вас и желаю, чтобы мы могли всюду нести тот безошибочно узнаваемый «взгляд» Иисуса, которому научились у отца Джуссани и который ты призываешь нас поддерживать живым на окраинах опыта в следовании за папой Франциском.

Всех сердечно обнимаю и благословляю в Господе.

*Монсеньор Филиппо Санторо,
архиепископ митрополит Таранто*

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Его Святейшеству Франциску

Ваше Святейшество,

послание по случаю начала наших духовных упражнений и приветствие, которые передал нам кардинал Мюллер, обновили в нас уверенность в присутствии Христа воскресшего, достигающего нас через материнство Церкви. За это Вам благодарны я и двадцать четыре тысячи членов Братства «Общения и освобождения», собравшихся в Римини, а также несколько тысяч друзей, присоединившихся к нам по видеосвязи в семнадцати странах мира.

Полностью охваченные великим событием встречи с Вами на площади Святого Петра, мы осознали, что нам еще нужно понять масштаб того божественного дара, каким для нашей жизни был отец Джуссани: «Все в нашей жизни начинается со встречи. Иисус Христос всегда предваряет нас». На площади Святого Петра благодаря Вам на наших глазах произошло то, о чем Вы говорили: встреча, исполненная милосердия. Ваши слова помогли нам лучше осознать нашу безграничную нужду, заставили нас просить о нищете духа, чтобы получить дар обращения.

Поэтому мы вспомнили нашу историю, отмеченную постоянными призывами отца Джуссани: «Наше сердце словно обособлено, или, вернее, Христос остается обособленным от нашего сердца», потому что мы «не ждем Его днем и ночью». Мы ощущаем неотложную потребность в зрелой вере, чтобы с большим пылом предлагать ее всему миру. Следовать за Христом и любить Христа во всем – главная особенность нашего пути.

Стремясь к живой памяти об отце Джуссани в десятую годовщину его рождения для Неба, мы посмотрели и прослушали его свидетельство о Христе, событие Которого не «было» вчера, но происходит сейчас, и это свидетельство наполнило нас молчанием, позволив снова пережить встречи, произошедшей с Иоанном и Андреем на Иордане. Им было просто признать Его в силу ни с чем не сравнимой исключительности, поскольку Он соответствовал ожиданиям сердца: «Те двое сказали друзьям – словно мощный поток все расширился, словно великая река все больше наполнялась водой, – и наконец, сказали моей матери, моей маме. И моя мама сказала мне, когда я был маленьким, и я говорю: «Учитель, я тоже не понимаю твоих слов, но, если мы уйдем от Тебя, то куда направимся? Лишь у Тебя слова, отвечающие сердцу».

На пути, проложенном отцом Джуссани, мы хотим следовать за преемником Петра с привязанностью и вовлеченностью, чтобы быть активными соратниками Вашего миссионерского пыла, то есть «дланями, руками, ногами, умом и сердцем Церкви, идущей в мир».

Продолжая поддерживать Вашу вселенскую миссию ежедневной молитвой, просим Богородицу *Salus populi romani*, чтобы она испросила у Своего воскресшего Сына ласковое прикосновение милосердия для всех наших братьев христиан, преследуемых и убитых только за то, что у них есть вера, и за братьев, которые погибают, покидая свои дома в поисках счастья.

Просим Вас, Святейший Отец, молиться, чтобы каждый из нас поддерживал живым огонь памяти о первой встрече и был свободен, поместив в центр Христа и Евангелие.

свящ. Хулиан Каррон

Его Святейшеству папе на покое Бенедикту XVI

Святейший Отец,

в течение духовных упражнений Братства «Общениа и освобождения» мы размышляли над ситуацией, в которой находится современный человек, когда, по Вашим словам, «крах древних убеждений стал свершившимся фактом». В этом контексте исполненная благодарности память о харизме отца Джуссани и великая встреча с папой Франциском в Риме напомнили нам о том, насколько необходимо, чтобы каждый из нас все полнее переживал веру как ответ на глубинные потребности своего сердца, чтобы каждое обстоятельство и каждая встреча проживались с присутствием Христа во взгляде, позволяя нам быть «дланями, руками, ногами, умом и сердцем Церкви, идущей в мир».

Уверяем, что молимся о Вас каждый день, и просим, чтобы воскресший Христос и дальше был светом, сияющим в радости на Вашем лице.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Баньяско,
председателю Епископской конференции Италии*

Ваше Высокопреосвященство,

по окончании духовных упражнений Братства «Общениа и освобождения», в которых приняли участие двадцать четыре тысячи человек, и еще несколько тысяч присоединились к ним по видеосвязи, мы возвращаемся домой, еще больше желая, чтобы в центре нашего пути, намеченного отцом Джуссани, был Христос, чтобы мы становились в итальянском обществе «дланями, руками, ногами, умом и сердцем Церкви, идущей в мир», как поручил нам папа Франциск на площади Святого Петра.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Станиславу Рылько,
председателю Папского совета по делам мирян*

Ваше Высокопреосвященство,
по окончании духовных упражнений Братства «Общения и освобождения», в которых приняли участие двадцать четыре тысячи человек, и еще несколько тысяч присоединились к ним по видеосвязи, мы обновляем желание быть «дланями, руками, ногами, умом и сердцем Церкви, идущей в мир, к окраинам, на поиск самых далеких», как просил нас папа Франциск на площади Святого Петра, и осознали, что «центр может быть лишь один – Иисус, Иисус Христос!», как свидетельствовал нам всей своей жизнью отец Джуссани.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству кардиналу Анджело Сколе,
архиепископу Милана*

Дорогой Анджело,
мы прожили эти дни как просьбу об обращении, о котором ты писал в своем письме, осознавая, что на бесконечное желание нашего сердца мы не можем ответить красивыми словами или своими делами – необходимо признать Христа, происходящего сейчас, как всегда свидетельствовал нам отец Джуссани и как мы снова увидели на встрече с папой Франциском в Риме. «Центр лишь один – Иисус Христос!» – вот вся наша жизненная программа.

свящ. Хулиан Каррон

*Его Высокопреосвященству монсеньору Филиппо Санторо,
архиепископу Таранто*

Дорогой Филиппо,
благодарим за твое письмо. В течение этих дней мы пережили свежесть и жизненную силу харизмы, потому что увидели, как снова происходит Христос, присутствующий здесь и сейчас, единственный, Кто исполняет беспредельное желание нашего сердца. Следуя за папой Франциском, мы просим о том, чтобы все больше переносить центр тяжести с себя, чтобы «поместив в центр Христа, быть дланями, руками, ногами, умом и сердцем Церкви, идущей в мир».

свящ. Хулиан Каррон

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель – Сандро Кверичи

Список изображений, показом которых сопровождались произведения классической музыки, звучавшие перед началом и по завершении встреч.

В течении дня – от рассвета до заката, как и в течении жизни – от младенчества до старости – Жан-Франсуа Милле улавливает священность каждого мгновения человеческого существования. Евхаристический призыв «творить сие в Мое воспоминание» находит в простых жестах повседневности ответ веры, способной замечать неистощимую положительность реальности.

1. *Букет маргариток*. 1871–1874. Париж, Музей Орсе.
2. *Женщина, кормящая ребенка (Каша)*. 1861. Марсель, Музей изящных искусств.
3. *Кормление детей*. 1860. Лилль, Музей изящных искусств.
4. *Мать, укачивающая дитя*. 1870–1873. Цинциннати, Художественный музей Тафт.
5. *Женщина и ребенок (Молчание)*. 1855–1860. Чикаго, Институт искусств.
6. *Детский сон*. 1854–1855. Норфолк, Художественный музей Крайслера.
7. *Крестьянин, сажающий дерево*. 1855. Монако, Новая пинакотeka.
8. *Больной ребенок*. 1858. Частная коллекция.
9. *Первые шаги*. 1858–1866. Кливленд, Художественный музей.
10. *В саду*. 1860. Бостон, Музей изобразительных искусств.
11. *Особняк в окрестностях Гревилья*. 1856. Бостон, Музей изящных искусств.
12. *Первый урок вязания*. 1854. Бостон, Музей изящных искусств.
13. *Урок вязания*. 1869. Сент-Луис, Художественный музей.
14. *Чесание шерсти*. 1863. Частная коллекция.
15. *Женщина, пекущая хлеб*. 1853–1854. Оттерло, Музей Крёллер-Мюллер.
16. *Девушка, сбивающая масло*. 1848–1851. Бостон, Музей изящных искусств.
17. *Прядильщица*. 1850–1855. Бостон, Музей изящных искусств.
18. *Сидящая прядильщица (Эмили Милле)*. 1854. Бостон, Музей изящных искусств.
19. *Родной дом Милле в Грюши*. 1863. Бостон, Музей изящных искусств.

20. *Дом в Грюши*. Ок. 1863. Бостон, Музей изящных искусств.
21. *Дом с колодцам в Грюши*. 1854. Лондон, Музей Виктории и Альберта.
22. *Девушка у колодца*. 1866–1868. Париж, Лувр.
23. *Новорожденный ягненок*. 1866. Бостон, Музей изящных искусств.
24. *Стрижка овец*, 1852–1853. Бостон, Музей изящных искусств.
25. *Режут свинью*. 1867–1870. Оттава, Национальная галерея Канады.
26. *Возвращение с фермы*. 1850. Милан, Галерея современного искусства.
27. *Женщина, несущая связку хвороста и ведро*. 1858–1860. Частная коллекция.
28. *Крестьянка, жгущая траву*. (?). Гент, Музей изящных искусств.
29. *Вязальщица снопов*. 1854–1857. Нью-Йорк, Метрополитен-музей.
30. *Пряха из Оверни*. 1868–1869. Париж, Музей Орсе.
31. *Сидящая пастушка*. 1871. Бостон, Музей изящных искусств.
32. *В Оверни*. 1866–1869. Чикаго, Институт искусств.
33. *Пастушка гусей в Грюши*. 1854–1856. Кардифф, Национальный музей Уэльса.
34. *Пастушка со своим стадом*. 1863–1864. Париж, Музей Орсе.
35. *Пастушка, сидящая на окраине леса*. 1848–1849. Бостон, Музей изящных искусств.
36. *Крестьянка, спящая в тени куста*. 1872–1874. Реймс, Музей Сен-Дени.
37. *Пастушки наблюдают за полетом диких гусей*. 1866. Бостон, Музей изящных искусств.
38. *На работу*. 1850–1851. Глазго, Художественная галерея и музей Келвингроув.
39. *Осень, стога*. 1874. Нью-Йорк, Метрополитен-музей.
40. *Сбор урожая*. 1868–1870. Бостон, Музей изящных искусств.
41. *Сборищицы колосьев*. 1853. Кофу, Музей искусств префектуры Яманаси.
42. *Сборищицы колосьев*. 1857. Париж, Музей Орсе.
43. *Жнецы на отдыхе*. 1850–1853. Бостон, Музей изящных искусств.
44. *Посадка картофеля*. 1861. Бостон, Музей изящных искусств.
45. *Уборка картофеля*. 1855. Балтимор, Художественный музей Уолтерса.
46. *Рубка льна*. 1850–1851. Балтимор, Художественный музей Уолтерса.
47. *Веяльщик*. 1847–1848. Лондон, Национальная галерея.
48. *Женщина, ведущая корову на пастбище*. 1858. Бурк-ан-Брес, Музей Эна.
49. *Крестьянин раскидывает навоз*. 1854–1855. Роли (Северная Каролина), Музей искусств.
50. *Рождение теленка*. 1860. Принстон, Университетский музей искусств.
51. *Рождение теленка, деталь*. 1864. Бостон, Музей изящных искусств.

52. *Пильщики в лесу*. 1850–1852. Лондон, Музей Виктории и Альберта.
53. *Сеятель*. 1850. Бостон, Музей изящных искусств.
54. *Вязальщик снопов*. 1866–1867. Хиросима, Музей искусств.
55. *В винограднике*. 1852–1853. Бостон, Музей изящных искусств.
56. *Виноградарь*. 1869–1870. Гаага, Государственный музей Месдаха.
57. *Человек с мотыгой*. 1860–1862. Лос-Анджелес, Музей Гетти.
58. *Пастух гонит стадо, вечер*. 1860. Нью-Йорк, Бруклинский музей.
59. *Пастбища в окрестностях Шербура*. 1871–1872. Миннеаполис, Институт искусств.
60. *Возвращение после сбора сена на закате*. 1868–1870. Хиросима, музей искусств.
61. *Пастушка индюков, осень*. 1872–1873. Нью-Йорк, Метрополитен-музей.
62. *Пастух в сумерках*. 1856–1860. Балтимор, Художественный музей Уолтерса.
63. *Тропинка через луг*. 1867. Бостон, Музей изящных искусств.
64. *Монастырь в Вовиле, Нормандия*. 1872–1874. Бостон, Музей изящных искусств.
65. *Зимний вечер*. 1866–1868. Бостон, Музей изящных искусств.
66. *Женщина шьет рядом со спящим ребенком*. 1858–1862. Бостон, Музей изящных искусств.
67. *Вечерняя молитва («Анжелюс»)*. 1857–1859. Париж, Музей Орсе.

Содержание

Пятница, 24 апреля, вечер

ВВЕДЕНИЕ	4
СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СТЕФАНО АЛЬБЕРТО	20

Суббота, 25 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – <i>Есть лишь один центр – Иисус Христос</i>	21
--	----

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА КАРДИНАЛА ГЕРХАРДА Л. МЮЛЛЕРА, ПРЕФЕКТА КОНГРЕГАЦИИ ВЕРОУЧЕНИЯ	57
---	----

Суббота, 25 апреля, вечер

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ – <i>Признать Христа</i>	63
---	----

Воскресение, 26 апреля, утро

СОБРАНИЕ	89
----------	----

СВЯТАЯ МЕССА – ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ФРАНЧЕСКО БРАСКИ	110
--	-----

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ	113
----------------------	-----

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ	114
-------------------------	-----

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ	117
----------------------------	-----

